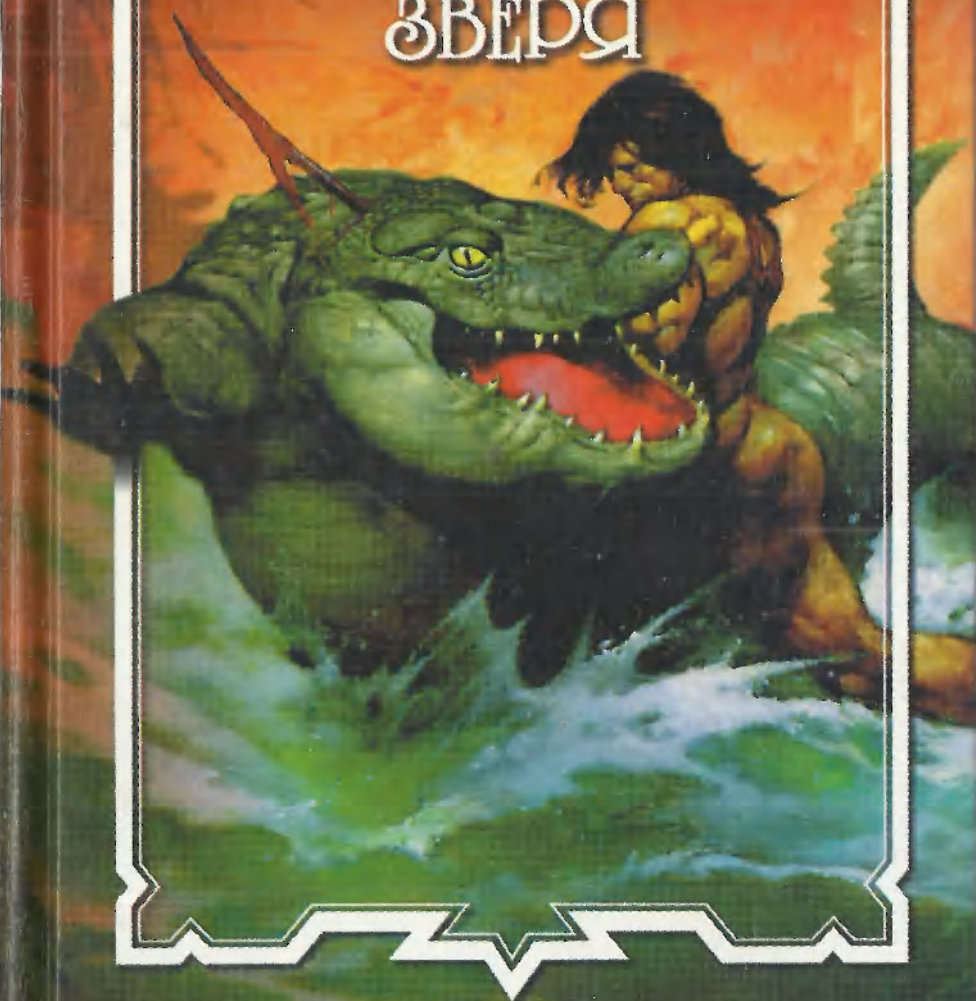


БЕЛАНКІ
КОНАН

КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ



САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЫМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛАУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КАИНКИ 12	КОНАН И ТРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРУДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПЬСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛИСМАН ЗАА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И ВИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛАЧЕВНЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАДЕ АРИМАНА 21
КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОМЕСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛАЧНИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛОТЫЙ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАХ 34	КОНАН И ТОРГОВЛЯ ГРЕЗАМИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛЬ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

«Вестник»

КОНАН

КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ



ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2001

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Д 67

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа Frank Frazetta.

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Доннел Т., Локнит О.

Д67 Конан и лик Зверя: Романы и рассказ. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2001. — 432 с. — (Конан).

ISBN 5-17-005802-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-045-6 («Северо-Запад Пресс»)

В своем новом романе «Волки Севера» Олаф Локнит продолжает увлекательное повествование о приключениях Конана в Пограничье. Бешеный Вожак, загадочный волк-оборотень, готовит гибель миру людей, но на его пути вновь встает неукротимый варвар и его спутники.

Вступить в поединок с самой Держэто приходится киммерийцу в рассказе Тима Доннела «Лик Зверя». Богиня налагает на Конана проклятие, снять которое можно лишь весьма опасным путем...

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2000



Роман замкнутой цепи

Авторское предисловие к роману «Волки севера»

Много-много лет назад, когда меня еще называли не «мистер Локнит», а «доктор Локнит», и трудился я не дома, а в госпитале святой Вероники города Данидина, темным вечером, под завывание пришедшего со стороны Тасманова моря шторма, сидел я в кабинете и разбирал истории болезни своих пациентов, принесенные домой с работы. Дело скучное, привычное, но необходимое. И надо же такому случиться — ветром на улице повалило дерево, и ствол с роковой неумолимостью поразил электрическую подстанцию, оборвав провода.

Свет погас, как однажды выразился известный писатель Р. Киплинг.

Поскольку штормы на наших южных островах — дело привычное, а муниципальные службы работают из рук вон плохо, я понял: электричества не видать до следующего утра. Всякий уважающий себя новозеландец на такой случай держит дома либо прабабушкину керосиновую лампу, либо солидный запас свечей.

Остальное просто. Берутся полдесятка подсвечников, расставляются в живописном беспорядке на сто-



ле и книжных полках, в бокал наливается крепкое пиво и... Можно продолжать работать.

Но работать далее мне не захотелось.

Поскольку в те времена я уже занимался писательством, но не профессионально, а любительски, я освободил стол от бумаг, украсил его пишущей машинкой, вставил в нее чистый лист и подумал: чем бы таким заняться ради собственного удовольствия? Поскольку минувший день был тяжел, я вернулся домой уставшим и голодным (прямо какой-то роман о Гавроше получается, правда?), я решил — то, что появится на чистом листе, не будет иметь никакого отношения к дождливой и ветреной реальности.

Там не будет автомобильных пробок, и все начнут разъезжать исключительно на лошадях, там не будет налоговых служб, счетов от телефонных компаний, ватных гамбургеров и дурного кофе из автомата. Расплачиваться там будут не бумажками с портретом королевы, а настоящим золотом. А еще там будет хорошая погода, солнце, много вина, много девочек и никакой логики.

Не помешают также несколько живописных драк с холодным оружием, разгромленный трактир, бордель, который потом обязательно надо будет эффектно сжечь, ну, и какая-нибудь интрига, чтобы увязать вместе все вышеперечисленное.

Мне стало ясно, что повесть явно окажется исторической, тем более, что историю Западной Европы я более-менее знаю. Например, события эпохи Крестовых походов или Столетней войны...

Нет, не подходит! Времена высокого Средневековья пусть и интересны, но мрачноваты, — решил я. Нужно что-нибудь более легкомысленное. Эпоха викингов? Тоже не пойдет — масса героизма, сражений



и непринужденных грабежей, однако про викингов я уже писал.

Древний Рим? Пожалуй, интересно... Во времена принципата в Риме было весело!

И тут случилась катастрофа.

Мой блуждающий взгляд остановился на яркой обложке видеокассеты, на которой красовалась перекошенная физиономия мистера Шварценеггера.

Золотистые буквы названия фильма гласили: «Конан-Варвар». (Я до сих пор не могу докопаться до истины — зачем мой старший сын, которому тогда было всего двенадцать лет, приволок в отцовский кабинет эту кассету. А сын тоже не помнит, утверждая, что потерял ее случайно).

— Про тебя я писать не буду! — убежденно сказал я мистеру Шварценеггеру и снова перевел взгляд на клавиши пишущей машинки. — Зачем мне какой-то тупой варвар? Вдобавок про тебя уже столько написано! За полжизни не перечитаешь!

Надо заметить, что прежде я уже пролистывал и А. Картера, и А. Спрэг де Кампа, а также нескольких других шустрых авторов, продолживших вслед за Робертом Говардом его неоконченную эпопею. Мнение я составил одно: бессмысленное чтиво для подростков.

«А черт возьми? — подумал я вдруг. — Да кто мне сказал, будто признанные авторы саги о Конане были правы? Никто ведь не знает, как в действительности обстояли дела в Хайбории! Мирок, между прочим, подходящий — тепло, относительно цивилизовано, хотя и несколько эклектично. А если попробовать? Нет, не для издателя, а ради собственного удовольствия! Надо посмотреть, смогу ли я переписать мистера Картера, Джона Мэддокса Робертса или



моего приятеля Дугласа Брайана, написавшего несколько повестей о Конане?»

Спустя несколько секунд девственный бумажный лист осквернила такая строка:

«Восходящее солнце осветило невысокие предгорья Кезанкийских гор, к подножию которых застывшими желтыми волнами подступала пустыня...»

Шварцнеггер, красующийся на видеокассете, начал ехидно ухмыляться.

Это случилось осенью 1986 года. К зиме книга под названием «Песчаные небеса» поступила в продажу.

* * *

Последующие несколько лет Сагой я занимался урывками, написал три или четыре небольших романа, никак не связанные между собой, однако вскоре я начал понимать, что влип по уши. Каждое описанное событие тянет за собой другое, каждый новый герой притаскивает в роман свою историю и целую орду приятелей, родственников и подружек, а последние тоже желают места под солнцем...

Романе на седьмом стало очевидно, что созданный мною вариант Саги надо приводить в какую-то систему и тексты следует увязывать друг с другом. При этом придется не обращать внимания на «параллельное» развитие Саги и трактовки других авторов, иначе получится винегрет: я уже сталкивался с ситуацией, когда Герой по разным версиям одновременно находился в Туране, Аквилонии, Вендии и Зингаре...

Я мысленно извинился перед остальными литераторами за столь невероятное бесстыдство и принялся строить свою Хайборию. Однако замечу, что основные отправные пункты, указанные у классиков Саги,



я ни в коем случае не меняю. Пока... Наглец, правда?

Увенчало это безумие «Полуночная гроза», которую я считаю лучшим своим романом о Конане.

После того, как диалогия отправилась в издательство, я, не пьянея, прикончил целую бутылку виски и сказал своему отражению в зеркале:

— Все, хватит! Больше ни строчки про Конана! Где я, в конце концов, живу — в Новой Зеландии или в Хайбории? Пусть Конан выкручивается самостоятельно, без меня!

Ровно через неделю в компьютере появился файл под скромным названием «Слуга тумана». Данная повесть уже вышла в свет.

Я понял, что от судьбы не убежишь, и смирился. Герои радостно заулюлюкали и хором закричали: «А у нас тут такое было! Записывай!»

Кошмар!

Ладно, хватит лирики. Поговорим о деле.

* * *

...На сегодняшний день я могу похвастаться двумя десятками романов и повестей о Конане, причем каждое произведение является частичным отражением всех остальных. Вдобавок на моей совести висит разработка «Структуры Хайбории», ибо в таком сложном и многоликом мире необходимо навести хоть какой-то порядок.

Ну, допустим: во многих романах указывается, что Конан расплачивается в трактире или на постоялом дворе «золотом». Следовательно, в мире Конана существуют финансовый оборот и денежная эмиссия, верно? Оставим медь и серебро, подумаем о зо-



лоте. Я полагаю, что монеты из этого металла чеканили и в Стигии, и в Аквилонии, не говоря уж об Офире. Да вот никто прежде не задумывался — как выглядят и называются монеты разных стран? Это немаловажная деталь. Слишком уныло получится, если я напишу так: «в кошельке Конана лежало три офирских золотых, три стигийгиских и восемь аквилонских. Да и те фальшивые». Посему пришлось посвятить несколько вечеров написанию справочного материала о монетной системе Хайбории. Надеюсь, статья вскоре появится в издании.

И еще я надеюсь, что читателю понятен ход моих размышлений. Вселенная *fantasy* — это прежде всего качественно проработанный мир. И в то же время мир изменчивый.

Сам Герой взрослеет, меняется политическая обстановка, уходят старые монархи и приходят новые, о чем иные авторы как-то забывают.

Не буду называть имя автора, ибо это сочтут беспардонной травлей конкурента, но не упомянуть о подобном перле я никак не могу.

Первый роман указанного литератора повествует о днях юности Конана и путешествии в одно из государств Полуденного Побережья. Второй посвящен событиям, случившимся спустя сорок лет. И что же вы думаете? Король названного государства в первом романе являлся, цитирую, «глубоким восьмидесятилетним стариком». Ладно, допустим так и было. Во втором романе автор осчастливил меня сообщением, что упомянутый король до сих пор правит.

$80 + 40 = ?$

Долгожитель, однако...

Не нужно говорить о том, что подобные ошибки недопустимы... А для того, чтобы их избежать необ-



ходимы общепринятые «правила игры», досконально разработать которые доселе никто не удосуживался.

Моя версия Саги складывается из четырех основных частей.

Первая, самая непроработанная, рассказывает о ранней молодости Конана и приключениях в Шади-заре. Эта единственная часть, пока не увязанная с остальными преемственностью сюжета и персонажей.

Вторая, давно известная вам часть, описывает путешествие Конана и Мораддина из Турана в Немедию. Ждите продолжений, ибо, уехав из Бельверуса, Конан, как обычно, свернул не на ту дорогу и опять влип в приключения.

Третья начинается на Закатном океане («Алмазный лабиринт» и «Чудовище побережья») и заканчивается походом в Пограничье и историями про Карающую Длань.

Четвертая — времена королевствования в Аквилонии, «Полуночная гроза» и далее.

Поскольку представленный ниже роман логически завершает (ох, боюсь зарекаться...) Часть Третью, хотелось бы в одном коротком абзаце пояснить, что история и судьба оборотней из Пограничья меня волнует не меньше, чем судьба Конана, и наши симпатичные перевертыши еще не раз появятся в дальнейших романах. Собственно, я лишь совсем недавно уяснил: все написанные мною произведения, посвященные Саге о Конане — это замкнутая цепь. Один большой роман, который, как я подозреваю, кончится лишь тогда, когда старину Олафа под рыдания поклонников отвезут на кладбище. Однако я еще не старик и на здоровье не жалуюсь... Так что берегитесь, господа читатели. Мы еще почудим, посмеемся и попируем. Лично я заказал бы столик в трактире



«Корона и посох», что стоит в самом центре Вольфгарда, столицы Пограничного королевства...

* * *

Напоследок хочу преподнести маленький подарок. Ниже я даю краткую справку по Хайборийскому летоисчислению и системе измерения времени в мире Конана. Надеюсь, интересующимся этот материал поможет прояснить для себя некоторые не совсем ясные подробности бытия Закатного материка.

На сем прощаюсь. До следующего романа.

Ваш Олаф.

*Январь 2000 года.
Окленд, Новая Зеландия.*



Хайборийское летоисчисление

О времени

Сутки, то есть период от восхода до восхода, принято делить на 24 часа или колокола. Подобное дробление времени пока существует только в странах Заката, да и здесь эта традиция насчитывает не более 150-200 лет. Механизм для почасового определения времени был почти одновременно изобретен в Аргосе и Зингаре около 300 лет назад, и назывался «клепсидрой» (если основывался на постепенном изменении уровня жидкости в сосуде определенного объема), или — значительно позднее — «курантами» (если для равномерного перемещения стрелки по циферблату использовалась система соединенных между собой зубчатых колес и шестеренок). Последний, однако, получил распространение уже во времена короля Конна Первого, сына Конана.

Длительность основной единицы измерения времени — «колокола» — равняется 60 ударам (падениям капель) клепсидры. К порядковому номеру колокола прибавляется слово «послеполуночный», если разговор идет о времени с 12 ночи до полудня, и «послеполуденный», если имеется в виду время от 12 дня до полуночи. Более мелкая единица времени именуется «терцией» и составляет 15 ударов клепсидры.

Обычно это время приблизительно сравнивается со скоростью пересыпания содержимого в колбах не-



больших песочных часов, с незапамятных времен широко используемых во всех странах Заката и Востока, и, видимо, являющихся наследием ранее существовавших цивилизаций.

В странах Восхода и Полуночи традиционно придерживаются деления дня на четыре больших отрезка — утро: с рассвета до полудня, день: от полудня до заката, вечер: от сумерек до полной темноты и ночь — все остальное до рассвета. Этот способ не лишен своих достоинств, однако не дает возможности точного временного определения того или иного события. Кроме того, он зависит от времени года, географического расположения и склонения солнца.

О календарных системах

На Закатном материке существуют две календарных системы — Туранская и Аквилонская.

Государства, расположенные к закату от Кезанкийского хребта и полуночное Карпашских гор ведут счет времени по митрианскому календарю, взяв за точку отсчета условную дату «основания Аквилонии».

Судя по сохранившимся летописям и разрозненным «Запискам» святого Эпимитриуса, днем возникновения Аквилонского королевства считается день, последующий за зимним равноденствием (25 день первой зимней луны). Именно в этот праздник, отмечающий зимний солнцеворот, несущий новую весну, короли Алькой и Олайет заключили союз с разрозненными герцогствами и создали предпосылки для объединения армий полуночных земель (см. сочинение Орибазия Достопочтенного «Местъ за Ретрик, или Великое поражение Кхарийской империи»).



Фактически многочисленные магнаты, владевшие землями в нынешних Таурани, Пуантене и Боссонии, приняли руку братьев-королей, хотя договор и ограничивал многие права абсолютной королевской власти. Однако известно, что этот документ стал первым государственным рескриптом Аквилонии, устанавливающим границы страны и обязывающим поместных дворян к вассальному подчинению монарху.

Тогда же на сем историческом конклаве святой Эпимитриус объявил королям, дворянам и военным вождям родов: «Волею Митры Солнцезарного свершилось! Новая эра царствования Солнечного Божества на земле рождается на наших глазах. И разве стоит считать нынешние благословенные времена объединения и борьбы старыми понятиями, кои были измыслены чуждыми нам порождениями мрака? Сегодня — первый день рождающейся эпохи!..»

Собственно, отсчитывать время по схеме, изначально заданной святым Эпимитриусом, начали только лет через 200, во времена правления короля Рагнариса Мудрого, установившего действующие доныне лунный и погодовой календарь. В 716 году король Гвайнард I из Боссонской династии с помощью верховного жреца Митры Юстиния упорядочил летоисчисление, убрав некоторый перекося в датах, вызванный неточностью лунного календаря. Недостающие дни в 365 дневном годовом цикле добавлялись к последнему месяцу каждого сезона и считались праздничными. Таким образом, 25 дневный лунный месяц компенсировался днями зимнего и летнего солнцеворота (праздники Йоль и Солеви), выпадавшими из общего календарного счета.

Туранский календарь основывается на астрономическом и мистическом двенадцатигодичном цикле,



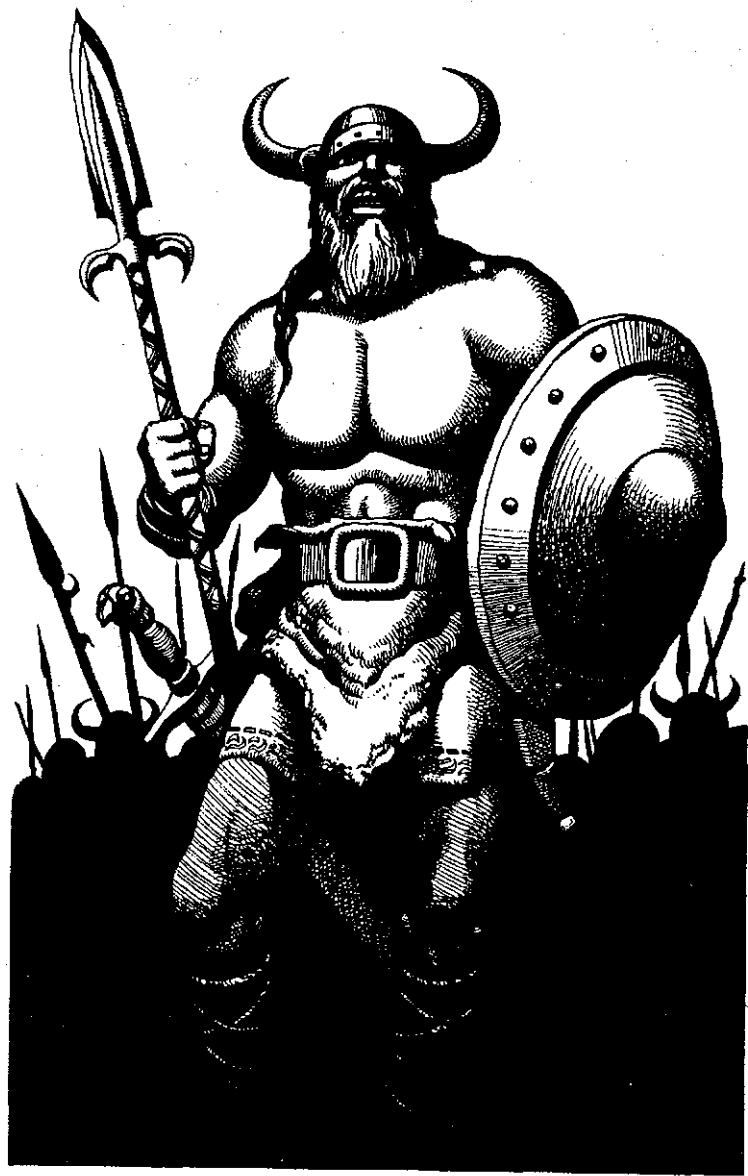
где каждый год символизируется определенным животным. Продолжительность месяца же рассчитывалась по звездам — 12 зодиакальным созвездиям, сменявшим друг друга в точке зенита. События, связанные с появлением подземного огня, происходили в 106 год Огненного Вепря по туранскому счету, однако это, разумеется, не означает, что эти 106 лет шли подряд друг за другом. Просто с момента принятия календаря 106 раз, через двенадцать лет, наступал год, символизируемый Огненным Вепрем. К сожалению, туранская система летоисчисления не слишком удобна и используется лишь в самом Туране, Иранистане, а также в небольших государствах-сателлитах (Хорайя, Хауран и т.д.)

Известно, что свой календарь существует и в Стигии, однако жители этой страны предпочитают не раскрывать чужакам его особенности. Волшебник Тотлант, водивший дружбу с королем Конаном, однако, упоминал, что отсчет времени в Стигии ведется непрерывно еще со времен Валузии и Кхарийской империи, а отправной точкой служит некое событие, называемое стигийцами «Большим Откровением».

Вероятно, это связано с религией Сета, и предположительно таковым «Откровением» может считаться пришествие змеинобого к повелителю Кхарии Тутхемесу VII (приблизительно 6500 год до основания Аквилонии), установившему затем законы, порождавшие у кхарийцев крайнюю нетерпимость к другим религиям. Однако времена это давние и покрытые мраком несчитанных лет...

Олаф Бьорн Локнит





Нижеприведенная история впервые была рассказана известным сочинителем Гаем Петрониусом из Тарантии в одном из трактатов, посвященных странствованиям Конана Канах по Бритунии и королевству Пограничному, происходивших осенью 1285 и зимой-весной 1286 годов. Известно, что под именем литератора Петрониуса долгое время скрывался личный библиотекарь короля Конана Аквилонского Хальк, барон Юсдаль-младший, какой затем и доработал историю Книги Бытия и передал ее в книжное хранилище Тарантии в том виде, в котором она представлена благосклонному читателю.

В тексте оригинала имеется приписка самого Халька Юсдаля о том, что повесть о легендарной Книге Бытия была записана им как со слов самого короля Конана, так и по рассказам волшебника Тотланта, а также капитана королевской гвардии Пограничья Веллана, сына Арта из Бритунии.



Окончательный вариант рукописи датируется 1304 годом по основанию Аквилонии и из него удалены все домыслы и фантазии, так свойственные барону Юсдалю в более ранние годы. Можно надеяться, что данный хроникальный текст содержит рассказ об истинных событиях, начавшихся задолго до прибытия Конана Канах и его друзей в бритунийскую столицу, и впредь не будет нуждаться в исправлениях со стороны непосредственных героев сего замечательного сочинения...



Предварение



Мо утро в Кезанкийских горах выдалось необычайно мягким и теплым для последних дней осени. Белоснежные пики искрились в лучах яркого, но уже по-зимнему холодного солнца и, казалось, подпирали собой светло-голубой свод неба, ближе к горизонту слегка затуманенный тонкими, почти прозрачными перышками облаков.

По дороге к перевалу, открытому безымянным бродягой-наемником в незапамятные времена, медленно двигалась, скрипя разбитыми колесами, крытая плотным серым сукном небольшая фура. Справа и слева от повозки на устало опустивших головы с заснеженными гривами лошадях ехали воины в стальных кольчугах с длинными рукавами и в плосковерхих шлемах с вертикальной стрелкой поносья. Герб на наброшенных поверх кольчуг белых плащах изображал два меча, перекрещенных на фоне пузатого мешка.



Надпись выше мечей сообщала знающему человеку очень многое, хотя и состояла всего из двух слов: Аль Браско. Так звали пожилого шемита, проживавшего в настоящее время в бритунском городе Пайрогии.

В молодости Аль Браско был человеком, каких принято называть «искателями приключений».

Как наемник, он участвовал в войнах Офира против Шема, грабил аргосские галеры, будучи капитаном зингарского капера, а когда однажды его команде вовремя не выплатили жалованье, увел свой «Левберг» на Барахские острова и уже как пират брал на abordаж зингарские торговые галеры, но особой славы не снискал.

Примерно в те же времена Аль Браско познакомился с собратом по ремеслу — Конаном из Киммерии. Хитроумный шемит и могучий, но тогда еще несколько прямолинейный (по молодости) варвар неплохо потрудились вместе, и не где-нибудь, а в зловещей Стигии. Самое любопытное же заключалось в том, что их нанимателями оказались жрецы Сета...

Конан и Аль Браско оказались на высоте, хотя справиться с выходцем из грядущих времен оказалось не слишком легко. Получив от облегченных вздохнувших жрецов увесистый мешок, они, как обычно, отправились прямой дорогой в ближайший трактир и вдрызг напились. Проснувшись утром, киммериец обнаружил, что ни приятеля-шемита, ни золота поблизости нет... Пергамент не в силах вытерпеть всех проклятий,



сыпавшихся из уст похмельного и разъяренного варвара. Разумеется, Конан попытался разыскать столь гнусно обманувшего его компаньона, однако не преуспел, а в скором времени покинул Стигию, в очередной раз поссорившись с властями. Его влекли новые дороги и новые приключения, и спустя месяц-другой он смирился с потерей золотых. Хотя мысленно варвар пообещал когда-нибудь отплатить шемиту за содеянное.

На частью заработанные, частью украденные деньги Аль Браско собрал два десятка наемных охранников, своего рода свободный отряд и прочно обосновался захолустной Бритунии (чем дальше, тем лучше — шемит знал, что у Конана рука тяжелая, а память, как он подозревал, долгая).

Любой забулдыга, пропивший последний клочок своей набедренной повязки, мог прийти к шемиту и, доказав свое умение держать меч и стрелять из лука, быть записанным в наемники.

Под долю с будущего жалованья он получал одежду и оружие. Но не приведи Митра ему после этого попробовать сбежать — руки у Аль Браско были длинные, и тех, кто был с шемитом нечестен, находили потом в придорожных канавах с перерезанным горлом.

За пролетевшие годы Аль Браско приобрел в купеческой среде определенную репутацию. Наемнику-одиночке в Пайрогии теперь ничего не светило, если только он, конечно, не обладал выдающимися способностями. Но и такие редкие исключения предпочитали не мыкаться и сразу



шли наниматься к благородному месьору Аль Браско.

...Шесть воинов, охранявших повозку, справедливо считались Аль Браско лучшими. Шемит заломил за их услуги непомерную цену — сто пятьдесят золотых — но купец выложил деньги, даже не торгуясь, и Аль Браско мельком пожалел, что не назвал большую сумму — эдак двести или триста золотых. К слову сказать, купец и сам не выглядел слабаком — широкоплечий, с большими мускулистыми руками, ладонями, на которых опытный глаз шемита разглядел бугорки, появляющиеся только от частого использования меча.

Купец носил аккуратно подстриженную бородку, иссиня-черную, как и волосы, что было весьма странно для чистокровного бритунийца (уроженцы этой страны в большинстве были светловолосыми). Никакого намека на брюшко, характерную черту купцов (особенно процветающих). Облик довершали светло-серые глаза, холодные и жесткие. Однако, после серьезного и вдумчивого разговора с Аль Браско, купец слегка оттаял и перестал казаться суровой ледяной скалой, внезапно принявшей облик человека. Что и говорить, воин всегда узнает воина...

Путешествие в Туран прошло успешно. Предмет, так необходимый советнику Вегелю, был найден на огромном султананурском базаре и куплен за просто невероятную сумму — десять тысяч аквилонских кесариев. Для плохо представляющих стоимость золотой монеты Аквило-



нии скажу, что за пятьдесят кесариев вполне можно купить приличную ферму, а еще за сто — хороший двухэтажный дом. Но, как считал сам купец, искомый предмет имел огромную ценность и продавец, похоже, продешевил. Хотя полученной mzды хватит и ему, и его правнукам.

Вещь, приобретенная за столь приличные деньги, выглядела как слюдяной шар, заполненный молочно-белым, с алыми проблесками, туманом.

Шар крепился на золотой подставке в форме круглой башни, оплавившейся сверху — языки золота, словно змеи, крепко обхватили мерцающую сферу. Ниже бесформенных изгибов башенку окаймляли девять одинаково ограненных рубинов, похожих на капли темной крови. От предмета за лигу несло магией, да какой! Зная о его свойствах, купец не без основания полагал, что создать такое не под силу самому искусному из ныне живущих чародеев. Если долго смотреть на рубины, из глубины камней выплывали очертания рун, по одной в каждом. Купец никогда не встречал подобных, но в знаках чувствовалась уверенная мощь и сила, причем сила скорее добродушная, не злобная. Впрочем, от магии всегда надо ожидать любой неожиданности. Даже самые безобидные на вид талисманы порой превращали своих владельцев (а заодно и окружающих) в беспамятных идиотов или сжигали, не оставляя даже пепла — достаточно было произнести одно неосторожное слово.

Туранец, бывший владелец вещи, утверждал, что талисман создан еще во времена Атлантиды,



якобы для борьбы с легендарными и, несомненно, мифическими змеелюдьми. Мол, он позволяет видеть истинную сущность вещей, животных и людей. Больше туранец ничего не знал и был счастлив за весьма неплохую цену избавиться от опасной игрушки.

Купец был уверен, что большая часть рассказней — чушь, но... Как говорится, нет дыма без огня. Если уж Вегелю, правой руке короля, понадобилась эта штука, значит, какая-то магия в ней несомненно присутствует. Поэтому артефакт был обернут холщовой тряпкой и надежно упрятан в небольшой сундучок красного дерева, окованный узорчатыми железными полосами и запертый на хитроумный замок. Ключ от сундука купец постоянно носил на тонкой серебряной цепочке под рубахой. Попытавшихся взломать сундучок ждали несколько небольших, но весьма неприятных неожиданностей.

К полудню погода начала резко портиться. Только что чистое синее небо как-то незаметно затянули свинцово-черные тучи. С полуночи налетел холодный ветер, поднявший облака отвратительного мокрого снега и замедливший продвижение маленького отряда.

Купец поплотнее закутался в плащ из медвежьей шкуры. Он ехал в стороне от основной процессии, чуть впереди и чуть правее. По два конных стражника двигались справа и слева от фургона. Один сидел рядом с возницей, прыщавого вида юнцом, и держал на коленях взведенный арбалет. Точно такой же, с тяжелым ко-



ротким болтом на тетиве, находился в руках воина, сидевшего в фургоне, свесив ноги через задний борт.

Лошади, тяжело передвигая ногами — идти против сильного ветра не так уж и весело — втянулись в длинное каменистое ущелье, полого поднимавшееся вверх. За ущельем дорога резко взмывала почти к самым облакам и за небольшой, но глубокой пропастью начинала постепенно опускаться вниз, в Бритунию.

Брести оставалось недолго, но купец почему-то начинал чувствовать смутное беспокойство. Очень уж ему не нравились крутые склоны, усеянные валунами, как подсолнух — семечками.

Судя по лицам «сынков» Аль Браско, склоны не нравились и им тоже.

Воин с полуседой бородой — старший охранник — ударил своего серого в яблоках жеребца каблуками высоких сапог из мягкой свиной кожи, подъехал поближе к гнедой кобылице купца и неуверенно начал:

— Господин Эрет, дерьмово все это выглядит...

Эрет перебил его ледяным тоном, кладя руку на навершие меча:

— Займи свое место, Фалкон, и держи свое мнение при себе. Тебе платят не за глупые страхи.

Седобородый открыл было рот, потом сплюнул и, хлопнув коня по шее, вернулся к фургону.

Пожалуй, они были ближе к выходу из ущелья, когда просвистела первая стрела. Она взле-



тела из-за одного из валунов на левом склоне и, прочертив небо, воткнулась в снег перед лошадью купца. Стрела была длинная, но все же гораздо короче боссонских, сбалансированная перьями орла-беркута, с раскрашенным охрой древком.

Купец натянул поводья и вскинул руку. Фургон со скрипом остановился. Охранники вертели головами, но так никого и не увидели. Только ветер, шурша снегом, гулял по долине.

Стрела, в чем никто не сомневался, принадлежала кезанкийским горцам.

Эрет еще раз взглянул на нее, словно надеясь, что она растет, как морок, но она продолжала нахально торчать в шаге от копыт его лошади.

Купец привстал на стременах и как можно громче проорал:

— Эге-гей! Что вам надо?!

В ответ из-за валунов выступили фигуры, одетые в шкуры. Поднялись луки, и к свисту ветра прибавилось пение стрел...

Один охранник безмолвно сполз в снег со стрелой в глазу. Остальные, ругаясь, подняли над головами маленькие круглые щиты.

— Гони! — заорал на оцепеневшего возницу Эрет, а сидящий рядом воин с силой пихнул парня в бок.

Фургон сдвинулся с места, но далеко не уехал. Несколько стрел вонзилось в бок правой лошади. Несчастное животное, взвизгнув, поднялось на дыбы и, обрывая построики, рухнуло в снег. Недолго прожила и вторая...



Горцы перестали осыпать стрелами людей, и теперь смертоносный дождь обрушился на неповинных животных. Одна за другой были убиты все лошади, а воины Аль Браско заняли круговую оборону вокруг фургона. Возница попытался заползти под повозку, но не успел. Какой-то горец заметил мальчишку и, пустив стрелу вертикально, пригвоздил его к земле. Бедняга лишь дернулся и судорожно сжал худые пальцы в кулаки, словно пытался удержаться на земле.

Эрет сбросил тяжелый плащ, обнажил меч и стал рядом с Фалконом, стараясь не глядеть в его сторону.

Горцев при ближайшем рассмотрении оказалось не так уж и много — может, десятка четыре. Во всяком случае, не больше. Они прекратили стрелять и, вытащив из ножен сабли, со звериным воем ринулись вниз. Около десятка осталось наверху, прикрывать нападающим спины.

Щелкнули арбалеты, и два тела остались лежать на каменной россыпи. Времени перезарядить оружие не было, и в ход пошли мечи.

Как и в любом другом бое, ничего возвышенно-романтического в завязавшейся схватке не наблюдалось. Только кровь...

Нападающие сразу понесли ощутимые потери. Их сабли были короче клинков наемников, и, прежде чем горцы вступили в ближний бой, пятки их сотоварищей окрасили своей кровью грязноватый снег.

Эрету первое время казалось, что защитники фургона даже смогут выстоять.



Его широкий клинок отбрасывал легкие сабли, ловил врагов на контрвыпадах и крушил тела, прикрытые только звериным мехом, а разве это защита... К его ногам упал третий противник, разрубленный от плеча до пояса одним хорошим ударом. Рядом вскрикнул Фалкон, навалился на стенку фургона. Эрет с ужасом увидел красную тонкую полосу на его шее, из которой быстро потекла кровь. Бывший начальник стражи, закатив глаза, булькнул и съехал в снег.

Купец выкрикнул что-то нечленораздельное и снес его убийце голову. Только сейчас он заметил, что остался в одиночестве. Еще два мертвых тела в белых плащах плавали в собственной крови перед Эрето. Остались лишь восемь хрипло дышащих горцев, которые начали медленно окружать его. Выругавшись, он атаковал, выпустил кишки одному и побежал, пока остальные не опомнились, вокруг фургона.

Два трупа и десяток горцев — вот и все, что ждало его там.

«Все», — устало подумал Эрет.

Меч купца взметнулся вверх, к правой щеке. С диким ревом на оцепеневших жителей Кезанки набросился безумец... Горцы тоже люди. Хоть и дикие и кровожадные. Они боялись демонов и знали, что человек обуйанный «боевым бешенством» становится одержим злыми силами, какие придают ему неуязвимость и сметающую все на своем пути темную безрассудную ярость.

А когда один купец, пусть и могучий как медведь, четырьмя ударами сделал четырех их



товарищей холодными изуродованными трупами, они не выдержали и побежали в разные стороны.

У лучников нервы оказались крепче. Сразу три стрелы прошли кольчугу и живот Эрета. Ноги сразу ослушались, могучий купец неловко плюхнулся в снег и оперся спиной о колесо фургона. Еще две стрелы клюнули его в грудь. Эрет только усмехнулся и плюнул кровью. Наверное, поэтому у стрелка дрогнула рука и третья стрела лишь оцарапала шею купца. Но и без этого он был смертельно ранен.

Горцы несмело начали спускаться. Кто-то осторожно выглядывал из-за фургона. Раненый пятью стрелами воин уже не казался опасным.

Самый храбрый — или самый безрассудный — из нападавших грубо схватил Эрета за волосы, рывком приподнял голову и остолбенел. На его смотрели живые, налитые кровью глаза.

Меч ринулся вперед, с хрустом пронзая храбреца насквозь. Истошный вскрик, и мертвый горец валится на спину. Жуткая усмешка искажает бледные, помертвевшие губы.

Сверкнули на солнце узкие сабли, сверкнули и опустились. На месте Эрета, купца из Пайрогии, лежала изрубленная куча мяса, лишь отдаленно напоминающая человеческое тело.

Горцы, покончив с охраной, начали рыться в фургоне. Они безжалостно ломали ящики, разбрасывали прекрасную парчу и нежный шелк...

Они явно не были простыми бандитами, они что-то искали.



Тем временем два мальчишки лет пятнадцати помогли спуститься с склону пожилому, седому мужчине, чью левую ногу ниже колена заменяла обструганная деревяшка. У широкого пояса человека покачивалась длинная тяжелая сабля с рубином в центре крестовины. Судя по почтению, с которым все поглядывали на старика, это был вождь или старейшина.

— Кейлаш, Кейлаш! Я нашел!

Из фургона с криком выпрыгнул молодой горец, сжимавший в руках сундучок красного дерева. Он со всех ног бросился к седому и, конечно же, споткнулся, рухнув всем телом на свою ношу. Бедняге не повезло. Удар что-то сдвинул внутри сундучка.

Негромко громыкнуло.

Парень взвыл, над сундучком вспух огненный шар, который со свистом лопнул, распустив расширяющийся, словно волны от камешка, круг огня.

Кейлаш успел укрыться за валуном, да и то чудовищный жар едва не испепелил его. Меховая одежда и волосы начали тлеть. Один из поводырей старейшины горцев вспыхнул — плоть словно сдувало ветром...

Огонь дошел до камней и погас. Кейлаш осторожно выглянул. Фургон, потрескивая, догорал. Повсюду валялись обугленные кости и оплавленное железо — бывшие кольчуги и мечи. Тошнотворно воняло паленым. Сундучок же спокойно лежал в небольшой ямке, нисколько не пострадав.



Из-за камней появились уцелевшие горцы — все, что осталось от большого отряда нападавших. Один настороженно коснулся сундучка.

— Холодный, — с бледной улыбкой сообщил он.

Кейлаш подошел, взял вещицу, повертел в руках и жестом велел остальным спрятаться. Когда же все быстро скрылись за валунами, изо всех сил хватил сундуком о землю и прыгнул за камень.

Ничего не произошло. Лишь что-то жалобно звякнуло.

Горцы опять сгрудились вокруг сундука.

Ключ от замка испарился вместе с цепочкой в магическом пламени, а взломать сундук никто не решался. Вдруг опять произойдет какая-нибудь гадость...

Наконец, один из кезанкийцев с оттягом рубанул по крышке саблей. Остальные в это время предусмотрительно отскочили подальше. Горец рубил и рубил, пока замок не выдержал и не сломался. Горец оглянулся, Кейлаш знаком подбодрил его. Парень откинул крышку, над сундуком взлетело облако пыли, человек произвольно вдохнул ее и...

Остальные с ужасом увидели, как воин безмолвно упал рядом с открытым сундучком.

— Черный лотос, — догадался Кейлаш и, выждав немного, направился к ларцу. Действительно, если замок просто взламывали, а не открывали ключом, то коробочка с порошком лотоса оставалась неповрежденной и ее содержимое под-



нималось вверх со слабейшим порывом воздуха. Достаточно одного вдоха.

Кейлаш, стараясь не дышать, заглянул в ларец и его лицо расплылось в улыбке, а губы прошептали:

— Веренелельд...

Кейлаш бережно вытащил жезл и еще более бережно отряхнул с него мелкую черную пыль. Талисман сиял и искрился в лучах проглянувшего из-за туч зимнего солнца.



ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой злоключения Конана и его спутников только начинаются...



о утро для начальника стражи Закатных ворот выдалось из рук вон скверным. Ну, скажите, почему эти болваны из Пограничного королевства всегда умудряются явиться либо после заката солнца, либо еще даже до рассвета?

Хорошо, в этот раз солнце уже успело взойти... Ладно, признаем, оно находилось почти в зените, но это ничего не меняет!

Разве нормальные люди ночью спят? Нет, они играют в кости и пьют вино, а стражники что, не люди? Утром же надо как следует выспаться... Так ведь не дают!

...Они подъехали к Закатным воротам столицы Бритунии почти в полдень. Однако, к немалому удивлению Конана и Тотланта, ворота стояли закрытыми. Эмерт, как всегда, был невозмутим, а Эртель скорчил гримасу и съехидничал:

— Ну что, Велл, опять стража твоей родины дрыхнет после попойки?



— Во-первых, моя родина в Келбаце, а во-вторых, там подобные стражники давно отпраздничали бы чистить нужники при казармах, — гордо ответил Веллан, откидывая рукой непослушную светлую челку.

— Ага, ага, — согласился Эртель. — Помню, как ты, я и дядюшка куковали у ворот твоей Келбацы чуть ли не до полудня. А все потому, что стража упиалась до того, что не могла даже до ведра доползти и блевала под себя, да не только блевала...

Конан оглушительно расхохотался и, подбегая к воротам, забарабанил в огромные створки.

Никакого ответа. Сзади Веллан пытался отбрезиваться от нападков Эртеля, но слишком невразумительно, вызывая новые насмешки.

— Эй, наследнички демоновой матушки! — заорал выведенный из себя киммериец. — Да открывайте, ублюдки, а то всех на ремни порежу!

Вопль канул в безответную тишину.

Конан зловеще прищурил глаза и повернулся к улыбавшемуся бледными тонкими губами стигийцу:

— Тотлант, если не затруднит, сломай ворота! Или обрушь на их головы огненный дождь! Ну сколько же можно ждать!

— По-моему расходовать магическую силу на столь примитивное и скучное действие отнюдь не следует, ибо мое искусство не приспособлено служить для пробуждения ото сна бритунийской стражи. Следовательно... — с той же улыбкой изрек Тотлант, но ему не дали договорить резким:



— Сколько раз просил — говори по-человечески!

— А я и говорю по-человечески, — не обращая внимания на возмущение киммерийца, продолжил Тотлант, — не всем же употреблять похабный жаргон наемников, в мире существует гораздо больше иных, красивых и ярких словес. А теперь, Конан, остынь. Мне кажется, кто-то внял твоим проклятьям и направляется сюда.

— Если ты еще раз в моем присутствии начнешь говорить напыщенным языком придворных лизоблюдов и храмовых служек, я тебе... — Конан на мгновение призадумался.

— И что ты сделаешь, Конан? — мгновенно встрял Эртель, ухмыляясь. Киммериец уже успел усвоить, что бороться с вечным насмешником бесполезно и потому пропустил его слова мимо ушей.

— Значит, я тебя... Выкину из отряда! И тогда ты без нас даже на корку хлеба себе на заработаешь! Маленький сынок!

Тотлант лишь тяжело вздохнул и, пожившись, преувеличенно смиренным голосом ответил:

— Я все понял. Я исправлюсь, обещаю... Клянусь всеми великими силами Трех Сфер, мира невидимого, тайного и зловещего...

Конан безнадежно махнул рукой и печально бросил:

— Ох, трепачи! И тебя Эртель испортил — заболтаете любого до смерти. Скоро нормально поговорить не с кем будет...



— Да, варвар, я кого хочешь испорчу! — с готовностью подтвердил Эртель и захихикал.

— Смотри, как бы тебя кто не испортил, — вполголоса буркнул Веллан.

— Ты бы тоже лучше язык держал за зубами, — дружелюбно посоветовал Конан, потирая костяшки пальцев.

— А я-то здесь при чем? — искренне возмутился бритуниец.

— Ну, хватит, — подал голос молчун-боссонец Эмерт. — Там действительно кто-то идет.

Споры и ругань тут же прекратились. Никто, естественно, не обиделся — подобные препирательства повторялись каждый день и обычно заканчивались совместным потреблением темного пива в ближайшем трактире.

* * *

Конечно, многие из вас уже догадались, что под воротами Пайрогии Бритунийской околачивались известные охотники на оборотней, спасители Пограничья и так далее, и тому подобное...

Для тех же, кто не имел возможности ознакомиться с подробным изложением сей захватывающей истории, приведем ее краткое содержание, поскольку нынешние события в Бритунии являются прямым следствием из действий, учиненных небезызвестным Конаном со товарищи в Пограничье.

Начало сей повести было положено в Нумалии, в убогой харчевне с громким названием «Драконья кровь». Именно там сидел и, от нече-



го делать, напивался Конан Киммериец — известный бродяга, наемник, варвар по происхождению и по духу. Там же произошла его встреча с неким Омалом из Султанапура, набравшим людей для охраны купеческого каравана. Караван шел в Пограничное королевство и уже почти возле самой столицы был разгромлен шайкой Чернолицых. Конан и несколько охранников уцелели, мгновенно заработав репутацию героев и приглашение отобедать у короля Дамалла. Обед состоялся, и на нем Его величество пожаловался на оборотней, которые, дескать, бессчетно губят и без того немногочисленных жителей Пограничья. Однако предложение короля за щедрое вознаграждение расправиться с напастью было решительно и дружно отвергнуто.

На следующий же день Конан сменил мнение — оборотни убили его друга, решившего с очередным караваном вернуться домой, в Немедию.

Сделка была заключена, а вдобавок Конан получил в свое распоряжение подчиненных десятника Эрхарда — разношерстную, но дружную и опытную команду.

Около месяца варвар и его компаньоны провели в разъездах по Пограничью, уничтожили шайку оборотней и попутно встряли в несколько опасных заварушек, из которых им посчастливилось выбраться живыми.

Тем временем власть в Пограничном королевстве снова перешла в другие руки. Новый король подтвердил условия договора, и Конан вместе с изрядно поредевшим в боях десятком помчался



на полночь, к заброшенному капищу таинственного Бога с Черным Лицом. Путь туда оказался не прост — десятку встретились и вампиры, населявшие заброшенную деревушку Ло-Салим, и снежные ящерицы-дрохо, и гномы... Впрочем, встреча с последними прошла довольно мирно, и отряду даже удалось заручиться обещанием помощи подземных карликов.

В храме Черноликого Бога оборотней не оказалось, они решили подняться выше в горы. Зато в храме нашелся его хозяин — позабытый всеми бог, попросивший взять его с собой и пообещавший взамен оберегать людей от нападения кровавых снежных ящериц. Затем к отряду присоединяется еще один попутчик — стигийский маг Тотлант, пытающийся раздобыть магические книги оборотней.

Ночью оборотни, занявшие давно заброшенный храм Неназываемого Бога Тьмы, совершают обряд жертвоприношения. Утром отряд проникает в храм и, надеясь на помощь гномов, углубляется в его подземные лабиринты. Подгорные воители опаздывают — им приходится разбирать завалы, предусмотрительно возведенные оборотнями.

Однако к решающей схватке гномы все-таки успели. Скрывавшаяся в храме Бешеная Стая оборотней была истреблена, в Пограничье возвратился непрочный мир, а королем стал бывший десятник Эрхард.

Слухи, собранные отрядом во время походов, достоверно утверждали, что в соседней Бритунии



скрывается уцелевший предводитель Бешеной Стаи, а потому Конан принял решение — отправиться туда и на месте разобраться, что к чему...

* * *

Из-за ворот донеслось шарканье подошв о камень мостовой. Похоже, доблестный блюститель врат едва брел, засыпая на ходу.

Конан, теряя терпение, заорал:

— Да шевелись, пьянь! Целую вечность ждем!

Ему ответил хриплый голос, с трудом издаваемый измученной выпивкой глоткой:

— Кому там не спится? Чего приперлись с утра пораньше?

Конан потерял дар речи (самое обидное, что с ним бесследно улетучились цветистые обороты, коими варвар намеревался попотчевать хриплого). Затем запрокинул голову — светило уже давно прошло половину пути по небосводу. А у них в Пайроги только утречко начинается...

Пока Конан любовался солнцем и размышлял, что бы такое ответить, хриплый заговорил опять:

— Вы там что, языки проглотили? Зачем приперлись-то, спрашиваю?

— Да узнать, когда у вас день начинается, если сейчас, по-вашему, утро, — ехидно поинтересовался Эртель, подъезжая поближе.

— День? — переспросил хриплый, а затем задумчиво протянул: — У-у-у... Да уже за полдень!

— Вот-вот, — поддакнул Эртель. — Так что открывай, и побыстрее. Тут, как-никак, господин посол и его свита.



— Какой еще посол? — хмуро осведомились из-за ворот. Похоже, страж не особенно рвался открывать тяжеленные створки.

— Известно какой! — возмутился Эртель. — Его величества короля Пограничного королевства Эрхарда Первого. Везу от Его величества верительные грамоты Эльдарану Бритунийскому.

— Ну да, как же, — не поверил голос. — Тут две седмицы назад приезжал посол из вашего королевства, и тоже с верительными грамотами. Только короля звали по-другому, не упомянул.

— Хьярелл, — заржал Эртель. — Так его уже того... Свергли. Он оборотнем оказался.

— Веселенькое у вас, значит, королевство, — подытожил хриплый. — Хотя какое это вообще королевство, так, дырка в заднице... Кто хочет — тот на трон и лезет. Видел я ваш дворец так называемый... Раньше я думал — в руинах только нечисть живет, ан нет, еще и короли самозванные встречаются.

— Заткнул бы ты свою гнилую пасть, — мрачно посоветовал Конан. — Твое дело — ворота открывать, а не разговорами людей потчевать. Так что работай!

— Что, правда горька? — съехидничал напоследок стражник и завозился с засовом. Конану не терпелось посмотреть на него, а после наkostenять по шее. Или по заднице — смотря какое настроение будет.

Что-то забрякало, грохнуло, наступил краткий миг тишины. Створки дрогнули и медленно, колыхаясь и скрипя, распахнулись.



Таинственный обладатель хриплого голоса оказался молодым, невысоким и рыжим. Вид у него был невыспавшийся и потрепанный.

Грязная куртка из толстой кожи с проржавевшими бляхами, на штанах — дыры, меч без ножен засунут за пояс на манер мясницкого тесака, и, вдобавок, недельная щетина на щеках и подбородке, тоже рыжая. Парень хмуро посмотрел на отряд, поскреб в затылке и махнул рукой — дескать, проезжайте.

Разговаривать как-то сразу расхотелось, при молк даже Эртель, что было само по себе удивительно.

— Не забудьте пошлину, — лениво проговорил стражник. — По полстера с носа и цельный стер за всех лошадей.

— Всего, значит, три с половиной стера? Да это грабеж! Конан, нас грабят! — возмутился Эртель, гордо выпрямляясь в седле. — Я посол, меня положено пропускать бесплатно!

С деньгами у компании было туговато — еще в Пограничье, после того как Эмерта (у которого и хранилось золото, выделенное скудной казной короля на посольство) в трактире «Танцующая лошадь» обчистила девица легкого поведения, Конану и остальным пришлось поработать по дороге: управа Брийта наняла месьюров посланников ради истребления появившегося в округе невиданного чудовища, порожденного внезапно обрушившимся на Пограничье магическим штормом. Заработали немного, но на дорогу хватило.



Эртель хотел было проехать мимо, отодвинув стражника конем, но тот хватился за поводья и, сузив глаза, предупредил:

— Будь ты хоть сам Митра, а заплатить за въезд обязан. И лучше это тебе сделать самому, без принуждения.

— Ты один, а нас пятеро,— возразил Эртель, пытаясь выдернуть повод, но хватка у рыжего стражника оказалась железная.

— На мой крик, пусть даже и предсмертный, сбежится вся охрана — десятка три. Будьте вы хоть трижды великими...

— Достаточно,— перебил Конан, подкидывая на ладони несколько золотых монет из суммы, выплаченной Эрхардом.— Почем идет золотой Аквилоний?

Парень скривился в презрительной ухмылке:

— Там золота не больше, чем здесь,— он постучал по каменной стене.— Один к одному.

— Один золотой — один стер? — переспросил киммериец.

— А ты догадливый,— усмехнулся стражник.

— Тогда — держи.

Рыжий ловко поймал брошенные варваром монеты, осмотрел, надкусил и небрежным жестом ссыпал в карман.

— Полстера тебе за труды,— добавил Конан, чуть-чуть усмехнувшись.

— Я работаю за королевские деньги, а не за ваши,— отозвался доблестный охранитель ворот Пайрогии.— А полстера вы заплатите за пререкания с государевой стражей и нежелание пла-



тить пошлину. Теперь все в порядке, и я говорю вам — добро пожаловать в Пайрогию, столицу Бритунии!

Конан мысленно сплюнул и ударил коня пятками. Это ж надо — последнее слово осталось не за варваром!

* * *

Пайрогия, без сомнения, была самой аккуратной и самой безопасной из всех столиц в странах Заката.

Купцы, не опасаясь за свои тугие кошельки, разгуливали по самым убогим кварталам. Впрочем, сии кварталы по сравнению, скажем, с немедийскими, выглядели на редкость чисто и опрятно. Помои не выплескивались на улицы, а накапливались и перегнивали в специально отведенных для этого ямах. По улицам неспешно прохаживались патрули, зорко следившие за порядком. К слову сказать, законы Пайрогии, и без того жестокие по отношению к преступникам, в последнее время ужесточились до предела.

К примеру, пойманному, что называется, «за руку», эту самую руку безотлагательно и отрубали, а только потом отправляли в тюрьму и несчастный однорукий потом медленно чах где-нибудь в каменоломнях полуночное города.

Хорошо еще, убийц не приканчивали прямо на месте, а разбирались, был ли это честный поединок, месть и так далее...

В общем, эшафот в Пайрогии в последнее время отнюдь не пустовал, а палачи не маялись без



работы. Находилась названная городская достопримечательность совсем рядом с Закатными воротами, так что Конан и его спутники сразу при въезде узрели это мощное сооружение из толстых досок и массивных бревен. На виселице ветер раскачивал три тела в лохмотьях, на плече одного сидела ворона и увлеченно выклевывала покойнику глаз.

Пайрогия насчитывает почти пятьсот лет от основания. В Бритунии это самый старый город. Бывшая столица — Келбаца — впервые упоминается в хрониках только через сто пятьдесят лет, а Патребия и Чарнина существуют на свете вообще не больше трехсот лет.

Как и почти все города Заката и Восхода, Пайрогия выросла из маленького баронского замка, вокруг которого начали селиться беженцы из Гипербореи и Немедии. Выгодное расположение городка — на пути из Заморы и Коринфии в страны полуночи — дало большой приток поселенцев, и спустя сто лет, когда Бритуния стала независимым королевством, ее первый король сделал своей столицей именно Пайрогию. Тогда же по его повелению были возведены первые каменные укрепления. Так сложился центр поселения, названный позднее Старым Городом. Там находился королевский дворец, особняки благороднейших дворян и королевских советников.

Город рос, и за стенами скоро стало тесно. Предместья строились в основном к полудню от Старого города, так как именно с полудня при-



ходили караваны из Коринфии и Заморы. Сейчас с полуденной части Пайрогии держали свои лавки большинство ремесленников и купцов, там же находился городской рынок.

Около пятидесяти лет назад тогдашний правитель Бритунии Куллан обнес разросшийся город второй защитной стеной, а на время работ перенес столицу в Келбацу. И только при Эльдаране Пайрогия получила обратно свой законный статус, хотя среди жителей Келбацы до сих пор бытовало мнение, что их город более заслуживает наименования столичного.

Конан побывал в Пайрогии спустя несколько лет после этого знаменательного события и, как всегда, умудрился впутаться в нехорошую историю.

Король Эльдаран был кое-чем обязан варвару — корона и жизнь (по общему мнению) имеют довольно большую ценность, а именно эти две вещи Конан помог сохранить тогда еще сравнительно молодому монарху. Почти шестнадцать или семнадцать лет назад, Пайрогия также выглядела чистенькой, однако виселицы при въезде в город не было и в помине, а жители выглядели гораздо веселее... А теперь? У всех встречных на лицах какой-то необъяснимый страх, все с ужасом косятся на мрачных стражников, вышагивающих по улицам. Каменные дома при достаточно редких прохожих выглядели унылыми и покинутыми. Даже солнце скрылось в облаках, отчего на Пайрогию опустились преждевременные сумерки.



«Ну и что? — успокаивал сам себя Конан, которому тоже стало слегка не по себе. — Здесь, у Закатных ворот, никогда не было много народу. Здесь же не торговый квартал и не рынок.»

Прохожих становилось все меньше и меньше. Пятеро всадников медленно двигались по Закатной улице по направлению к Красной дороге.

Красной она называлась потому, что вела из Старого города к Купеческим (или Полуденным) воротам, и все бритунийские монархи очень любили совершать торжественные выезды именно по ней. А когда ездили — требовали, чтобы мостовую покрывали коврами и обязательно красными... Со временем столь необычные прихоти забылись, однако название прижилось и сохранилось.

Подковы звонко бряцали в пугающей тишине. С полудня доносился шум рынка, а здесь, на Закатной улице, было тихо, как на кладбище. Даже не у кого спросить, где находится — так ее и растак! — улица Фонарщиков.

Конан, хоть и бывал раньше в Пайрогии, знал только общий план города — Старый город, королевский дворец, рынок, ювелирные лавки...

Знал он и расположение почти всех трактиров, харчевен и постоялых дворов. Что самое удивительное — помнил их до сих пор.

Вот спросите, где находится таверна «Эфес»? Даже думать долго не надо — в переулке Меча, если идти по Рыночной улице на восход, считая после пересечения ее с Красной дорогой. Варвар всегда отличался отменной памятью.



Зато где расположена такая улица Фонарщиков — варвар не помнил. Вернее, не знал. То ли трактир на ней был самый захудалый, то ли вовсе его не было... Что самое любопытное — несколько местных жителей, встреченных у ворот, тоже не смогли толком объяснить, где находится эта улица. Большинство о такой просто не слышали, остальные же давали крайне расплывчатые ответы. Кроме Конана, в Пайрогии бывал еще и Веллан, но проездом, а потому от него вообще не было никакого толка.

Пятеро ехали и ехали. Угрюмо молчали. Город плохо действовал даже на флегматичного Тотланта — волшебник бросал по сторонам быстрые взгляды и шептал себе под нос по-стигийски что-то недоброе.

Пересечь Красную дорогу отряду не дали. Вдоль всей улицы — и с одной, и с другой стороны — городская стража выстроила оцепление. Должно быть, прибывала или отбывала какая-то важная персона. Обычно в таких случаях не протолкнуться из-за народа, сбежавшегося поглазеть на дармовое представление. Сейчас же творилось что-то несуслазное — на Закатной улице, кроме Конана и его друзей, никого не было.

Лошади остановились неподалеку от цепочки стражников. Заинтересованный происходящим Конан наклонился с седла и тихонько позвал:

— Эй, парень!

Стражник, к которому он обратился, только копьё сжал посильнее, так что побелели костяшки пальцев.



Варвар понимающе ухмыльнулся и полез в кошель. В тишине отчетливо и громко звякнула о булыжники золотая монета.

Воин с готовностью оглянулся и встретился глазами с Конаном.

— Один вопрос,— быстро проговорил киммериец, показывая стражнику еще одну монету. Парень впился в нее жадным взглядом, да таким, что Веллан презрительно хмыкнул и отвернулся. Стражник был молодой, безусый, с блеклыми пугливыми глазами вчерашнего крестьянина. Золото он, наверное, видел только по большим праздникам.

Его соседи по шеренге не обратили на заманчивый звон никакого внимания. То ли у них денег хватало, то ли монета лежала так далеко, что было не дотянуться.

— Один вопрос — и монета твоя,— повторил Конан, не видя на худом узком лице ответа.

На этот раз парень утвердительно и очень энергично закивал. Эртелю даже показалось, что у стражника вот-вот оторвется голова, а взгляд стал до того алчным... И Эртель, последовав примеру Веллана, начал внимательно разглядывать траченные временем скульптуры на фасаде дома напротив.

Конан тем временем задал интересовавший его вопрос:

— А скажи-ка, приятель, по какому случаю вы здесь торчите?

— Его величество Эльдаран решили посмотреть на рынок. Ожидается большой кортеж...—



голос у парня оказался под стать лицу — раболепный и заискивающий. Конана передернуло и он, не глядя, швырнул монету стражнику.

— И еще. Не знаешь, где находится улица Фонариков?

— Конечно, знаю, добрый господин,— заулыбался тот, пряча монетку за пазухой. Конан почувствовал нарастающее желание немедленно прикончить кого-нибудь. Лучше всего — вот этого стражника с лстивой рожей...

— Где? — осведомился варвар.

— Сперва монету,— задрал нос, отрезал стражник.

Киммериец быстро выудил из кошелька золотой и запустил на мостовую.

— Доедешь по Красной до Лекарской, по Лекарской — до Оружейной, и с Оружейной на втором перекрестке свернешь налево. Там будет небольшая улочка — это она и есть,— быстро протараторил парень и отвернулся, потому что до дороге с грохотом и топотом промчался отряд конных рыцарей.

В отдаленье запели трубы и рога, ударили барабаны и мостовая затряслась от дробного топота сотен ног.

Первыми Конан увидел отряд музыкантов. Они наяживали боевой марш бритунийской пехоты «Славься, меч и копье». За ними горделиво промаршировал отряд тяжелой пехоты с длинными копьями на плечах.

Следом за пехотой появились представители благородного сословия. Придворные в расшитых



золотом и серебром кафтанах, дамы в усыпанных камнями платьях, суровые воины в кольчугах и при мечях, бледные от канцелярской работы советники, иногда выглядывающие из-за штор своих паланкинов, несомых рабами...

К этому времени за Конаном и его спутниками собралось несколько человек, видимо, не удержавшихся от соблазна взглянуть на все это великолепие. Киммериец невольно прислушался, узнал много новых имен и последних слухов, но ровным счетом ничего — об оборотнях.

Один раз зеваки дружно охнули, когда на середину дороги вылетел горячий вороной конь, несший на себе стройного, очень высокого молодого мужчину со светлыми волосами и небольшой бородкой и усами. На нем была черная куртка, застегнутая на крючки без всяких украшений, светлые штаны и коричневый берет с радужным фазаньим пером.

— Альбиорикс! — заохали сзади.

Жеребец загарцевал, всадник победоносно и свысока оглядел толпу. Его голубые глаза внезапно встретились с взглядом Конана, равнодушно смотревшего на кортеж. Альбиорикс поспешно и испуганно отвел взгляд, пришпорил коня и укакал вперед.

Конан не понял, почему в глазах вельможи мелькнул страх — они ведь никогда раньше не встречались, и варвар не припоминал, чтобы числил этого человека среди своих врагов. И все же, все же...

Киммериец обернулся к зевакам:



— Эй, людишки, кто этот расфуфыренный забияка на вороном?

— Ну и грубиян же ты, чужеземец, — бросил кто-то, а другой голос ответил: — Это Альбиорикс, капитан гвардии и начальник всего гарнизона Пайрогии.

— Какой красавец! — влюбленно выдохнул женский голос. Дальше Конан слушать не стал.

Едва он повернул голову, как солдаты перед ним заорали «Король! Король» и ударили копьями о щиты.

Насколько Конан помнил, королю Бритунии должно было быть около шестидесяти пяти лет, но выглядел он моложаво, может, лет на пятьдесят. Совершенно седой, слегка заплывший жирком от безделья, он все же показался киммерийцу похожим на того Эльдарана, которого он хорошо знал. Но только показался... У прежнего Эльдарана не было хищного выражения лица и безумно-блестящего взгляда. Эльдаран не ездил в роскошном паланкине в обнимку с парочкой молоденьких хихикающих девчонок, и, наконец, у прежнего Эльдарана был Кейлаш. А с тех пор, как Конан и компания въехали в Пайрогию, им на глаза не попало ни одного кезанкийского горца.

Король улыбался и махал рукой, приветствуя подданных, но все это было насквозь фальшиво...

Процессию завершил еще один отряд тяжелой пехоты. Сзади раздался полный недоумения хор голосов:

— А где Вегель?



— Может, мы его не заметили?

— Скажешь тоже! Его — и не заметить! Значит, его просто не было!

— Как такое могло случиться? Он же от короля ни на шаг не отходит?

— Вот уж не знаю...

Оцепление сняли, и Конан сотоварищи, следуя указаниям стражника, отправились дальше — искать улицу Фонарщиков.

Как и следовало ожидать, они умудрились заблудиться. Пускай и помнили объяснения тухлоглазого стражника.

Лекарскую улицу они разыскали без труда. Собственно говоря, и Оружейную тоже. А вот дальше... В общем, солнце клонилось к закату, а проклятая улица Фонарщиков так и не была найдена.

Конан все оглядывался в поисках местного жителя, и, наконец, обнаружил такового.

У стены лавки булочника стоял невероятно худой паренек в добротной кожаной одежде, висевшей на нем, как на колу, и с длинным кинжалом на поясе. Парень грыз семечки, шумно отплевываясь.

— Эй, пойдика сюда! — крикнул ему Конан, злой, как гирканский тигр, которому наступили на хвост и дунули пылью в нос. В его голосе проскользнула столь явственная стальная нотка, что парень немедленно отлепился от стены и подошел к лошади киммерийца.

— Знаешь, как доехать до улицы Фонарщиков?



— Конечно, знаю, — весьма паскудно ухмыльнулся парень. — Но шутки у тебя, громила, плоские, как твоя башка тупая.

— Чего?! — проревел Конан, хватаясь за меч. — Да я тебя сейчас...

— Воздуху не хватает? — участливо осведомился парень. — Или воображения?

Он развернулся и побрел обратно к своей ненаглядной стене. На полпути его остановил крик Эртеля:

— Так как проехать-то?

— Еще один шутник... — Парень скорбно вздохнул, покрутил пальцем у виска и продолжил свой путь.

Тут уже Конан не выдержал.

Взбешенный варвар спрыгнул с седла, одним прыжком настиг парня и, прежде чем тот успел даже пикнуть, схватил за горло и поднял к своему лицу.

Ноги парня болтались в воздухе, он хрипел, пытался разжать лапы киммерийца, но не тут-то было.

Конан тряс беднягу как котенка и, наверное, задушил бы, не вмешайся в творившееся безобразие Тотлант.

Стигийский маг просто коснулся Конана своим посохом, и тот, отпустив жертву, послушно побрел за ним.

Это может прозвучать странно, но стигиец обладал уникальнейшим талантом мгновенно утихомиривать буянящего Конана. А тот всегда слушался стигийца. Ну, почти всегда...



Жертва киммерийской ярости долго не могла прийти в себя, еще дольше не могла говорить, а только неразборчиво хрипела.

Конана пришлось держать всем вместе, когда краткое время действия посоха закончилось — иначе варвар непременно довершил бы начатое дело.

Парень наконец отдышался и, опираясь на стену, с трудом встал на ноги.

— Никогда не зли киммерийца, — наставительно произнес Эртель, погрозив ему пальцем.

— Особенно когда он и без того взбешен, — добавил Веллан, а Конан в подтверждение этих слов дернулся и заревел, как буйвол.

— Да его тупым серпом оскопить мало! Наглец!

— А что мне прикажете делать? — возмутился слегка помятый парень. — Смеяться вашим глупым шуточкам?

— Каким шуточкам? — удивился Тотлант.

— Как — каким? — теперь несказанно удивился незнакомец. — Вот она — улица Фонарщиков, мы на ней сейчас стоим... Вы что, правда не знали?!

Он изумления у всех — не исключая Конана — отвалилась челюсть.



ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой случается драка, а Конан сводит близкое знакомство с пайрогийской тюрьмой



ет, вы что, действительно не знали, что это и есть улица Фонарщиков? — несколько удивленно переспросил парень, хотя в его голосе по-прежнему слышалась горечь.

— Действительно не знаем, — скорчив гримасу, передразнил его Эртель. — Думаешь, это мы так развлекаемся — шастаем по городу и пристаем ко всем с дурацкими вопросами? Больше заняться нечем?

— Ну, с вас станется... — начал было парень, но, покосившись на нехорошо прищурившегося киммерийца, быстренько оборвал себя, вовремя удержав готовую сорваться с языка колкость.

— Вот что, парень, в следующий раз тебе лучше просто ответить на заданный вопрос, — сурово прогремел с высоты своего роста (вкупе с лошадью) варвар, а Веллан тут же наставительно продолжил:

— Между прочим, не удержи мы этого зверя в человеческом облике (Тотлант за спиной бри-



тунийца слегка усмехнулся) твои мать с отцом уже оплакивали бы обезображенный до неузнаваемости труп их сыночка. Горцы Киммерии, знаешь ли, ничьих шуток не понимают, кроме своих собственных...

Конан уже научился не обращать внимания на откровенные подначки Эртеля и Веллана, а потому пропустил мимо ушей и эту, однако ему не понравилось, что парнишка, запрокинув голову, расхохотался во все горло. Киммериец привык к беззлобному поддразниванию своих спутников, но вовсе не собирался прощать дерзости какому-то сопляку. А потому почти ласково поинтересовался:

— Сынок, ты любишь нарываться на неприятности? Имей в виду, в следующий раз меня могут и не удержать...

Парнишка сразу стих, зато Конан пришел в хорошее расположение духа (как-никак, пресловутую улицу они нашли) и даже решил слегка вознаградить советчика.

Иногда с варваром случались подобные приступы щедрости, и он сам не мог потом взять в толк, почему кинул последний сикль, крону или кесарий полупьяному грязному нищему... Вот и сейчас рука, казалось, сама залезла в мешок с золотом и извлекла горсть монет.

— Ладно, парень, это тебе компенсация, — важно заявил киммериец, решив блеснуть образованностью, почти как Тотлант. Этому словечку, означавшему в просторечии всего-навсего «вознаграждение», его научил один хитрый жрец при



храме Митры. — Я же тебя все-таки чуть не убил...

— О-о, — обрадовался юнец и быстренько спрятал деньги за пазуху. — Кстати говоря, меня зовут Артом и меня здесь каждая собака знает, так что если понадобится — только свистните.

— Надо же, Арт — прямо как мой папаша, — удивился Веллан, хотя имя «Арт» было довольно распространенным среди бритунийцев.

— А твой папаша еще жив? — немедленно поинтересовался Эртель.

— А твой? — парировал Веллан.

— Мой отец погиб, когда я еще без штанов под стол ходил, — с достоинством ответил Эртель и, вздохнув, добавил: — И мое воспитание оказалось полностью на совести дяди Эрхарда.

— Оно и заметно, — понимающе протянул Конан, состроив притворно-серьезную мину. — Теперь понятно, кого надо благодарить за эдакое сокровище... Эй, Арт, стой, — окликнул он уходящего паренька, — раз уж ты такой умный и все здесь насквозь знаешь, то не отведешь ли нас к дому Джарефа? Это должно быть где-то неподалеку...

— Молодого графа Джарефа? — уточнил Арт.

— Насчет графа не знаю, — пожал плечами Конан. — Он говорил, что живет в третьем доме то ли в начале, то ли в конце улицы, точно не помню.

— Я понял, — кивнул мальчишка. — Отведу. Поехали, в смысле трогайте, потому как я пойду своими ногами.



Все компания двинулась вверх по улице. Впереди, ведя лошадь Конана под уздцы, важно шествовал Арт, за ними ехал как всегда спокойный боссонец, следом Тотлант и препиравшаяся парочка. Эртель и Веллан все спорили по поводу отца последнего.

Улица Фонарщиков была одной из окраинных улиц полуночной части Пайрогии. По ее бокам стояли старые, облезлые, в основном двух и трехэтажные дома. По дороге на глаза не попало ни одной лавки, и, что самое досадное, ни одного трактира. Редкие прохожие испуганно шаркались к стенам домов, уступая дорогу страшному варвару с буйной гривой черных волос и холодным взглядом убийцы. Мимо промаршировал патруль — три крепких молодца в кольчугах и шлемах, вооруженные легкими копьями и короткими мечами-гладиусами. Они настороженно изучили подозрительных чужаков, но остановить не рискнули — те пока не делали ничего предосудительного, да и численное преимущество составляло любого задуматься...

Конан заметил еще одну странность: на улице совсем не было нищих. Не то, чтобы ему нравилось обилие грязных, завшивленных попрошайек, но... Как-то непривычно, когда их вовсе нет. Улица Фонарщиков, конечно, отдаленная, но достаточно чистая и светлая, и хоть один-два нищих на ней непременно должны быть. Однако, как Конан ни всматривался, сия неперменная деталь любого городского пейзажа вопиюще отсутствовала.



Разочарованный и слегка недоумевающий киммериец решил плюнуть на местные странности и полез в притороченную к седлу сумку, чтобы достать початую бутылку с вином. Шаря в ней, он наткнулся на массу полезных в дороге вещей — от кремней до обломка шила, однако бутылка ему упрямо не желала попадаться под руку. Конан запустил лапу еще глубже и наткнулся на что-то округлое. Только это оказалась вовсе не бутылка...

Киммериец выпрямился и спросил у Арта:

— Далеко еще?

— Не-ет,— помотал лохматой головой юнец.— Вон тот двухэтажный дом под красной черепицей, ну, фасад еще весь в плюще...

— Ага, вижу,— рассеянно кивнул Конан и неожиданно заинтересовался: — Слушай, Арт, ты в какого бога веришь?

Мальчишка аж сбился с шага и поперхнулся:

— Ну у тебя и вопросы! Во всех, конечно!

— Да, я, пожалуй, спросил неправильно,— согласился варвар: — Тогда так — какому богу ты молишься?

Арт замялся, привычно потянулся почесать буйно заросший затылок и нехотя ответил:

— Вообще, я редко молюсь. Иногда, по праздникам, хожу в храм Митры, а так... Ну знаешь, бывают случаи, когда всех богов поминаешь — авось хоть один услышит и поможет. Случалось, даже твоего Крома вспоминал...

— Это ты зря,— авторитетно заявил Конан.— Кром глух к людским мольбам, он безразличен



даже к нам, киммерийцам, его исконному народу.

— И вы все равно почитаете такого бездушного бога? — удивился Арт. — Какой же в этом смысл?

— Кром не бездушен, — возразил Конан. — При рождении он дает младенцу храбрость и волю к победе. Чего еще нужно настоящему воину?

— Оттого вы, киммерийцы, все такие дикие, — покачал головой Арт. Варвар прищурился, но ничего не ответил. В чем-то мальчишка был прав...

— Ладно, сейчас речь не о Кроне, — Конан вспомнил о первоначальной теме разговора: — Ты не хотел бы иметь персонального бога, который будет помогать только тебе? Во всяком случае, пока.

— Ну, спрашиваешь! — хмыкнул мальчишка. — Конечно, я бы не отказался. Да только где такого взять?

— А вот это уж моя забота. — Киммериец снова запустил руку в сумку и вытащил статуэтку черного палисандра, длиной не больше локтя, изображавшую старого бритоголового человека в рясе без рукавов и с простым посохом в руках. — Знакомься — это Раваал, Бог с Черным Лицом.

— Так вот кого ты мне пытаешься подсунуть! — возмутился Арт. — Думаешь, у нас в Бритунии не слышали о зверствах, чинимых шайками поклонников этого самого черномордого? Помнится... Хотя нет, мне рассказывали, что король Эльдаран после гибели единственной дочери от руки жрицы какого-то тайного культа изгнал из сто-



лицы всех жрецов, кроме митрианцев и служительниц Викианы. С тех пор у нас запрещено проповедовать другие культы... Вот пойду и расскажу о тебе в городской страже, быстренько в казематах окажешься! Да ладно, ладно, я шучу, конечно...

Подозревать Конана в злом умысле не имелось никаких оснований, да только Арт о том не знал. Бедолагу Раваала, чей дух был заключен в статуэтке, найденной в заброшенном храме Чернолицего бога в Граскаальских горах, варвар давно хотел пристроить, так сказать, в «хорошие руки». Древний бессильный божок, вовсе не вредный, а скорее очень несчастный и огорченный тем, что люди в него не верят, нуждался хотя бы в одном почитателе...

Конан терпеливо выслушал речи мальчишки до конца и неторопливо проговорил:

— А теперь послушай меня. Я разбираюсь в этом деле немного побольше, чем ты. В конце концов, именно я приложил руку к уничтожению последней шайки Чернолицых. На самом деле Раваал — неплохой бог, его просто оклеветали. Подробности он расскажет тебе сам. Держи, это он и есть.

Арт повертел статуэтку Чернолицего в руках и с сомнением посмотрел на киммерийца:

— Ладно, я возьму... Но если что — товар назад! Кстати, мы пришли.

— Да вижу, — буркнул Конан, который истово молил Крома о помощи. В последнее время Раваал завел привычку постоянно являться вар-



вару во сне и нить, убеждая сменить веру. И сейчас Конан был счастлив, что Чернолицего удалось наконец кому-то спихнуть. Пускай дальше выкручивается сам!

Деревянная резная дверь, ведущая в дом Джарефа, оказалась накрепко заперта. Громкий стук и не менее громкие вопли: «Джареф, вылезай, мы знаем, что ты там!» успеха не имели.

— Наверное, он на службе, — предположил Арт. — А слуги ушли. Вы же знаете, он капитан королевской стражи...

— Ого, — удивился Эртель. — А нам он как-то позабыл об этом сказать.

— Не суть важно, — перебил Конан. — Пойдем перекусим, выпьем и вернемся попозже. Не будет же он целый день торчать во дворце... Арт, здесь поблизости отыщется местечко, где честный наемник мог бы весело спустить заработанные денежки?

* * *

Трактир, отрекомендованный Артом как самое подходящее место для расставания с золотом, назывался «Орел и медведь». Он находился на улице Ткачей, примерно в квартале от дома Джарефа. Добраться, следуя четким указаниям паренька, оказалось легко.

Конан придержал лошадь перед добротным трехэтажным, опять же каменным зданием с огромной вывеской, на которой весьма приблизительно изображенные орел и медведь, сидя в обнимку, хлестали пиво из больших деревянных



кружек. По размерам трактир больше смахивал на большой постоялый двор и жизнь в нем была ключом. Люди постоянно входили и выходили, порой выползали или вылетали. Пьяных в стелюку у дверей не валялось, размалеванных шлях тоже видно не было. Судя по долетавшим из-за дверей звукам — дружному хохоту, воплям, звону сталкивающихся кружек и визгу немудреных музыкальных инструментов — основное веселье царило в зале.

Конан оглянулся на своих спутников — им тоже явно не терпелось попасть внутрь. Даже у невозмутимого Эмерта глаза слегка оживились.

— Вперед, ребята, повеселимся! — провозгласил варвар и первым выпрыгнул из седла. Тут же рядом, словно из-под земли, вырос мальчишка, на лету подхвативший небрежно кинутые поводи и медную монетку.

— Вычистить, накормить и напоить, — распорядился Конан и, отвесив тяжелой двери хороший пинок, вошел в общий зал таверны, мало отличавшийся от сотен ему подобных. Напротив входа располагалась стойка, чуть левее ее маленькая деревянная лестница вела на второй этаж. Все остальное пространство занимали грубо сколоченные, массивные столы. Под потолком раскачивалось тележное колесо, утыканное толстыми свечами.

Зимние сумерки только начинались, поэтому занятой оказалась примерно половина мест. Отряд легко отыскал себе свободный угол возле лестницы. Конан привалился спиной к шерохо-



вatomу теплому камню и по впитавшейся в кровь привычке оглядел зал, прикидывая, кто может представлять опасность.

Большая компания ремесленников, то ли каменщиков, то ли плотников, Сет их разберет.

Они усердно налегали на пиво и наперебой орали развеселую и насквозь непристойную песню. Большая часть скоро не сможет удержаться на ногах, не то что на кого-то напасть.

Пятеро кезанкийских горцев в одеждах из козлиных шкур нелюдимо и настороженно зыркают по сторонам. Что-то в славном городе Пайрогии поуменьшилось число «детей гор», земляков короля Эльдарана... Пятеро за столом сами всего боятся.

Несколько одиночек неопределенной принадлежности, усердно лапавших служанок и падших девиц, благо и тех, и других в заведении было предостаточно. Вряд ли даже осмелятся подумать о том, чтобы затеять драку.

Ага, вот это уже интересно. Десятка полтора наемников с одним и тем же гербом на плащах — два скрещенных меча и туго набитый мешок. Имя «Аль Браско», красующееся над гербом, что-то напомнило киммерийцу, но что именно — он не мог вспомнить. Парни увлеченно резались в кости и пили вино, ничего не замечая вокруг.

Еще одно сообщество игроков в кости, менее шумное. Составлявших его людей украшали многочисленные шрамы, явно оставшиеся после пребывания в руках палачей: вырванные ноздри, отрезанные уши, укороченные пальцы, лишенные



ногтей... Огромный, бритый наголо громила во сплюснутым носом внезапно оторвался от пристального разглядывания выпавшего сочетания костей и встретился глазами с взглядом Конана. Некоторое время его темные с искрами безумия глазки изучали льдисто-голубые глаза киммерийца, затем он снова отвернулся к столу.

— Что будем есть-пить? — Это, виляя обширной задницей, до Конана и компании наконец добралась одна из служанок.

— Пару кувшинов темного пива и жаркого, для начала. — Эмерт, что удивительно, оказался первым.

— У вас есть что-нибудь из стигийских вин? — вежливо поинтересовался Тотлант, поигрывая посохом.

— «Аромат древности», — после некоторого размышления ответила служанка. — И, кажется, «Белая змея».

— «Аромат» и жареную курицу, пожалуйста, — сделал свой выбор стигиец.

Конан потребовал кувшин аргосского и жареного мяса, Эртель взял бутылку местного и копченой рыбы, а вот Веллан удивил всех. Бритунец невозмутимо попросил ячменных лепешек и крынку молока.

Правда, потом он слегка одумался и добавил еще тушеной свинины, но все равно выслушавшая требования гостей девушка ушла немножко ошарашенной.

Друзья Веллана оказались ошарашенными еще больше и долго приходили в себя.



— Велл, ты что, рехнулся? — соболезнующе спросил Эртель, заглядывая в лицо бритунийца и ища на нем зловещие признаки надвигающегося безумия.

— Почему из-за того, что в кои веки человек решил спокойно поесть, его непременно объявляют спятившим? — возмутился Веллан.

Эртель прекратил разглядывать приятеля и, хлопнув ладонью по столешнице, воззвал к остальным:

— Может, кто-нибудь растолкует мне, с какой стати этот чокнутый со старого доброго вина перешел на телячье пойло?

— Потому что ем и пью, что хочу, — отрезал Веллан. — Я же не пристаю к тебе с вопросами, зачем ты взял местное вино? Оно кислое, невыдержанное и сивушное.

— Да ну, ладно, — недоверчиво отмахнулся Эртель. — Ты-то откуда знаешь?

— Между прочим, я здесь родился, если ты еще не забыл, — язвительно напомнил бритуниец. — И уж что-что, а вкус местных вин помню наперечет. Ты же, дурень, взял самое дешевое и самое мерзкое...

Эртель хотел что-то возразить по этому поводу, но не успел. К столу подлетели девушки с подносами, и вся компания навалилась на заказанную еду. Жевали так, что трещало за ушами. Еще бы — они не ели с раннего утра, а сейчас уже смеркалось.

Эртель отхлебнул несколько раз из своей бутылки и громогласно заявил, что Веллан совер-



шенно не разбирается в винах. Вполне приятное красное, чего ему не нравится?

Бртуниец даже не поднял глаза от стоявшей перед ним крынки.

Служанка, ставившая перед ним молоко, лепешки с медом и мясо, глядела на него с суеверным страхом и поспешила как можно скорее улизнуть на кухню, тогда как ее товарки усиленно пытались соблазнить киммерийца и Эртеля. Тем были совершенно безразличны их красноречивые взгляды и зазывные телодвижения — над всеми желаниями преобладал голод.

Разочарованные и уязвленные девицы отошли от стола, шепотом перемывая косточки мерзким типам, не замечающим вокруг ничего, кроме жратвы...

— Дай-ка мне оценить, — заявил Конан и сгреб бутылку Эртеля. Тот попытался протестовать, но варвар лишь усмехнулся, сделал хороший глоток... и тут же скривился.

— Забирай свое пойло, — он толкнул полегчавшую бутылку к Эртелю. — Велл был прав — кислое, невыдержанное и мутное. Как ты, вообще, можешь пить такое, не то что хвалить?

— А, отвали. Вы все у меня уже в печенках сидите, — обиженный Эртель хлебнул вина и изумленно вытаращился: — Эй, варвар, ты же одним глотком полбутылки вылакал! Теперь надо еще заказывать, — и он махнул рукой свободной служанке.

Общим решением было признано необходимым потребовать добавки. Конан, расправивший-



ся со своей порцией раньше всех, привалился к стене и блаженно отхлебывал вина из кувшина.

Пока компания искателей приключений из Пограничья обедала, в Пайрогии наступил вечер. Таверна быстро заполнялась народом — люди повсеместно заканчивали работу и отправлялись в ближайший трактир или харчевню — поужинать, выпить и по возможности повеселиться.

Вот ввалились королевские стражники, числом около двух десятков. А вот парочка купцов в теплых кафтанах с дутыми рукавами — похоже, отмечают удачную сделку...

Конан решил, что самое время поинтересоваться у приятелей, нет ли у них каких-нибудь толковых соображений по поводу того, с чего стоит начать многотрудное дело по изведению оборотней в Бритунии. Но не успел. Его вниманием снова завладел бритый обладатель сплюсченного носа.

Громила бросил кости, проиграл и, сделав знак товарищам, встал из-за стола. Следом за ним поднялись пятеро битюгов, весьма сходных с ним комплекцией. Бритоголовый не спеша направился через зад прямо к столу Конана и его приятелей. Варвар с грустью подумал, что так хорошо начавшийся вечер сейчас непременно будет испорчен шайкой вот этих идиотов...

Однако для начала любой драки требуется создать хоть малейший повод. Так что спутники бритоголового для начала просто окружили стол, а их главарь несколько свысока предложил киммерийцу:



— Сыграем в кости, варвар?

Конан отрицательно качнул головой. Главарь повернулся к своим и по-лошадиному заржал, немедленно поддержанный друзьями:

— Это ж надо, дикарь отказывается играть в кости!

— Он, наверное, не знает, что это такое! А кости варвары только обглаживать умеют!

— Да он наверняка все деньги пропил, если они у него вообще когда-нибудь были!..

Двадцать лет назад такие подначки заставили бы Конана подняться с места и устроить небольшой погром с ломанием костей и столов, но сейчас киммериец остался спокоен. Если хотят драки — пусть ударят первыми. Начинаящий обычно проигрывает. Разумеется, к себе Конан это мудрое правило не относил.

Громилы еще хихикали, а бритый главарь перегнулся через стол и, дохнув на варвара смрадом гнилых зубов, прошипел:

— Знаешь, киммериец, тебе и твоим приятелям лучше добровольно прямо сейчас оторваться от скамей и смирно топать за нами.

— А тебе лучше научиться дышать через задницу, — доброжелательно посоветовал Конан, незаметно перемещая рукоять Рангильдора поближе к левому плечу, чтобы в случае чего мгновенно выхватить его. — Тогда и вони будет гораздо меньше.

— Ах ты тварь! — заорал главарь и занес кулак для удара. Конан приготовился поймать кисть и продемонстрировать ее владельцу при-



ем, именуемый «демоновой мельницей», однако бритоголовый ударил не киммерийца, а сидевшего рядом с ним Тотланта.

Стигиец, с интересом наблюдавший за развитием событий, не ожидал такой подлости и не успел даже руку поднять для защиты.

Удар швырнул его со скамьи на присыпанный грязной соломой пол, причем волшебник, судя по всему, потерял сознание.

Дальше началась привычная кутерьма. Конан, у которого в руках оказался словно сам по себе вылетевший из ножен меч, вскочил из-за стола, перевернув скамью. Эмерт также молниеносно вскочил и спустя мгновение уже стоял с натянутым луком. Эртель отбил бутылкой направленный ему в голову удар и присоединился к компаньонам. Веллану не повезло. Он настолько о чем-то задумался, что не обратил внимания на раздающиеся вокруг вопли, и, получив дубинкой по затылку, уткнулся лицом в стол.

«Скверно,— подумал Конан, мягким кошачьим шагом надвигаясь на паскудно ухмыляющуюся шайку.— Два удара — и двое наших выведены из игры. Очень скверно.»

Эртель стряхнул на пол осколки разлетевшейся вдребезги бутылки, вытащил меч, и, зло прищурившись, осведомился:

— Так кто хочет первым отведать стали?

Вместо ответа один из нападающих выдернул из-за пояса метательный нож... Одновременно у левого уха Эртеля прогудела стрела и незадачливый метатель с воплем рухнул на колени.



Это послужило сигналом нападения для пятирх оставшихся. Они были вооружены мечами средней длины и в открытом бою против вставших спина к спине Конана и Эртеля с их длинными клинками не имели бы ни малейшего шанса на победу. Но в тесноте трактирного зала не очень-то размахнешься...

Конан с легкостью отражал бездарные, убогие и напрочь лишенные фантазии выпады. Отражать-то он отражал, и с успехом, и стоявший позади Эртель тоже отражал, а вот перейти в атаку самим было трудновато. Противники успевали отпрыгнуть на безопасное расстояние, прежде чем тяжелый меч мог их настигнуть. Эмерт не мог помочь им своими стрелами — ему пришлось тоже взяться за меч и отбиваться от рябого косоглазого типа.

Под яростный звон мечей разговоры в трактире как-то сами собой стихли, по залу пробежал легкий шепоток. Друзья бритоголового, игравшие в кости, не торопились ему на помощь, какие бы отчаянные взгляды он на них не кидал. Ему действительно приходилось тяжело — Конан и Эртель объединенными усилиями теснили троих нападающих в угол, а из угла уже не убежишь... Сзади раздался стон и стук упавшего тела. Конан отбил простейший удар сверху и чуть не выпустил врагу кишки (еще немного — и пришлось бы их подбирать по всему трактиру, а так нападавший отделался только царапиной на животе) и обернулся. Хвала богам, на полу лежал не Эмерт.



Посетители трактира, отойдя от первоначального изумления, начали азартно делать ставки, причем большая часть зевак ставила на варвара. Внезапно все шепотки перекрыл громкий голос:

— Я ставлю на королевскую стражу.

* * *

Это сказал молодой, лет двадцати пяти, офицер, приподнимавшийся из-за стола.

— И моя ставка сорвала банк,— невозмутимо продолжил он, делая знак своим солдатам. Два десятка гвардейцев неспешно поднялись с лавок, оставив недопитое пиво и выстроившись полукругом за спиной командира.

Все посетители сразу потеряли интерес к драке, ибо ее исход теперь предугадать было несложно. И тех, и других ждет каталажка, а вот того боссонца с луком, скорее всего, повешение — два убийства, как-никак...

Конан тоскливо подумал, что мало ему было на веку неприятностей со стражей всевозможных городов, так теперь еще и здесь!

По лицу бритоголового было ясно, что он увидел свой шанс на спасение и упускать его не собирается.

— Счастливого знакомства с камерами «Рая», варвар, а я, пожалуй, пойду... — с этими словами он рванулся за стойку и исчез за дверью, ведущей в кухню. Его дружки, не обращая внимания на окрики офицера, помчались следом.

«Ну уж нет! Так просто вы от меня не уйдете!» — возмутился Конан, бросаясь наперерез по-



следнему из шайки. Тот ловко увернулся и ударил бы, если не замешкался у стойки... что стоило ему жизни. Варвар прыгнул и одним ударом расколол убежавшему череп.

Тело, обливаясь кровью, еще оседало, а Конан уже развернулся к Эртелю:

— Как Велл и Тотлант?

— Я-то в порядке, только голова трещит и все плавает,— ответил бритуниец, слегка пошатываясь.

— А у меня, похоже, сотрясение мозга,— с грустью доложил стигиец, после чего еще более печально добавил: — И нос сломали, сволочи... Но идти я смогу.

— Тогда все сюда,— скомандовал Конан.— Из кухни наверняка есть черный ход в какой-нибудь переулочек...

Тем временем офицер почему-то медлил, хотя вполне мог захватить Эмерта и мага с бритунийцем. Этих мгновений им вполне хватило, чтобы пройти за спиной Конана и нырнуть в дверной проем. Видимо, офицер здраво рассудил, что в возможной драке он потеряет большую часть своих людей, а потому сделал попытку договориться:

— Эй, киммериец! Тебе лучше бросить меч по-хорошему, тогда тебе грозят лишь рудники...

«Премного благодарен,— подумал Конан.— Может, мне еще самому на меч броситься?»

Вслух же варвар сказал:

— Командир, а что будет, если я меч не брошу, а вам придется его у меня отнимать? Сколь-



ко, как полагаешь, я успею отправить к Нергалу, прежде чем свалюсь сам, а?

— Надеюсь, ты не думаешь, что мы сами наденем на твой клинок? — едко поинтересовался офицер. — Учти, сдашься сам — рудники, схватим мы — повешение или четвертование, это уж как судья решит. Кстати, боссонца точно вздернут. Два трупа зараз — многовато для Пайрогии. Подумай, варвар, подумай...

«Дерьмовый городишко, — решил Конан. — Два трупа им, видите ли, многовато! Совсем отвыкли от нормальной жизни! Ну, хорошо же, мы эту Пайрогию заставим встряхнуться!»

— Ладно, — согласился варвар. — Берите меня, я весь ваш! Какая, в сущности, разница — умереть завтра, повиснув в петле, или загнуться через полгода в каменоломнях? — С этими словами он спиной вперед зашел за стойку и начал пятиться к двери, выставив перед собой окровавленный клинок. К его удивлению, стражники не тронулись с мест, оставшись стоять полукругом. А офицер торжествующе хмыкнул:

— Бестолочь, ты уже проиграл.

...Эмерт почти тащил на себе Веллана и Тотланта. Если бритуниец просто иногда пошатывался и хватался за стену, то маг временами терял сознание. Боссонец вполголоса ругался, скрипел зубами, но довольно быстро волок приятелей за собой. Они миновали кухню, пропитанную запахом подгорелого жира и мяса. Повара и служанки испуганно шарахались при виде взлохмаченного темноволосого человека с горящими гла-



зами и скривившимся ртом, за которого цеплялись еще двое.

— Где черный ход? — заорал Эмерт, хватая одного из подвернувшихся поварят за грудки.

Как при этом брошенные на произвол судьбы Веллан и Тотлант устояли на ногах — одному Митре известно.

— Г-г-господин, в-в-вы...

— Да перестань заикаться, ублюдок! — Эмерт зло встряхнул кухаря. — Говори!

— Вон-н т-там, направо будет к-коридор, — парень аж побелел от страха и, казалось, готов был намочить штаны.

Эмерт отшвырнул беднягу, брезгливо отрянул руки и потащил друзей в указанном направлении. Быстрее, быстрее!

Боссонец пинком распахнул дверь и тотчас получил в лицо древком копья. Из сломанного носа мгновенно хлынула кровь, Эмерт отлетел назад и вместе с магом и Велланом растянулся на полу. В следующее мгновение их уже связывали. Эмерт застонал от собственного бессилия и закусил губу, чтобы не разрыдаться, как мальчишка. Он попался в самую простейшую ловушку, он подвел друзей и оставшегося прикрывать их отход Конана...

...Эртель бежал через кухню, слыша позади голос препиравшегося со стражниками киммерийца. От запаха съестного заурчало в желудке.

«Ты что, старик, я же тебя только что набил до отказа», — укоризненно подумал вечный насмешник, хотя сейчас ему было не до шуток.



Свернув в коридор, Эртель помчался к заманчивому прямоугольнику света.

«Похоже, Эмерт отлично справился и без меня», — усмехнулся он и вылетел в переулочек, освещенный тусклым светом масляных фонарей.

Нога за что-то загнулась и неожиданно отказалась слушаться. Эртель даже не успел удивиться или крикнуть, земля стремительно понеслась навстречу и наступила тьма...

...Конан слегка удивился ухмылке стражника, но разбираться, в чем дело, совершенно не было времени.

Варвар стремительно пронесся по кухне (некоторые повара потом с апломбом утверждали, что видели демона с черными крыльями и огненным мечом в лапах) и завернул в коридор. Тусклый свет в конце убедил его, что друзья уже благополучно выбрались наружу. Однако врожденное чувство подсказывало, что с этой гостеприимно распахнутой дверью что-то не так. Варвар не стал нестись, аки бешеный бык, а, по возможности ступая неслышно, подкрался к распахнутым створкам.

Ага, на земле лежит копьё. Бегущий человек скорее всего рухнул бы с переломанными ногами (Конан потом искренне удивлялся, как не шийший во весь опор Эртель отделался только синяками на голених). Копье явно кто-то должен держать. Конан оскалился и поудобнее перехватил меч.

Стражникам, сидевшим на корточках с пресловутым копьём, не повезло. Очень не повезло.



Первый даже не успел удивиться, когда его голова отделилась от тела посредством Конановского клинка. Второй сумел вскрикнуть и даже дернуть копьё, но с тем же успехом можно было сдвигать руками гранитную глыбу. Его горло мгновенно оказалось разрублено до позвонков и он, обливаясь кровью, мешком упал назад.

— Стоять! — пронесся над переулочком дикий крик. Конан стремительно развернулся. Теперь он действительно смахивал на демона, причем на очень злого демона.

Увиденное сразу охладило его боевой пыл. Теперь до него дошел смысл слов офицера.

Левее двери трактира и ближе к выходу из переулочка стояли еще пятеро стражников. Но не это сдержало варвара. Состояние, в котором он сейчас находился, позволило бы ему броситься и на двадцать пять противников, и неизвестно, кто бы еще кого одолел...

Но четверо из пяти держали клинки у горла его друзей.

— Брось меч, варвар, — с ненавистью произнес пятый, с нашивками десятника. — Иначе твои дружки умрут.

Несколько очень долгих мгновений Конан боролся с захватывающими его волнами ярости и кровожадности. Видя его нерешительность, стражник добавил:

— Ты, конечно, нас рядом с ними положишь. Да только разве это их оживит?

Конан пробормотал нечто маловразумительное, но явно ругательное, сплюнул и с презрени-



ем бросил меч на мостовую. Клинок жалобно звякнул о булыжник.

— Давно бы так,— ухмыльнулся стражник и скомандовал: — Давай!

Киммериец почувствовал подвох, но сделать ничего не успел. На голову обрушилось что-то очень тяжелое, перед глазами мириадами звезд вспыхнуло небо, все мышцы обмякли, однако сознания варвар не потерял. Он еще успел понять, что лежит на очень твердой и холодной земле, и услышал слова:

— Ты ж ему последние мозги вышиб! Послабее нельзя было?

— Послабее?! — отозвался возмущенный голос.— Ты киммерийцев не знаешь! Я таким ударом быкам черепа дробил, а этот... Гляди, даже шевелится!

И наступила тишина.

* * *

Конан очнулся в тюремной камере. То есть поначалу он понятия не имел, что это камера. Сначала появилась боль. Жуткая головная боль. Затылок раскалывался на тысячи острых осколков при каждом движении. Конан очень желал, чтоб он, наконец, окончательно раскололся и больше не тревожил.

Варвар довольно долго лежал с закрытыми глазами и прислушивался к своим ощущениям.

Внизу было что-то мягкое, шуршащее, похожее на сено или солому. Откуда-то сверху иногда доносился частый топот кованых сапог, нераз-



борчивые отрывистые команды, хриплые вопли... Постепенно боль в затылке начала медленно утихать, пока не превратилась в тупую, ноющую, но вполне терпимую. Тогда Конан рискнул открыть глаза.

Над ним нависал каменный потолок. Сзади на лицо киммерийца падал солнечный свет. Варвар осторожно сел, затем поднялся на ноги и огляделся.

Помещение было крохотным: шагов шесть в длину и три в ширину. Дверь была глухая, деревянная, что несколько удивило Конана. Приглядевшись, он понял, что «деревяшка» едва ли не надежней обычных железных решеток. Выбить ее ногами и руками было невозможно, разве что с помощью хорошего стенобитного тарана. К сожалению, сей полезной вещи в хозяйстве Конана сейчас не было.

Маленькое зарешеченное окошко находилось на высоте в полтора человеческих роста, но кладка стен была грубая и киммерийцу не составило большого труда добраться до него. С первого взгляда стало ясно, что выломать вмурованную в камень решетку никому не под силу.

Разочарованный Конан спрыгнул на пол и скривился от боли в затылке. Подумать только, в окно даже ничего толком не видно. Унылая серая площадь, похоже, внутренний двор. Отвратно...

Конан на всякий случай простучал стены, но они оказались сделаны на совесть. Делать было нечего, убежать — пока — невозможно. Варвар



задумчиво опустил на ворох соломы, забросил руки за голову и прикрыл глаза.

И тут ему в голову пришла одна очень простая мысль.

— Болваны, законченные олухи! — заорал он и впечатал кулак в стену. — А, нергалово дерьмо, больно! Нет, ну какие же мы придурки! — он потер лоб. — Надо было не шляться по городу, а сразу отправляться к королю! Эртель ведь посол...

Мысль была весьма здравая, но, как свойственно всем здоровым мыслям, явилась после драки. «Человек крепок задним умом», — давным-давно не раз говаривал шемит Аль Браско...

Аль Браско? Так вот почему надпись на гербах наемников показалась ему смутно знакомой!

«Ничего, вот выйду отсюда, — в этом Конан ни на миг не сомневался, — и обязательно наведаюсь к старому лису в гости! Он думал скрыться в Бритунии от праведного гнева киммерийца Конана? Ха! Как же! Придется достопочтенному Аль Браско вернуть все стигийское золото! И я ему еще по шее навешаю!..»

С этой согревающей душу мыслью Конан спокойно заснул.

* * *

Киммериец храпел богатырским храпом, а тем временем к двери подошли. Тщательно замаскированное окошко открылось (оно было хорошо пригнано, и в неярком свете варвар просто не заметил щелей), потом закрылось.



Видимо, стражника с другой стороны дверного проема удовлетворило зрелище спящего заключенного. Заскрипел засов, дверь легко повернулась внутрь. В камеру вошли пятеро: палач с кандалами и котелком углей (наверное, Конана решено было заковать и куда-то перевести; может, сразу на рудники), дежурный охранник со связкой ключей, офицер с нашивками капитана и двое лучников со стрелами на тетивах.

— Разбудить, — приказал капитан, пройдясь по камере.

— Может, сначала заковать? — с почтением спросил стражник.

— Я что, сказал — «заковать»? — раздраженно переспросил офицер. — Ты что, глухой? Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Нет, господин капитан, — вытянувшись в струнку, отвечивал напуганный блюститель. — Заковывать не приказывали!

— Тогда в чем дело?

— Ни в чем, господин капитан. Иду...

Дежурному стражнику очень не хотелось подходить к лежащему на полу черноволосому великану. Знатоки, воевавшие на полуночи, рассказывали ему кучу жутких историй о варварах из Нордхейма и Киммерии. Кроме того, он видел трупы Веннела и Теккена...

— Эй, вставай! — довольно нерешительно приказал дежурный, для верности легонько пнув спящего по ребрам. На Конана, обычно очень чуткого во сне, это не произвело никакого впечатления.



— Пни посильнее,— распорядился капитан, скучающе поглядывая на стену.

Стражник помялся, а потом, махнув рукой, с размаху впечатал сапог в бок киммерийца.

Того, что произошло, не мог предвидеть никто. Жуткий рев варвара заставил содрогнуться стены камеры.

Все застыли с открытыми ртами.

Огромная лапа сцапала лодыжку дежурного. Парень еще успел жалобно пискнуть, а потом киммериец, вскочив на ноги, швырнул его в капитана.

Стражник сбил офицера, и они вместе упали на не успевших отскочить лучников, образовав мешанину из дергающихся конечностей. Стоявший в стороне палач опомнился и попытался ударить Конана цепями, которые он все еще держал в руках.

Результат сего необдуманного действия не заставил себя ждать. Взбесившийся Конан, не замечая текущей из рассеченного лба крови, схватил палача за грудь и за ногу, и, раскрутив над головой, отправил в полет. Палач ударился о дверь и с характерным хрустом съехал на пол.

Злость у Конана сразу прошла, и он, быстро оглядевшись, увидел валявшуюся на полу связку ключей. Это шанс. Подхватив ключи, варвар выскочил в коридор, заметив попутно, что палач сломал себе шею, врезавшись в створку. Впрочем, туда ему и дорога.

Притворить дверь и запереть на засов — быстрое дело. Конану неудержимо хотелось запеть



что-нибудь боевое. Смыться, когда побег был просто невозможен! Осталось разыскать друзей, выбраться из тюрьмы и идти просить аудиенции у короля.

Конан полюбовался на запертую дверь камеры и повернулся, чтобы осмотреть сначала коридор справа.

Хриплый боевой клич оглушил варвара, а в следующий миг огромный кулак снизу впечатался в подбородок киммерийца.

Конан взмыл вверх и, описав довольно изящную дугу, с громким хрустом обрушился спиной на каменный пол.

Обычный человек умер бы сразу, сломав себе сначала шею, а потом позвоночник. Киммериец же задохнулся, перед глазами поплыла какая-то цветная муть, а тело не подчинялось.

Затем неяркий свет факелов заслонила чья-то тень. Конану показалось, что это демон — огромный, со сверкающей головой и черный, словно ночь...

Он с глухим урчанием наклонился к варвару и схватил левой лапой за ворот его куртки.

Толстая выделанная кожа угрожающе затрещала. Жуткая рожа приблизилась к лицу киммерийца, растянула толстые губы в злорадной улыбке.

В нос Конану ударила невероятная вонь гниющих зубов. Как ни странно, ужасный запах помог варвару справиться с легкими и наконец-то вздохнуть. Однако тело ему по-прежнему не подчинялось.



Огромный как бочка кулак взлетел над головой Конана.

Киммериец взмолился Кромю, но зря. Кулак, словно молот, обрушился на его голову.

И наступила тьма. Без звезд и звуков.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой Конан видит сны
и знакомится с людоедом



н сидел на высоком троне в огромном зале с черными колоннами, заполненном множеством людей. Варвар осторожно пошевелил головой и огляделся по сторонам. Камень стен покрывали тканые золотом гобелены с изображением вставших на дыбы коронованных львов. Виски сжимал тяжелый обруч.

«Я что, король?» — отстраненно подумал Конан.

Мягкая полутьма скрывала размеры зала и лица собравшихся в нем людей. До киммерийца, судорожно впившегося в каменные подлокотники кресла, доносился слитный шум многих голосов. Присутствующие что-то оживленно обсуждали, но, как Конан не старался, он не разобрал ни единого внятного слова. Справа и слева от трона горели, испуская приятное тепло, бронзовые жаровни на высоких подставках. Какой-то частью сознания Конан понимал, что все это — видение, а на самом же деле (и он точно знал это!) его



тело валялось сейчас на каменном полу пайрогической тюрьмы.

«Может, я умер? Тот чернокожий вполне мог расплющить мою голову, как гнилую тыкву, не особенно утруждаясь... Нет, — одернул себя Конан, хмуря брови. — Если бы я умер, то попал бы к моему отцу, к Крому, богу могильных курганов, и пировал бы в его чертогах... Значит, это просто сон. Однако какой-то слишком реальный сон...»

Конан повернулся вправо, протянул руки к жаровне. Мягкое тепло прошло сквозь пальцы, заставляя кровь быстрее струиться по жилам.

Громкий приказ: «Смотри!» заставил киммерийца резко повернуться. Из полутьмы к трону шла... Белит! Королева пиратов, грациозно покачивая крепкими бедрами, миновала трон и, улыбнувшись напоследок ошеломленному Конану, растворилась во тьме...

Не успел Конан опомниться, как следом за шемиткой перед ним возникла Валерия, а за ней — все женщины, которых он когда-либо любил.

Амазонка Сфендра — все тот же, казалось бы, безразличный взгляд... Семирамис — шадизарская шлюха. На нее в молодые годы уходили все наворованные деньги. Элаши — девушка из племени кезанкийских горцев...

Карела... Карела? Карела!!! Значит, и Рыжего Ястреба настигла смерть. Кто-то говорил ему об этом, но тогда он не поверил. Конан почему-то был твердо уверен, что все проходившие мимо него женщины были мертвы. Карела тряхнула



густой копной темно-рыжих волос, ухмыльнулась расстроенному киммерийцу и прошептала так, чтобы он слышал:

— Мы еще встретимся. Тогда ты мне за все ответишь, бабник...

Пообещав это, она скрылась вслед за остальными. Конан проводил ее печальным взглядом, а когда повернул голову, увидел Селену. Девушка из рода оборотней направилась прямоком к трону.

— Привет, Конан, — невозмутимо сказала она, присаживаясь на подлокотник.

— Привет, Селена. Как дела? — ничего лучше варвар придумать не смог.

— Неплохо, — девушка скривила губы. — Я не попала в преисподнюю, что, конечно, хорошо, но и здесь, в жилище бесплотных теней, делать тоже особо нечего...

— Не стоило жертвовать своей жизнью ради меня... — неуверенно начал Конан.

— Помолчи, а? — попросила Селена и добавила: — Ты бы сделал для меня то же самое.

Конан с некоторым стыдом подумал, что вряд ли сунулся бы под смертельный луч ради женщины. Он же не странствующий благодетель, в самом деле!

Решив уйти от скользкой темы, он спросил:

— Я что, умер? Кто эти люди? И что это за зал? И, в конце концов, что у меня на голове?

Селена рассмеялась — чисто и легко.

— Скажу тебе по секрету — умрешь ты еще не скоро, если, конечно, не совершишь какую-



нибудь глупость. А так Кром тебя хранит, чего за ним никогда раньше не замечалось... Это, — она обвела полутемное помещение рукой, — тронный зал королевского дворца в Тарантии, а на голове у тебя — корона Аквилонии. Довольно красивая, надо сказать. Скоро ты станешь королем, дорогой, так что привыкай.

Конан недоверчиво усмехнулся:

— Мне уже столько раз предсказывали... Я даже желание однажды гномскому волшебному горшку загадал, только забыл сказать — когда именно хочу оказаться на троне. В общем, не верится как-то.

Селена скорчила гримаску:

— Вот ведь дикарь неверующий... Ну ладно, время пройдет, сам увидишь, что я была права. — Она встала, чтобы уйти. — Прощай, киммериец. На этот раз — навсегда.

— Подожди, — Конан удержал ее. — Ты не ответила — кто эти люди?

— Они? — Селена махнула куда-то в направлении окутанного тьмой зала. — Это души жестоко убиенных тобой, мой дорогой, людей. И твои павшие друзья. Не спеши огорчаться — кое-кто из них еще не скоро угодит к Нергалу. И еще одно... — Она замялась, но все же твердо сказала: — Конан, заверши начатое. Это моя последняя просьба и ты должен ее выполнить.

Она спустилась по ступенькам и, не оглядываясь, ушла в темноту.

Конан сидел и тер рукой вспотевший лоб, натываясь на жесткий ободок короны. Разум тонул



в океане воспоминаний, захлебывался мутной черной водой...

Голоса в зале стихли, а затем вспыхнули укрепленные на стенах факелы, заливая огромное помещение колеблющимся призрачным светом.

Конан изо всех сил пытался сдерживаться, но даже его силы воли не хватило и громкий крик ужаса рванулся из судорожно сжатых легких, прокатившись под сводами зала, заставив колыхнуться неподвижное пламя светильников и многократно отразившись от стен и потолка. По рядам мертвецов прошелестело отвратительное тихое хихиканье.

Нормальный человек от такого зрелища наверняка спятил бы. Перед Конаном выстроились все те, кого он убил, начиная с времен штурма Венариума. Жуть крылась еще и в том, что мертвецов покрывали раны, которые им нанес киммериец.

В первых рядах, в некотором отдалении от остальных, стояли его друзья. Вон Ордо Одноглазый, вон кушит Юма... Тут и Регарат, и Хальмун, и Вальсо, и братья-гандеры. Но как здесь оказался Эрхард, он-то вроде вполне живой? И... Да, это не кто иной, как Мораддин. Только что за черная тень с ярко-желтыми огоньками глаз держится рядом с ним?

— Ты обещал пригласить меня на коронацию, — вкрадчиво проговорил полузабытый звонкий девичий голосок. — Так не забудь о своем обещании. Впрочем, мы все равно скоро увидимся. Даже раньше, чем ты думаешь. Правда, Дин?



Морадин молча кивнул. Живой ли, мертвый — он всегда не был склонен к долгим разговорам.

За немногочисленным отрядом друзей Конана стояли те, кто достойно бился с киммерийцем, настоящие воины — Ольгерд Владислав, Бомбата, Деррек-оборотень и многие другие, чьих имен варвар как-то сразу и не припомнил. За шеренгой воителей выстроились колдуны, злобно сверкающие выпученными глазами.

Кром, за что такое наказание — снова видеть эти гнусные рожи... Совартус, Аманар, колдун-мутари, чье прозвище затерялось в памяти, как и имена остальных. За колдунами толпилась сошка помельче: стражники, бандиты, воры, солдаты, кметы и разные людишки, которым в разные времена не повезло и они очутились на пути Конана. Толпа, как навскидку определил варвар, насчитывала никак не менее трех тысяч. Кром, с содроганием подумал Конан, не дай мне еще раз испытать такое!

От увиденного у киммерийца не то чтобы начались муки совести. Просто было неприятно, когда на тебя таращатся изрубленные тобой же мертвецы, да еще в таком количестве. Конан решил впредь чуть-чуть думать, прежде чем начинать размахивать мечом направо и налево. Кажется, ему уже не раз советовали что-то подобное, но он редко прислушивался к советам.

— Пропустите, пропустите! — раздался знакомый голос и откуда-то сзади к трону протолкался белообрый бритуниец-оборотень, которого



Конан знал под именем Веллан. Его что, до смерти запытали? Жаль, если так...

— Здорово, варвар, — Веллан наконец-то выбрался на площадку перед тронем и с искренним изумлением оглядел представшее перед ним зрелище. — Хорошо смотришься... Ну как, удобно?

— Не очень, — ухмыльнулся киммериец. — Ты откуда взялся?

— Да меня тут как бы и нет, — Веллан уселся на верхнюю ступеньку трона. — Я всего лишь призрак, порождение твоего воспаленного мозга... На самом деле я, как, впрочем, и ты, подвешен на цепях в камере пыток пайрогийской тюрьмы. Меня послали сказать тебе два слова, нет, даже три: «В королевской свите». Что это значит, догадывайся сам. В твоей миссии тебе помогут молодой и рыжий. Действуй, во имя Крома! Кстати, пора бы тебе очухаться.

Веллан хмыкнул и шелкнул пальцами. В тот же миг все факелы погасли, словно задутые порывом ветра. Трон исчез из-под Конана, он завертелся, закружился, падая куда-то... Из тьмы возникло лицо Карелы.

— Просыпайся! Эй, да очнись же! — повелительно крикнула она и опрокинула на Конана ведро ледяной воды. Киммериец зафыркал, мотнул головой и... проснулся. В первые мгновения он еще не понимал, где находится.

— Карела... Ты же умерла... — вырвалось из его пересохшего горла.

— И у тебя, варвар, есть все шансы последовать за этой особой, кто бы она ни была, — слов-



но меч, вонзился в сознание насмешливый молодой голос.

Вот тут на Конана и нахлынули все ощущения реального мира. Все тело, как оказалось, затекло и болело. Позвоночник и шея ныли тупой болью. Стоило слегка пошевелить головой, как накатывала тошнота. В горле было сухо, как в пустынях Шема...

Киммериец с трудом разлепил глаза, мечтая о глотке хорошо охлажденного вина, и поднял голову, стараясь удерживать ее прямо.

Увиденное наводило на нехорошие размышления. Оказывается, пока он видел непонятные сны и болтал с тенями, его за руки и за ноги приковали к каменной стене средних размеров комнаты.

Напротив горел большой очаг, в его пламени нагревались различного и довольно непривлекательного вида крючья и щипцы. Все остальное пространство камеры занимали предметы, чье предназначение угадывалось с первого взгляда. Левее пасти камина торчала задвинутая в угол деревянная и изрядно потертая дыба. Рядом с ней стоял низкий стол с двумя воротами, как в колодцах — «растяжка».

Конан как-то испробовал действие сего оружия на себе и решил, что ничего хорошего оно не представляет. Ему еще повезло, а многие после пребывания на таком столике не могли ходить и шевелить руками...

Справа от камина обнаружилось большое деревянное колесо с блестящими рукоятками и



«железная дева» — саркофаг, утыканный изнутри длинными и чрезвычайно острыми шипами. Обстановку дополняли развешанные по стенам плети, ножи с причудливо изогнутыми лезвиями, железные перчатки, ошейники и маски, которые сперва раскаляли в пламени, а затем водружали на надлежащую часть тела допрашиваемого, сжимающаяся корзина из стальных прутьев и другие принадлежности древнего палаческого ремесла.

Помимо этих непривлекательных вещей, в комнате находилось шесть человек. Злополучный офицер в измятой куртке с полуторванным воротом и распухшим носом — видимо, ему досталось в общей свалке, два тех же лучника, выглядевших изрядно помятыми и пришибленными, а также огромный чернокожий — по-видимому, палач — и двое его подручных.

«Евнухи,— ухмыльнулся про себя Конан, покосившись на заплывшие жиром и ничего не выражающие лица помощников.— А вот черный — вряд ли... Ну и жуткая же у него рожа... А кулаки! Если выберемся, надо будет уговорить Эмерта подстеречь этого ублюдка и пристрелить. Он нас пятерых уложит рядом и сверху сядет...»

Не то, чтобы Конан испугался, но было бы в высшей степени глупо недооценивать противника. Этому полезному правилу он выучился на собственной шкуре и теперь никогда не забывал его.

— Как самочувствие, варвар? — заботливо поинтересовался офицер стражи.— Ничего не болит?



Огромный чернокожий расхохотался громовым басом, и Конан увидел его подпиленные острые зубы.

Дарфарец... Только этого еще не хватало!

Жители далекой полуденной страны Дарфар были известны своей любовью к человеческому мясу, а потому пользовались заслуженной ненавистью всех окрестных племен. В Шеме и Стигии ими пугали детей. Жестокость дарфарцев не знала границ, а потому иные вельможи охотно брали их в палачи.

Любой подозреваемый, угодивший в лапы дарфарца, спешил признаться во всех совершенных и несовершенных преступлениях, дабы поскорее умереть.

«Влип», — с грустью подумал Конан и прикинул, в чем бы сознаться для начала. Сознаться вроде было не в чем, а потому он решил завести беседу.

— Эй, чернозадый! Меня зовут Конан из Киммерии и я... фелим енди мерига, — с вызовом сообщил Конан и закашлялся. Последние слова были единственным известным ему дарфарским ругательством и в приблизительном переводе означали «имел твою мать».

Дарфарец насупился и быстро пролаял в ответ не менее доброе пожелание. Конан его понял и разозлился — чернокожий нахально заявлял, что на небе Кром прислуживает Йогу, а на земле он, Мбванга, вырвет сердце щенку Крома и съест перед холодеющим взором этого самого «щенка».



— Посмотрим еще, кто чьим сердцем будет закусывать, — мрачно пробормотал Конан, пробуя кандалы на прочность, и погромче потребовал: — Эй, олухи, дайте глоток воды! Вот загнусь сейчас, вам же и отвечать.

— И не надейся, варвар, — потирая руки, ехидно сказал офицер. — Да ты тут сгниешь и о тебе ни одна живая душа не вспомнит. Ты же убил четырех человек!

Конан вспомнил толпу мертвецов из сна и, несмотря на боль в горле, расхохотался.

— Чего ржешь? — недоуменно спросил офицер, осторожно притрагиваясь к распухшему носу.

За варвара ответил дарфарец:

— Капитан, ты наивен как ребенок. Человек перед тобой — воин, причем воин не из последних. В этой комнате с ним могу справиться только я, а вас он голыми руками разорвет и даже не заметит. За свою жизнь он наверняка уложил в холодную землю не меньше тридцати-сорока сотен, а ты ему толкуешь про каких-то четырех... — Дарфарец выразительно постучал толстым пальцем себе по лбу. — Мозги-то у тебя есть, добрый господин?

— Слушай, черная обезьяна, ты забываешься! — капитан рассердился не на шутку. — Стоит мне хоть слово шепнуть кое-кому — и ты быстренько окажешься на месте варвара, а я уж позабочусь, чтобы умирал ты долго...

— Лучше ты меня послушай, белый, — с угрозой начал дарфарец, нависая над капитаном, как



скала.— Я могу сломать твою цыплячью шейку одним ударом, не помогут и лучники. А потом свалю все на варвара и твою беспечность. Не эли меня, слизняк.

— Так его, крысу тюремную! — хрипло подержал чернокожего Конан.— Пусти ему кровь, съешь его сердце!

— Лучше я съем твое, тогда у меня прибавится силы и умения, а от его куриного сердечка я еще, чего доброго, стану трусом, — ответил ему дарфарец, возвращаясь на свое место.

— Ты еще поплатишься,— прошипел офицер, слегка подрагивающей рукой утирая пот. — Начинайте, — приказал он уже прежним властным тоном.

Евнухи сразу засуетились.

Один бросился к очагу — проверять инструменты, другой пару раз крутанул заскрипевшее колесо и снял со стены длинный семихвостный кнут из кожи гиппопотама, с зашитыми по всей длине железными шариками, и опустил его в бочку.

«А там наверняка соленая вода...» — Конан внутренне поежился, сохраняя полное безразличие ко всему, происходившему вокруг.

— Эй, капитан! — прогудел дарфарец.— Слушай, а тебе не кажется, что варвара для начала стоит просто спросить о чем-нибудь? Чего мы его будем зря лупить, может, он и так все расскажет...

Капитан с ненавистью посмотрел на палача, потом скривился и процедил:



— Так он тебе все и выложит. Но я попробую. Дарфарец радостно оскалился и сложил руки на груди. Офицер подошел поближе к Конану и резко спросил:

— Признаешься?

— В чем именно? — уточнил киммериец.

— В убийстве двух стражников, служителя тюрьмы и мирного обывателя Пайрогии,— ледяным тоном перечислил капитан.

— Конечно! — с готовностью согласился Конан.— Бандиту, которого ты именуешь «мирным жителем», я расколол череп, одному стражнику снес голову, второму разрубил горло, а что до этого служителя тюрьмы — так я его просто толкнул, а он врезался в стену и умудрился сломать себе шею...

— А зачем ты это сделал? — задал следующий вопрос капитан и, повернувшись, бросил через плечо: — Писарь, записывай все, что он скажет!

Конан напряг глаза, которые после удара Мбванги стали несколько хуже видеть, и разглядел у самой двери, рядом с «растяжкой», маленький столик, за которым с пером в руке сидел похожий на крысу тщедушный человечек, со страхом созерцавший то Мбвангу, то Конана. Видимо, не мог решить, кого стоит больше бояться — преступника-варвара или палач из племени людоедов.

— Ты будешь говорить или мы начнем? — нетерпеливо осведомился офицер.

— Я думаю, как правильное ответить,— огрызнулся Конан.— Значит, так. Бандит сам полез в



драку и получил, что заслуживал. Стражникам не стоило устраивать засаду. А палач ударил меня цепями по лицу. Кроме того, у него шея была слабая — я же кинул его не сильно...

Признания Конана перебил громкий смех дарфарца.

— Шея слабая, — веселился Мбванга. — Шуточки у тебя, варвар...

— От варвара слышу, — с достоинством парировал Конан.

Офицер злобно покосился на чернокожего и продолжил:

— За убийство четырех человек ты предстанешь перед королевским судом. Думаю, тебя или четвертуют, или сожгут живьем. Но это мелочи. Есть более серьезный вопрос — что тебе вообще понадобилось в Пайрогии?

Конан хотел как следует шлепнуть себя по лбу, но длина цепей не позволяла.

— Ну я дурак... — протянул он. — Это ты, людоед поганый, мне память отшиб!

— То, что ты дурак — совершенно верно, — согласился капитан. — Но отвечай по существу, пока тебе не надели «зингарские сапоги» или не вздернули на дыбу.

«Зингарские сапоги» — это очень плохо, — подумал Конан. — После них ходить уж точно не будешь, и даже ползать — с трудом получается...

— Мы, то есть я, Эртель, Веллан, Тотлант и Эмерт, — начал киммериец, — посольство короля Пограничья Эрхарда. Собственно, посол — Эр-



тель, племянник короля, а мы его свита. Все верительные грамоты у него...

— Ну ты и врать, — рассмеялся капитан. — Две седмицы назад к нам приехал посол от короля Пограничного королевства, Хьярелла. Его зовут Эндоло.

— Не может быть, — не поверил Конан. — Как это Эндоло успел так быстро подняться от простого воина до посла?

— Ты его знаешь? — подозрительно спросил офицер.

— Еще бы не знать! — возмутился киммериец. — Полторы луны назад мы с ним караван охраняли!

— Ну, это ваши дела, — отмахнулся капитан. — Однако сейчас посол именно он. И, хотя Пограничье — не более чем выгребная яма, куда стекаются все человеческие отбросы, я не поверю, что король там меняется каждый месяц!

— Придется поверить, — раздался чей-то глубокий властный голос. Все, как по команде, повернули головы к двери. — А также немедленно объяснить мне, что здесь происходит, — голос был настолько холоден, что казалось — сейчас на полке камеры появятся сосульки.

Дарафарец мгновенно согнулся в поясном поклоне, подобострастно бормоча:

— Советник Вегель...

Капитан заметно побледнел и тоже отвесил короткий быстрый поклон.

Конан повернул голову и увидел невысокого полуседого мужчину в ухоженными усами и бо-



родой, в красивом, ладно сидящем охотничьем кафтане темно-зеленого цвета, и в алом плаще, скрепленном у горла золотой застежкой в виде скачущего коня.

Взгляд больших, навывкате, карих глаз из-под густых, сросшихся на переносице бровей не сулил изрядно стухнувшим тюремщикам ничего хорошего.

— Так что здесь происходит? — с угрозой в голосе повторил Вегель и быстрыми шагами подошел к прикованному Конану.

Карие глаза встретились с льдисто-голубыми, две непокорных и независимых характера схлестнулись в незаметной посторонним схватке. Наконец, тяжелые веки с длинными ресницами слегка прикрыли карие глаза и советник Вегель слегка кивнул Конану.

Киммерийцу не понравился стоявший перед ним человек. Однако он уважал обладателей сильной воли, а потому тоже наклонил голову в знак приветствия.

Капитан стражи молча наблюдал за ними, переводя растерянный взгляд с одного на другого, на его бледном лбу выступили капли пота, и, наконец, он не выдержал:

— Что случилось, господин советник? Может, вы соизволите нам объяснить?

Вегель медленно повернул голову и смерил капитана презрительным взглядом:

— Ты не забыл, с кем разговариваешь? У тебя есть прекрасная возможность оказаться на его месте, — он кивнул в сторону варвара. — Так я в



последний раз повторю — что здесь такое творится?

Капитан зло прищурился, сжимая и разжимая пальцы. Конан ему немного посочувствовал: сначала дарфарец, а потом советник вытерли об офицера ноги. Однако капитан сумел взять себя в руки и ответить с надлежащим почтением в голове:

— Этот человек убил четверых жителей Пайрогии.

Вегель перебил его, цедя слова:

— Я слышал, он упомянул посольство Пограничья...

— Разве можно верить каждому проходимцу! — возмутился капитан. — Тем более, посол Эндо-ло проживает во дворце!

— Ты глупец, — отрезал советник. — Из Пограничья приехал мой человек и привез последние новости. Там, действительно, сменился король. Нового правителя зовут Эрхард, и он отправил в Бритунию посольство из пяти человек — своего племянника, бритунийца и боссонца из тамошней гвардии, стигийского мага и наемника из Киммерии, Нергал бы тебя побрал! — неожиданно заорал Вегель, схватив ошарашенного такими известиями капитана за шиворот и встряхивая его.

— Да, Пограничье — всего лишь захолустная дыра, — продолжил он более спокойным тоном, отпустив офицера. — Но никто не позволит бросать послов в тюрьму, а тем более — пытаться их. Бритунии не нужны конфликты на границе... А



если о подобном случае узнают в Немедии или Заморе? Иногда нужно думать тем горшком, что у тебя на плечах! Повесить тебя, что ли?

Капитан непроизвольно дернулся, его рука сжала рукоять меча.

Дарфарец Мбванга усмехнулся, показав подпильные зубы.

— Ладно, живи, — краем губ улыбнулся советник. — Освободите задержанного. Кстати, где остальные четверо?

— В подземелье, ждут своей очереди, — пробасил Мбванга.

— Ступай и приведи их сюда, — распорядился Вегель, и дарфарец, поклонившись, скрылся за дверью.

Евнухи, засуетившись, бросились к Конану и после некоторой возни отомкнули кандалы. Киммериец, растирая запястья, шагнул вперед и чуть не упал от внезапно нахлынувшего головокружения. Прижав правую ладонь ко лбу, варвар добрал до растяжного стола и облокотился на него. Проклятый дарфарец, с головой теперь неизвестно что творится!

Постепенно головокружение и слабость прошли, и, когда Мбванга вернулся с остальными, киммериец уже твердо стоял на ногах и искал глазами, чего бы попить, потому что в горле было по-прежнему сухо.

Первым в камеру пыток вошел Веллан. При виде живого-здорового Конана его глаза заблестели, но, верный своей привычке, он повернулся и разочарованно бросил Эртелю:



— Смотри, Эрт, а варвар-то еще жив!

— Да-да, — поддержал насмешник. — Зря мы надеялись. Я ведь говорил — они, эти варвары, живучие... как тараканы.

— Рад вас видеть живыми, парни, — улыбнулся Конан. Он уже научился пропускать подначки мимо ушей.

— Взаимно, — ответил за всех Тотлант, а Веллан и Эртель ухмыльнулись. Эмерт, как обычно, сохранял невозмутимость, но было видно, что и он рад встрече.

Вегель хлопнул в ладоши, привлекая внимание:

— От имени Его величества, я прошу у господина посла и его свиты извинения за причиненные неудобства, в частности, за незаконное тюремное заключение. Король примет ваши верительные грамоты сегодня перед ужином, а сейчас прошу всех проследовать за мной в специально отведенные для вас комнаты для отдыха и омовения.

Вегель повернулся и вышел в коридор, остальные гуськом потянулись за ним.

Напоследок Мбванга ослепительно улыбнулся и окликнул Конана:

— Киммериец, постарайся больше не попадаться мне на глаза. Второй раз ты можешь и не уйти живым.

Конан остановился и тоже ухмыльнулся в ответ:

— Это еще неизвестно, кто уйдет сам, а кого унесут.



Дарфарец поднял руки ладонями к Конану, а затем резко соединил их крест-накрест. Варвар после мгновенного замешательства сделал то же самое.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Конана изгоняют из Пайрогии



осланцев короля Пограничья привели в комнату на первом этаже дворца. Посредине в полу был устроен отделанный желтым мрамором бассейн. Пол был завален пушистыми разноцветными коврами из Иранистана и Вендии, чей ворс приятно щекотал ступни.

Вокруг бассейна стояли широкие серебряные вазы с необычными для Бритунии фруктами. Чуть дальше, ближе к стенам, находились низкие диваны с узорчатыми подушками.

Перед бассейном выстроились в ряд улыбающиеся девушки, прикрытые лишь чисто символическими отрезами полупрозрачной шелковой ткани.

Увидев это зрелище, Конан довольно ухмыльнулся — отдохнуть, похоже, удастся на славу.

...В тронном зале было почти пусто. Кроме собственно восседавшего на троне Эльдарана да стоявших по трое с каждой стороны советников — более никого.



При более внимательном рассмотрении Конан понял, что Эльдаран все же здорово состарился. Взгляд у короля был пустой и какой-то блуждающий, не останавливающийся надолго ни на каком предмете, голова слегка подрагивала.

«Скоро и в могилу пора, Твое величество», — саркастически подумал Конан.

Тем временем все пятеро подошли к трону на определяемое этикетом расстояние, и Эртель, как посол, развернул длинный свиток и выступил вперед.

— «Эльдарану, властителю Бритунии, от Эрхарда, короля Пограничного королевства, — начал читать он. — Дорогой собрат, приношу тебе самые искренние заверения в нашей преданной дружбе...»

Дальше пошла такая высокопарная чушь, что Конан перестал слушать, отметив про себя, что надо будет сказать Эрхарду, чтобы больше не выражался таким вычурным слогом. От скуки киммериец начал разглядывать советников.

Справа от короля стоял, скрестив руки на груди, уже известный варвару Вегель.

«Похоже, он здесь действительно важная птица», — решил киммериец.

Рядом с Вегелем находился высокий могучий бритуниец с коротко обрезанными волосами и аккуратной бородкой. На нем была мелко плетенная кольчуга, а справа у бедра висел огромный меч. Заметив, что Конан смотрит на него, мужчина прищурился и зло посмотрел варвару в глаза. Конан неторопливо отвернулся. Взгляд у



незнакомое воина был тяжелый и недоброжелательный.

Третьим с правой стороны был пухленький маленький старичок с посохом и гербом купеческой гильдии на толстой золотой цепи. Варвар бросил на него один быстрый взгляд и, не заметив ничего интересного, глянул влево.

Здесь же, в нескольких шагах от короля, стоял Альбиорикс, комендант Пайрогии и начальник дворцовой гвардейской стражи. Он был великолепен в своих парадных доспехах с золотой насечкой. Встретившись глазами с варваром, капитан гвардии заметно вздрогнул и испуганно отвел взгляд.

Киммериец не понял, что могло послужить этому причиной, но тут в его голове огненными буквами вспыхнуло: «В королевской свите...» Так вот что имел в виду Веллан в том сне! Оборотни в королевской свите! Так-так. Похоже, Альбиорикс отлично знает, кто такой Конан и его спутники, и зачем они на самом деле явились сюда. Хотя слава о бесстрашных победителях оборотней в Пограничье неслась вперед них, так что неудивительно, что в Пайрогии уже многие знают, кто к ним пожаловал.

«Только чего он так дергается, он же прекрасно знает, что я не подозреваю, что он — оборотень», — подумал Конан. — То есть он не знал, что я знаю. Но поскольку сейчас он своим дерганьем выдал себя, я теперь знаю. Тьфу, сам запутался... Но Альбиорикс наверняка не Главный, которого мы ищем. Тот воитель справа или Вегель



— возможно, но только не этот задохлик. Хотя какой тогда смысл Вегелю отпускать нас на свободу? Можно было легко передавить нас всех в камерах, Мбванга бы без труда справился. После его двух ударов у меня до сих пор спина и голова побаливают... Ладно, отложим пока сомнения и раздумья.»

Рядом с Альбиориксом стоял затянутый во все черное мужчина с черными усами и бородой. Конан решил, что это здешний канцлер. Замыкал тройку слева среднего роста пожилой человек в простой, но красивой одежде. Почувствовав на себе взгляд, старичок оторвался от созерцания мозаичного пола и в упор посмотрел на Конана. Варвар не смог выдержать колючий взгляд хитрых зеленых глаз и опустил голову. Прислушавшись, он понял, что Эртель как раз дочитывает официальное приветствие:

— «...И надеюсь когда-нибудь лично посетить Бритунию. Король Пограничного королевства Эрхард, сын Этельвульфа.»

Эртель закончил чтение, тихонько откашлялся, свернул свиток и вопросительно покосился на Вегеля. Советник чуть наклонил голову и протянул правую руку.

Эртель, сообразив, что ему нужно делать, подошел к нему и с поклоном отдал грамоты. Вегель взял свитки и передал Эльдарану. Король скукаяще посмотрел на свернутые пергаментные листы и небрежно уронил рядом с собой. В наступившей тишине заскрипел его старческий голос:



— Мы благодарим посла, а через него и нашего брата Эрхарда, за оказанное нам уважение. В ответ выражаем ему нашу признательность и надежду на мир и выгодные торговые отношения между двумя нашими государствами. Однако требуется разрешить вопрос с послом Эндоло.

Вегель хлопнул в ладоши. Двери сзади открылись, и в зал, почтительно кланяясь, вошел дворцовый распорядитель.

— Пригласи Эндоло из Пограничья,— сказал король, вяло взмахнув рукой и опередив раскрывшего рот Вегеля.

Распорядитель, снова поклонившись, вышел, а через несколько мгновений в зал быстрыми шагами вошел тот самый Эндоло — один из охранников злополучного каравана. За прошедшее время немедиец отрастил усы и бородку, да и одеваться стал не в пример лучше. Из всей компании он знал только Конана и без особого удивления кивнул ему.

— Ты знаешь, господин посол, но у вас в стране, увы-увы, опять произошел переворот,— с некоторым ехидством в голосе сообщил Вегель.— Король, которого ты представлял, оказался оборотнем, и его лишили жизни. Правда, как мне сообщил верный человек, Его величество Хьяррела нашли сжимающим рукоять кинжала, торчавшего из его собственной груди.

Конана, принимавшего непосредственное участие во всех этих событиях, разобрал смех. Да и не только его. Эртель и Веллан с трудом сдерживались, даже обычно сумрачный Эмерт по-



светлеет. Один Тотлант оставался невозмутим, как мумия из пирамид его далекой родины.

— Понятно... — протянул слегка разочарованный Эндоло. — Сменился король, сменяется и посол, верно?

— Да, мой друг, — прохрипел Эртель, которому неудержимо хотелось выскочить в коридор и заржать во все горло. — Теперь послом буду я, а ты можешь отправляться на родину.

— Понятно, — повторил Эндоло. — Ну что ж... — Он вздохнул. — Думаю, нам еще стоит обговорить кое-какие здешние дела...

— Само собой, — согласился Эртель. — Завтра утром ты мне все расскажешь.

Эндоло поклонился:

— Я могу идти?

Эльдаран слабо махнул рукой. Немедиец повернулся и вышел также быстро, как и вошел. Король посмотрел на Эртеля, потом на Веллана, особенно долго и пристально он вглядывался в стигийца, но смутить мага ему не удалось. Киммерийца король вспомнил не сразу.

— Варвар? — наконец неуверенно произнес он. — Наши пути никогда не пересекались?

Конан недолюбливал обращение «варвар» и слегка обиделся. Однако все же ответил:

— Было дело. Я еще вас, Ваше величество, от смерти спас и за дочку вашу отмстил. Вернее, мы — я и Кейлаш.

Король чуть улыбнулся.

— Теперь я вспомнил. Тебя, кажется, зовут Конан?



— К вашим услугам, Ваше величество. — Конан вспомнил дворцовые порядки и слегка поклонился. «А у старика, оказывается, еще неплохая память», — польщенно подумал он.

Король улыбнулся чуть шире и немного искреннее. Он поднял глаза к потолку и мечтательно прошептал:

— Был когда-то и я молодым... О, моя Эльспет...

Когда-то давным-давно, почти двадцать лет назад, Конана, тогда еще совсем молодого и имевшего весьма смутное представление о нравах цивилизованных городов, решили сделать козлом отпущения, подсунув ему браслет принесенной в жертву принцессы Эльспет — дочери короля Эльдара. Но когда варвара пришли, так сказать, брать с поличным, то есть с браслетом, киммериец показал все, на что он был способен, раскидал стражников и сбежал. К своей подружке-танцовщице.

В драке ему изрядно досталось, и девушке пришлось позвать знакомого священника из храма Митры, разбиравшегося в искусстве врачевания. Перевязав раны варвара, лекарь, естественно, поинтересовался, по какому поводу была драка и кто сумел так хорошо обработать подобного громилу. Конан (в его оправдание можно только повторить, что он был молод и частенько доверял не тем, кому нужно) выложил всю историю с подкинутым сокровищем, а в доказательство предъявил и сам браслет. Священник схватил вещь своими сухими лапками и вдруг заорал,



как полоумный, бегая по комнате с выпученными глазами:

— Зло! Зло! Зло!

Конан уже подыскивал что-нибудь тяжелое, дабы треснуть священника по черепу и заставить остановиться, но старик прекратил орать, зато начал вещать непонятными варвару словами.

Киммериец и его подружка согласно поддакивали и кивали, а затем потихоньку выставили внезапно спятившего старика за дверь. После чего Конан отправился к королевскому дворцу — поджидать заморийца, подсунувшего ему злопучный браслет. Воришка наверняка должен был явиться за наградой.

Если уж не везет — то не везет во всем.

У дворца Конан напоролся на стражу, которая после долгих мытарств загнала беднягу-варвара в сточные трубы. Там он храбро расправился с местным зубастым-клыкастым обитателем помоек и даже нашел способ выбраться наверх. Однако какой-то не вовремя подвернувшийся садовник своей лопатой отправил киммерийца в страну бога снов Дагота.

Очнулся Конан, как обычно, за решеткой.

Однако история и не подумала на этом закончиться. Конану удалось оправдаться и даже выбраться из тюрьмы, попутно уничтожив почти всех настоящих виновников гибели принцессы Эльспет. Как водится, предводитель злобной шайки (вернее, предводительница — жрица-мутари) ускользнул, направившись через горы в пустыни полуночного Турана.



Конан, которого неизвестно почему потянуло на благородные поступки, вместе с Кейлашем отправился за ней, с пафосом провозгласив: «Зло должно быть наказано!»

Сколько раз потом Конан пожалел об этих словах — известно только ему одному.

С ними увязался и сумасшедший жрец. К счастью для попутчиков, в дороге ему проломили кувшином голову. Конан к этому отношения не имел, хотя руки у него чесались — любого выведет из себя ежедневное повествование о злобных кознях и отвратительных привычках мутари.

Вздыхнув свободно, Конан и Кейлаш добрались до цели и не без труда, но все же извели последних оставшихся в живых мутари. Кейлаш, правда, лишился ноги, но на фоне такой великой победы это были мелочи.

Разумеется, победу требовалось отпраздновать. Чем два героя и занялись, выбрав для этой цели первую подвернувшуюся корчму. Они еще не успели поднять и первую кружку, как, словно назло, явился сам Митра. Пиво пришлось срочно спрятать (даже не слишком уважающий богов Конан ничего не смог поделаться — рука сама убрала кружку под стол). Светлый бог их от души поблагодарил, а заодно выяснилось, что погоня Конана и Кейлаша за удиравшей мутари было предметом спора между Митрой и Сетом. Соответственно, Митра выиграл и сейчас собирался наведаться за долгом.

Конан робко заикнулся, нельзя ли получить некоторую долю с выигрыша, но выяснилось, что



нельзя. Мол, дело смертных — сражаться во имя идеи, а не материальных благ.

Оскорбленный киммериец устроил скандал, утверждая, что больше никогда в жизни не станет работать на богов, да и ради людей тоже пальцем не пошевелит, пока не получит устраивающий его задаток.

Митра не стал дослушивать (очевидно, это было ниже его достоинства) и плавно растаял в воздухе. Варвар плюнул ему вслед, не попал и сел допивать пиво...

Все это стремительно пронеслось в голове Конана. Ему было приятно вспомнить свою бурную молодость, однако вдруг он обнаружил, что старался-то просто так, за спасибо... Да-а, молодой был, неопытный...

— Ты, между прочим, и сейчас трудишься отнюдь не за золото, — напомнил киммерийцу противный внутренний голосок.

— Заткнись, — велел ему Конан. — Сейчас совсем другое дело! Я за девушку погибшую мщу, не забыл? Она ведь мне жизнь спасла.

— Ну, если так, то конечно, — продолжал издеваться внутренний голос. — А жить ты на что станешь, герой? Жрать, извини за выражение, что будешь? Королевские благодарности в собственном соку?

— Золота у нас пока навалом, — напомнил Конан. — На все хватит.

— А сколько ты Веллану в кости спустил? — продолжал допытываться ехидный голосок. — И сколько еще продаешь?



Конан мысленно покраснел — голос говорил сущую правду. Деньги имели противное свойство — кончаться. Месть — это, конечно, замечательно, однако с этого дела непременно надо поиметь что-нибудь более существенное...

Из спора с самим собой Конана вырвал голос Вегеля:

— Ваше величество, я полагаю, что стоит отпустить послов. Однако прежде требуется вынести решение по одному делу. Киммериец и бос-сонец нарушили законы Пайрогии, убив нескольких человек. По законам они должны быть казнены. Однако, раз они входят в посольскую свиту, таковую казнь, как мне кажется, можно заменить высылкой из страны. Кроме того, здесь присутствует стигийский маг. По вашему указу в стране запрещено отправление любых культов, кроме митрианского и культа Викканы. Под запретом также любые виды магии, а потому стигиец тоже должен покинуть Бритунию... — советник замолчал и выжидательно посмотрел на старого короля.

Эльдаран помялся под его взглядом и неохотно кивнул. Вегель коротко улыбнулся и, повернувшись к послам, возгласил:

— Конан, Эмерт и Тотлант, вам надлежит покинуть Пайрогию в течение суток, начиная с завтрашнего восхода солнца. В противном случае вы будете казнены. Что касается господина посла и господина Веллана, то им будут предоставлены комнаты в посольском крыле дворца. А сейчас король приглашает вас отужинать с ним...



* * *

Ужин у короля Эльдарана был совсем не похожим на приемы у покойного Дамалла. За огромным столом в форме подковы, уставленным неисчислимым количеством блюд, кувшинов и бутылок, помещалось не менее сотни человек — государственные сановники, вельможи, знатные дворяне и, наконец, послы. Справа от себя король посадил Вегеля, а слева — какую-то смазливую чернявую девчонку. Эльдаран что-то укордкой шептал ей, а она кокетливо хихикала.

Однако, встретившись с ней глазами, Конан заметил, что взгляд у нее расчетливый и холодный. Глаза зеленые. Киммерийцу показалось, что в зрачках девушки полыхнуло недоброе пламя. Он ошеломленно моргнул, но девица уже успела отвернуться.

Первое время Конан усиленно налегал на еду и выпивку. Еще бы — не часто можно отведать, например, печеных в кхитайском пряном соусе чен-санских угорьков или жареную в оливковом масле зеркальную форель из чистых горных ручьев. Или попробовать суп из ласточкиных гнезд. Однако экзотикой Конан не увлекался, помня, что не любое незнакомое блюдо можно съесть и остаться в живых. Угорьков с форелью он уничтожил, а от гнезд отказался, пробормотав: «Не доверяю я этим кхитайцам...»

Больше всего киммерийцу понравилась свежая сочная вепрятина на деревянных палочках с маринованным луком — любимое блюдо короля и национальная еда кезанкийских горцев.



Вино Конану тоже понравилось. Это, конечно, не «Старый король» пятисотлетней выдержки, но пить можно...

Слева от Конана медленно жевал смуглый пожилой человек — типичный горец. Неожиданно (во всяком случае для варвара) он, не отрывая глаз от тарелки, отчетливо произнес:

— Чужеземец, тебя желает видеть Кейлаш. Приходи завтра после полудня в таверну «Сын гор», он будет там.

— Отец, а ты не знаешь, на кой я ему, вообще, понадобился? — почтительно спросил несколько ошарашенный Конан, но горец не сказал больше ни слова.

«Странно... Что могло произойти между такими друзьями, как Эльдаран и Кейлаш, если последний даже не показывается во дворце? Ладно, завтра выясню...»

Конан пока не собирался покидать Пайрогию. Сутки, во всяком случае, у него еще имелись.

Тихий гул голосов создавал нужную обстановку. За шумом никто тебя толком не расслышит, и потому Конан решил обсудить планы компании на завтрашний день.

— Ну что, ребята, плохи наши дела... — многозначительно начал он.

— Не так уж и плохи, — отозвался Эртель. — По крайней мере, нас не повесили.

— Или чего похуже, — добавил Веллан.

Эртель согласно кивнул.

— В этом ты, конечно, прав, — признал Конан. — Но все-таки... Нам троим завтра придется



либо убраться из города, либо очень хорошо спрятаться. Иначе Мбванга здорово обрадуется, снова встретив меня в камере пыток. А вовсе не хочу сводить с ним более близкое знакомство.

— Трусишь, варвар,— ухмыльнулся Эртель.

— Сейчас как дам костью по лбу, мигом под стол улетишь,— пообещал Конан.

— Заткнитесь-ка оба,— сказал молчавший доселе Тотлант.— Пока мы ни на сколько не продвинулись в поисках Предводителя и Книги Бытия. И я, честно говоря, не представляю, как мы, высланные из города и вообще из Бритунии, можем напасть на след шайки свихнувшихся оборотней. Если до завтра мы ничего не узнаем — можно возвращаться в Пограничье. Находясь вне закона, мы бессильны.

Конан презрительно хмыкнул. Он почти всю жизнь провел вне закона и не испытывал никаких затруднений в осуществлении своих замыслов. Но в чем-то волшебник был прав. Киммериец нутром чуял, что завтрашний день если и не станет одним из решающих, то хотя бы подтолкнет их на правильный путь.

— Пока нас не выгнали, у меня есть несколько дел на завтра,— решительно заявил он.— Прежде всего, Велл и Эртель, раз вы будете жить во дворце, то пошатайтесь по нему, послушайте, о ком и о чем говорят, заведите знакомства...

— Как просто — «побродите, послушайте, познакомьтесь!» — Эртель весьма похоже передразнил акцент и манеру речи киммерийца.— Я бы посмотрел, как ты отправишься бродить, если к



дверям твоей комнаты приставят стражников с копьями. Как защиту от воров или от чего угодно, хоть от призрака короля Эмонда, который шляется тут по ночам и пугает воем вставших по нужде!

— Хорошо, сварливый ты наш,— согласился Конан.— Постарайтесь побродить, послушать, познакомиться...

— Вот это уже другой разговор,— Эртель задумчиво вертел в руках золотой кубок, покрытый тонкой резьбой, время от времени прихлебывая из него.— А чем вы, убийцы, будете заниматься, пока несчастные герои будут шататься по мрачному и холодному дворцу?

— Эртель! — не выдержал киммериец.— Прекрати паясничать! Хоть на миг, я тебя очень прошу.

— Ну, раз ты просишь...— Эртель приветственно поднял кубок.— Умолкаю.

— Век не забуду,— ехидно заметил варвар.

— Всегда пожалуйста,— невозмутимо сказал Эртель.— Рад был помочь. Обращайся, если что.

Пробормотав «шутник паршивый», Конан одним глотком осушил полкубка и продолжил:

— Так вот, пока эти два разгильдяя будут осматривать местные достопримечательности и заигрывать со всеми встречными юбками, мы посетим нашего старого знакомого Джарефа и немного с ним побеседуем. Еще я собираюсь навестить одного моего приятеля, тоже решившего обосноваться в Пайрогии, и требую с него давний должок. Он мне задолжал еще с тех времен,



когда мы околачивались в Стигии, так что процентов, должно быть,росло...

— Ты был в Стигии? — удивился Тотлант.

— Был, к большому сожалению стигийцев, — фыркнул Конан. — Однажды мы там с покойной Белит добывали Секиру Света, а в итоге подняли мятеж, и нам поневоле пришлось его возглавить. Мятеж, правда, получился замечательный...

Тотлант сделал настолько скорбное лицо, что все остальные тихонько захихикали.

— А во второй раз я по собственной глупости угодил к вашим работорговцам, — медленно проговорил Конан. — И оказался гребцом на галере, что ходила по Стиксу. Там я познакомился с одним хитроумным шемитом, и однажды ночью мы сбежали. Правда, бежали мы куда глаза глядят и примчались прямиком в оазис к неизвестному Тот-Амону. Пришлось выполнить для него кой-какую грязную работенку, но сказать ничего плохого не могу — он честно расплатился и отпустил нас на все четыре стороны. Разумеется, как только я и мой компаньон добрались до ближайшего города, мы решили как следует отпраздновать наше возвращение к жизни...

— А когда ты проснулся, твоих денег уже не было и в помине, как и твоего приятеля, — предположил Эртель. Конан криво ухмыльнулся и кивнул. — Этого и надо было ожидать. Теперь этот бедняга-шемит поселился в Пайрогии? Ну, я ему не завидую... Ладно, после того, как ты выбьешь из него долги с процентами, а также все оставшиеся зубы, что ты собираешься делать?



— После душевной беседы с Аль Браско я навещу старину Кейлаша. Может, он скажет что-нибудь полезное.

— А что делать нам? — поинтересовался Тотлант, разглядывая свои безупречно подточенные ногти.

— Тотлант, ты из дома не выходи... — начал Конан, но маг перебил его:

— Прости, из какого дома?

— Еще не знаю, — честно признался киммериец. — Может, удастся поселиться у Джарефа. Если нет — пойдем в таверну, снимем комнату и ты там будешь тихонько сидеть.

— Ясно, — вздохнул Тотлант. Выражение лица у него было недовольное.

— А что ты предлагаешь? — заметив это, спросил варвар. — Таскаться по городу тебе не имеет смысла. Стигийца тут будут обходить за лигу.

— Ладно, ладно, — примирительно поднял руки маг. — Я же не возражаю.

— Вот и хорошо, — кивнул Конан. — А по городу пойдет бродить Эмерт. Заглянешь на рынки, покрутишься в толпе, послушаешь, о чем сплетничают в Пайрогии... Веллан, загляни вечером к Джарефу. Если нас там не будет, спросишь, где мы остановились. Расскажешь все, что удастся разузнать. Вот, пожалуй, и все на завтра. Кто-нибудь хочет добавить по существу?

— А что ты, киммериец, будешь делать, если завтра пройдет впустую? — Эртель насмешливо и испытующе посмотрел на Конана прищуренными глазами.



— Смотаюсь из этого захудалого городишки куда-нибудь подальше,— огрызнулся варвар. — Например, в Аквилонию. Не может же перемирие с пиктами продолжаться целую вечность!

— Ты собираешься на Границу, в Боссонию? — насторожился Эмерт.

— А ты думаешь, мне нравится таскаться по гнилым болотам в компании чокнутых оборотней и стигийского питона? — снисходительно поинтересовался Конан. — И вообще, подумайте сами! В нашей компании я — единственный нормальный человек. Тотланта не считаю, потому что стигийцы, как известно, не люди, а...

— Невоспитанный дикарь,— вздохнул маг. — Кто тебя такого взрастил на наши головы?

— Жизнь,— небрежно отмахнулся Конан. — И всякие мерзавцы, желавшие меня прикончить.

— Он нас обижает! — заныл Эртель, прикрывая голову руками. — Этот паскудный киммериец, оказывается, не любит оборотней!

— Чем тебе оборотни не нравятся? Чем мы хуже вас, людей? — спросил Веллан, откидывая назад светлые пряди волос.

— Хуже, скажешь тоже! — подхватил Эртель. — Лучше во много раз!

— И чем, хотелось бы знать? — язвительно поинтересовался Конан.

— Нет, вы только посмотрите на этого обросшего мускулами и страдающего раздутым самомнением чурбана! — возмутился Эртель. — Ночью мы видим так же, как днем — раз! Имеем три формы — два...



— Что-то я не видел, чтобы ты форму менял, — заметил киммериец.

— Это уже другой вопрос, я просто не хочу, — мотнул головой Эртель. — Это Велл у нас прирожденный волчара, и нечего на меня глазами сверкать! Кто почти каждой ночью по лесу носится, я, что ли?.. Так вот, о форме. К примеру ты, Конан, мог бы вполне заняться рукоблудием, но почему-то предпочитаешь девушек...

— Я сейчас морду твою волчью набью, за такие намеки гнусные,— грозно пообещал варвар.

— Не набьешь,— Эртель прикинул расстояние между собой и Конаном. — Сидишь слишком далеко. Впрочем, это неважно. Главное, что суть ты понял. Так вот, на чем я остановился?

— На формах,— подсказал Веллан.

— Ага,— кивнул Эртель и продолжил: — Кроме того, убить оборотня гораздо сложнее, чем человека, и заживает на нас все намного быстрее. Да и мозгов у нас побольше...

— Это ты на меня намекаешь? — прямо спросил Конан.

— Да ладно тебе! Шутки не понимаешь!

— Если я еще хоть раз... — начал было Конан, но тут в зале раздался громкий рев. Казалось, совсем рядом кто-то дунул в огромную боевую трубу. Разговоры немедленно стихли, гости короля начали тревожно озираться по сторонам.

В обеденный зал вошел... Мбванга. Дарфарец был в одной набедренной повязке, его тело блестело от масла. Его улыбка заставляла людей вздрагивать и отворачиваться.



Советник Вегель, улыбаясь, поднялся со своего места:

— Достопочтенные дамы и господа, сейчас наш старый добрый Мбванга, как обычно, покажет нам чудеса бойцовского искусства. Нынешний его соперник — могучий воин из холодного Асгарда, Хельги!

Под громкие хлопки гостей в зал через другую дверь вошел Хельги.

Он был на голову ниже Мбванги, но шире дарфарца в плечах.

Длинные рыжие волосы Хельги заплет в две толстые косы, падавшие на спину. Что удивительно, бороду и усы — гордость любого нордхеймца — воин не носил.

Большие зеленые глаза с презрением оглядели аплодирующих вельмож, задержались на посланниках из Пограничья и остановились на Конане. Киммериец с достоинством наклонил голову, в глазах асира мелькнуло что-то похожее на уважение, и он тоже кивнул.

Хельги встал напротив чернокожего и внимательно оглядел будущего противника. Мбванга, заметив его взгляд, ухмыльнулся подпиленными зубами.

Хельги непроизвольно отшатнулся назад, судорожно стиснув кулаки.

Тем временем Вегель выбрался из-за стола и встал между бойцами.

— Господа, достижения Мбванги, я думаю, перечислять не надо. Он выступает здесь уже давно, но я все же позволю себе кратко напомнить.



Мбванга — бывший гладиатор, имеет двенадцать побед на арене, а в стенах дворца выиграл уже пятнадцать схваток. Вы хорошо знаете силу его рук...

— Слишком хорошо, — пробормотал Конан, трогая скулу.

— Хельги, — продолжил Вегель. — Гладиатор из Гипербореи. Восемнадцать убитых врагов, в числе которых — Гарниус из Нумалии...

Восторженный рев заглушил голос советника. Похоже, Гарниус был известной личностью.

Вегель терпеливо подождал, пока вопли утихнут.

— Напоминаю правила. Бойцы сражаются до тех пор, пока один не признает себя побежденным — или не погибнет. Начинайте! — Он хлопнул в ладони и поспешил вернуться на свое место.

Мбванга широко улыбнулся и приглашающе взмахнул руками.

Хельги не стал осторожничать и сразу ринулся в бой, как в омут. Дарфарец явно не ожидал от асира такой быстроты.

Однако умение и врожденное варварское чувство опасности помогло ему уйти от сильнейшего удара в ухо.

Правый кулак Хельги со свистом прошел рядом с головой чернокожего, даже оцарапав бритую макушку ногтями.

От первого удара Мбванга уклонился, однако на него тут же посыпался град новых, и одних увертываний было уже недостаточно.



Кулаки у Хельги были тяжелые, и дарфарец растерянно отступал, ставя блоки из скрещенных рук. Зрители визжали и топали, подзадоривая бойцов.

Конан обнаружил, что кричит вместе со всеми и даже, кажется, громче всех. Казалось, вот сейчас Мбванга пропустит удар и тогда уже асира ничего не остановит...

Судьба часто преподносит коварные подарки. Конан горестно взвыл, когда Хельги вдруг споткнулся на ровном месте и на миг ослабил лавину ударов.

Мбванга сразу же швырнул его на пол своим коронным в подбородок и снизу.

Киммериец вспомнил этот удар и поморщился.

Хельги, лежавший на полу, растерянно вертел головой, не понимая, что произошло.

— Вставай! — заорал Конан, но было поздно.

Огромная туша обрушилась на асира. Дарфарец придавил противника коленями к полу и принялся безжалостно лупить по голове. Первым же ударом он сломал Хельги нос. Во все стороны летели кровавые брызги.

— Сдавайся! — слышался чей-то крик. — Сдавайся, убьет же!

Хельги с трудом повернул разбитую голову и что-то отрывисто выкрикнул. Никто в зале его не понял.

Кроме Конана, потому что прозвучавшая фраза была на языке, на котором он сказал свои первые слова. На киммерийском.



— Отомсти за меня.

Варвар не успел ответить. Мбванга наклонился к шее асира и впился в нее своими острыми зубами.

По залу прокатился жуткий вой. На стену и пол брызнули густые струи крови.

Хельги выгнулся всем телом и забился в судорогах. В наступившей тишине было слышно, как Мбванга жадно пьет кровь побежденного.

Мало-помалу тело перестало содрогаться, а потом и вовсе затихло.

Гости ошеломленно молчали. Где-то еле слышно всхлипывала от ужаса женщина.

— Никто больше не хочет силой померяться, а? — Мбванга повернул измазанное кровью лицо и широко ухмыльнулся.

«И что же это ты делаешь? Жить надоело?»

— Я хочу, — мрачно сказал Конан, вставая. Рядом сдавленно охнули — то ли Тотлант, то ли Эртель. Веллан обреченно закатил глаза и прошипел:

— Если он тебя прикончит, мне же придется тащиться следующим. Нет, Конан, ты точно чокнутый! Себя не жалко, так хоть бы нас пожалел!

Вегель встал, сумрачно посмотрев на варвара.

— Если ты ищешь смерти, то принимай вызов. Но я бы тебе не советовал...

— Я своих слов обратно не беру, — Конан расстегнул и снял куртку, затем рубашку и сапоги, оставшись в кожаных штанах. Затем он выбрался из-за стола на середину зала.

Мбванга хмыкнул:



— Что-то мы с тобой, киммериец, часто встречаемся. Дважды в один и тот же день...

— И это не к добру,— закончил Конан, разминая кулаки.— Начнем?

Дарфарец кивнул головой.



ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой на сцене появляются упыри



а этот раз Мбванга не стал паясничать и притворяться побежденным, а сразу кинулся в атаку.

Конан был готов к чему-то подобному, легко уйдя влево от прямого бесхитростного удара в голову.

Киммериец впечатал тяжелый кулак в бок дарфарца. Тот взревел и пнул Конана в голень. Варвар отпрыгнул и чуть не упал. Мбванга немедленно обрушил на него град ударов, Конан отразил их, постоянно уходя в глухую защиту.

Некоторое время они кружили по залу на безопасном расстоянии друг от друга, изредка проверяя противника на бдительность. При этом Конан получил хороший удар в плечо, а Мбванга оказался с разбитой губой.

Совершив несколько таких кругов, бойцы застыли. Хотя чернокожий был крупнее и сильнее Конана, он и устал больше — все-таки второй поединок подряд. Воздух с тяжелым свистом вырывался из его могучих легких.



Мбванга провел языком по окровавленным губам, вытер рот ладонью и скосил на нее глаза:

— За мою кровь я возьму всю твою, киммериец.

— Я тебе шею сверну, людоед,— пообещал Конан.

Они снова бросились в бой. Теперь осторожность была позабыта, и все силы ушли на атаку.

Конан дважды заехал дарфарцу в нос, пересчитал ребра и дал тычок в зубы. В ответ ему достался скользящий удар по уху, а затем хороший пинок в грудь, отбросивший киммерийца шагов на пять назад. Дыхание остановилось, ребра и грудина, казалось, вмялись внутрь, да так там и остались.

«Точно не кулаком ударил, а молотом»,— подумал Конан, тщетно сясь вдохнуть хоть немного воздуха.

Мбванга подбежал к полусогнувшемуся варвару и одним ударом отшвырнул его к стене. Конан хорошо врезался в нее спиной, но зато смог снова вдохнуть. В голове мелькнуло: «История повторяется». В тюрьме после первого удара дарфарца он тоже не мог вдохнуть, зато второй удар спас ему жизнь...

Стоило воздуху наполнить полыхающие огнем легкие, как варвар почувствовал себя вновь готовым к бою. Правда, левый глаз заплаыл и почти ничего не видел, но это ерунда.

А Мбванга уже несся на притворившегося потерявшим сознание Конана. Дарфарец надеялся одним ударом разнести противнику голову. Если



учесть, что кулаки людоеда по мощи и размерам не уступали молотам, то каменная стена с успехом могла сыграть роль пресловутой наковальни. Однако Конан рассчитывал использовать бешеную ярость чернокожего великана. Когда огромный, как добрая пивная кружка, кулак Мбванги был уже почти у самого лица Конана, варвар резко убрал голову. Остановиться дарфарец уже не мог. Его налитые кровью глаза расширились от ужаса, а в следующее мгновение кулак с хряском впечатался в стену. Вопль боли и треск ломающихся костей слились в один на редкость неприятный звук.

Однако настоящая беда для Мбванги была еще впереди. Конан обхватил его за шею и с размаху приложил лицом о гладкий мрамор. Чернокожий зашатался, его ноги начали подгибаться, а мышцы ослабли.

Конан воспользовался этим, резким движением крутанув голову дарфарца. Раздалось что-то вроде сухого треска, и огромное тело мягким бесформенным кулом свалилось на пол.

Только теперь Конан ощутил, что у него болит каждая мышца. Он с трудом подавил стон и сильнейшей желанием прилечь рядом с трупом.

В зале стояла мертвая тишина, готовая в любой миг прорваться либо общим воплем ужаса, либо (чего Конан справедливо опасался) приказом «Взять его!» Однако кто-то сумел взять себя в руки и неуверенно захлопал. Пример подхватили, так что когда Конан доковылял до своего места, ему уже аплодировали стоя все гости. Вар-



вар покосился на короля — Эльдаран улыбался и тоже хлопал, правда, довольно вяло.

А вот советник Вегель, наоборот, судорожно вцепился в резные подлокотники своего кресла и был здорово бледен.

«Что-то не так с этим советником. Он меня определенно боится,— подумал Конан, натягивая рубашку.— Раньше он меня вроде просто уважал, а теперь до смерти испугался. Интересно, это имеет какое-то отношение к нашим делам? А вдруг он оборотень? Или, что самое забавное, Предводитель? Как говорится, возможно все, кроме невозможного, но и это иногда случается. Вдруг кто-то спасся из Черного Храма и добрался с новостями о разгроме до Пайрогии? Гномы, конечно, проверили каждый камень, но поди излови волка в горах, особенно в снегопад... В общем, кажется, у нас имеется первый подозреваемый.»

— Эртель,— окликнул киммериец.— Помоги.

Эртель поднялся со своего кресла и вопросительно посмотрел на варвара.

— Застегни мне куртку, а то я пальцы отбил,— невозмутимо попросил Конан. Эртель открыл было рот, чтобы послать киммерийца за тридевять земель, где он вполне может поискать себе дармовую прислугу, но тут же его закрыл и начал послушно возиться с застежками.

— Похоже, что Вегель — один из тех, кого мы ищем,— быстрым шепотом сказал варвар.— Попробуйте проследить за ним. Остальное — завтра,— и громко добавил: — Благодарю.

— Не за что,— буркнул Эртель.



Конан хотел было занять свое место и хоть немного посидеть спокойно, но король вдруг окликнул его:

— Конан! Мы с советником решили, что твоя победа достойна награды. Подойди сюда.

Киммериец подошел к королевскому креслу и, вспомнив то небольшое, что он знал о дворцовых этикетах, опустился на одно колено, слегка нагнув голову. Чувствовал он себя по-дурацки и от души надеялся, что хоть награда окажется стоящей.

Эльдаран вполголоса потребовал, чтобы варвар протянул вперед левую руку и легко надел ему на средний палец что-то тяжелое и холодное. Конан бросил на вещь один короткий взгляд и почти искренне произнес:

— Благодарю, Ваше величество. Это действительно королевский подарок.

Предмет того стоил. Это оказалось кольцо — широкое, отливающее маслянистым блеском червонного золота высокой пробы, и украшенное хорошо ограненным крупным рубином темно-алого цвета. Такую вещь можно было без труда продать за сорок-пятьдесят шеллинов, однако сейчас в этом не было нужды. У Конана еще оставалось около трехсот золотых из числа тех денег, что компания заработала в поселке Брийт — после магического шторма обрушившегося на окрестности бурга киммериец и оборотни за деньги уничтожили чудовище, обосновавшееся неподалеку от поселения. Но в трудное время перстень мог стать хорошим подспорьем. Колечко



могло полностью вооружить, одеть и обуть киммерийца, да еще и обеспечить ему сытую дорогу до Аквилонии.

Оставалось еще как-то сохранить королевский подарок. Золото в чистом виде в руках Конана по неизвестным ему причинам надолго никогда не задерживалось. И сейчас киммерийца терзали смутные предчувствия, что он вскоре либо пропьет остатки, либо проиграет в кости, а скорее всего — сделает и то, и другое вместе. «Правда, когда я крупно проигрываю, — с грустью подумал варвар, — на кон ставится все, что у меня есть с собой. Так что можно смело прекратить мечтать о чудо-перстне, спасителе продувшихся варваров. Я донесу его до первого трактирного стола и не дальше.»

Он попытался вспомнить свой самый крупный проигрыш. Кажется, тогда он умудрился просадить действительно все, включая коня, меч и собственную одежду, да еще и остался должен. Помнится, его тогда с изрядным шумом и воплями выставили из трактира, а всю следующую луну он потратил на возвращение долгов. С тех пор у варвара появилось стойкое убеждение, что человека, придумавшего маленькие костяные кубики с рисунками и точками на гранях, следовало предать самой мучительной из возможных казней.

...Пиршество, наконец, подошло к концу, гости начали постепенно расходиться. Засидевшихся за столом Конана, Эмерта и Тотланта очень вежливо и неназойливо попросили покинуть дво-



рец, дав им внушительный эскорт, дабы они не заблудились по дороге к воротам. Другая группа стражников сопровождала в посольское крыло дворца Эртеля и Веллана — с той же целью, чтобы не потерялись в пути.

Стражник, открывший ворота, пожелал Конану и компании спокойной ночи и посоветовал не бродить по улицам, так как в темное время суток стража не может полностью отвечать за безопасность горожан.

Компания нестройным хором поблагодарила заботливого стража, забрала свое оружие и вывалилась на присыпанную снежком улицу.

* * *

Ночью Пайрогия выглядела даже хуже, чем днем. Красная дорога еще была кое-как освещена, но в переулках и маленьких улочках стояла такая темень, хоть глаз выколи.

Дорогу до улицы Фонарщиков Конан теперь знал твердо и считал улицы. Свернуть было нужно на седьмой, называвшейся Медной.

Хотя «улица» — это было еще слишком сильно сказано. Она была кривая, грязная и неосвещенная. Конан, шедший как всегда, первым, то и дело спотыкался о кучи замерзших отбросов, шепотом поминая при этом Нергала и всех его демонов.

Как назло, улица оказалась еще и длинной.

После очередного раза, когда варвар чуть не плюхнулся в помой, сзади раздался отчетливый смешок. Киммериец обернулся со стремительно-



стью кобры. Да и разъярен он сейчас был не меньше.

— Кто там ржет? — зло осведомился он. — Мало того, что здесь сплошь дерьмо и мусор, и темно, как в заднице, а вы еще смеете потешаться?

— Понимаешь, Конан, — ответил из темноты Эмерт, и по глуховатому голосу было ясно, что смеялся именно он. — Ты считаешь себя могучим и непобедимым. Только не спорь, это действительно так, хотя в душе ты, может, себе в этом и не признаешься. Ты уверен, что любую опасность должен встретить лицом к лицу, прикрывая нас, немощных. Все это, конечно, здорово, но сейчас сыграло с тобой плохую шутку. Ты забыл две немаловажные вещи. Первое — я все-таки оборотень, значит, вижу в темноте. Второе — в нашу маленькую компанию затесался один неизвестный тебе стигийский маг, прославившийся всякими фокусами. В числе прочих он выучился зажигать светящийся такой шарик...

Конан звонко хлопнул себя по лбу и мысленно выругал за непредусмотрительность. Тотланта тихонько засмеялся и осторожно затеплил на кончике посоха зеленоватый огонек.

— Думаю, не стоит мне сейчас показывать фокусы с шарами, — сказал он. — Люди в этом городе не любят магию. Даже если создаешь свет, чтобы не упасть в кучу дерьма, им это все равно не нравится. Так что пустим-ка вперед нашего волка.

Конан молча пропустил Эмерта, а сам, встал в конце их маленькой колонны из трех человек.



Боссонец, как заправский лощман, вел киммерийца и Тотланта по мусорному лабиринту. То и дело слышался его спокойный голос:

— Осторожно, здесь ведро... — и ругательства Конана, который, конечно же, от всей души пинал это ведро. — Возьмите чуть левее... А теперь вплотную к стене, тут какие-то ящики... Ага, я уже вижу выход!

Конан смачно выругался, когда они вышли на улицу Старого скелета. Она была относительно чистой, и хотя бы на одном из четырех домов тускло светил фонарь.

— Теперь нам в тот переулок справа, — командовал варвар, оглядываясь по сторонам. Улица была пустынна, только где-то вдалеке прогрехотали сапоги ночного дозора. Компания быстро перебежала через улицу и нырнула в переулок.

— Осталось недалеко, — сказал Конан, подбадривая то ли себя, то ли спутников, и вдруг резко остановился.

Впереди дорогу преграждала большая группа крепких мужиков при оружии. Конан обернулся — как он и подозревал, путь назад тоже был отрезан. Оставался еще узкий проход по левую руку чуть впереди, но киммериец был твердо уверен, что там их тоже ждут с нетерпением. Вот только вопрос — каким числом? Все равно уходить придется, скорее всего, именно этим путем. Будь рядом Веллан и Эртель с их клинками, варвар мог бы попытаться устроить общую свалку и проскочить вперед, но сейчас с ним были только лучник с коротким мечом и маг, от которого



вообще неясно, чего можно ожидать... Невеселое положение.

— Рад, что встретил тебя, киммериец,— прозвучал смутно знакомый низкий голос.— Не думал, что тебе удастся выйти живым из дворцовых подземелий...

— А, это ты, лысый,— Конан признал по голосу бритоголового громилу из таверны «Орел и медведь», из-за выходки которого они все очутились в тюрьме Пайрогии.— Что тебе надо?

— Всего лишь твоя голова,— издевательски сообщил бритоголовый.

— А что, за нее дают много денег? — поинтересовался Конан, вытаскивая Рангильдор из ножен. Клинок не светился, значит, в противниках будут только люди. Что ж, уже намного лучше.

— Много, варвар,— прошипел лысый громила.— Кое-кто готов отдать за нее целое состояние, но не это главное. Ты убил троих моих людей. За это ты заплатишь своей кровью.

Вслед за словами главаря со всех сторон донеслись глумливые смешки.

Конану стало слегка не по себе. Дурное предчувствие нахлынуло на него, как внезапно налетающий смерч, и одновременно клинок вспыхнул тусклым алым пламенем.

— О, Сет,— скорбно вздохнул стоявший за спиной варвара Тотлант.— А вы откуда взялись?

Кое-кто из бандитов (правда, не все) выглядел теперь несколько по-другому. Конан без колебаний определил их расовую принадлежность, раздраженно пробормотав:



— Вампиры, чтоб им пусто было...

— Не совсем так,— высокомерно поправил варвара лысый предводитель.— Мы упыри, потомки древней расы...

— Нет-нет-нет,— перебил его Тотлант.— Вот не надо врать! Вы такая же древняя раса, как я — шемит. Мало того, даже упыри вы не настоящие. Это племя полностью ушло в Джанаидар, забытый город в Иранистанских горах, и спит теперь в его мрачных подземельях... А к гулям в Рабиры вы, небось, и сунуться не посмели? Правильно. Там вас немедля разорвали бы на мелкие клочки. Старый Драго, может, и слегка сумасшедший, однако он никогда не допустит, чтобы в его лесах поселилась такая мерзость, как вы.

— В Джанадайре я был,— вскользь заметил Конан, поглядывая на ближайшую к нему отвратительную красноглазую морду с торчащими из пасти острыми клыками.— В Рабирах вот, правда, еще не доводилось... Но точно знаю, что с тамошними ребятами можно иметь дело.

—...А вы — не более чем остатки неудавшихся опытов чародеев Ахерона,— продолжил свою обличительную отповедь Тотлант.— Выродки от скрещивания людей и упырей. Да, вы живете чуть дольше людей и имеете два облика! Только вся ваша жизнь — постоянная жажда крови, и от хорошей стали вы дохнете, как обычные люди! Но все-таки, как вас сюда занесло?

— Пришли и живем,— ответил шипящим голосом один из упырей.



Наступило нехорошее молчание. Несмотря на явное численное превосходство, твари не спешили нападать. Скорее всего, опасались странного светящегося клинка.

— Конан... — шепотом позвал Тотлант. — Против нас двадцать человек, но упырей среди них только девять. Переулок слева охраняют трое людей, именно людей. Сейчас я попытаюсь запустить шар света, и сразу бежим...

Конан не стал выяснять, откуда магу известно все про расположение и количество противников. Об этом вполне можно было поговорить попозже.

Один из упырей — то ли самый глупый, то ли самый нахальный — шагнул вперед. В тот же миг Тотлант махнул в его сторону посохом. Возникший ниоткуда пылающий шар размером с небольшую пивную бочку испепелил несчастного на месте и опалил его собратьев. Воспользовавшись общим замешательством, Конан и Тотлант нырнули в переулок. Эмерт задержался, чтобы выпустить пару стрел. Он не промахнулся — один из упырей ткнулся мордой в присыпанные снегом булыжники.

Остальные в испуге шархнулись назад и в стороны, а боссонец рванул следом за уже скрывшимся в темноте приятелями.

...На этот раз Конан стремительно несясь первым, не обращая внимания на кучи мусора. Переулок оказался коротким, но выход из него охраняли трое. Что ж, трое — это ведь не двадцать...



...Ракел, когда оставлял здесь засаду, клятвенно уверял, что в переулок варвар не сунется, потому что сразу догадается: его здесь ждут. Поэтому он, Ракел, не может распылять силы на три направления, у него и так не слишком много бойцов. А вы втроем тут постоите, поскучаете малость, а деньги получите наравне со всеми. И вот теперь на растерянную троицу неслось нечто огромное, да вдобавок устрашающе размахивающее багрово мерцающим в сумерках клинком.

«Не ждали», — усмехнулся про себя Конан.

Мечи у двоих караульщиков так и не успели покинуть ножен. Первым ударом варвар разрубил шею воину с копьем, попытавшему сделать что-то, смахивающее на выпад. Его тело еще не успело коснуться земли, а киммериец уже косым ударом слева направо разрубил надвое второго. Третий в ужасе завизжал и бросился бежать, но споткнулся, а в следующий миг варвар, обхватив рукоять меча обоими руками, как колом, ударил врага в спину, пригвоздив его к земле.

Когда прибежали Эмерт и Тотлант, тела уже перестали дергаться.

— Путь свободен, — сказал Конан, широким жестом приглашая всех побыстрее удирать. Вопли упырей приближались.

— Погодите, сейчас я им оставляю подарочек, — попросил Тотлант и, закрепив что-то на стене дома, сделал в воздухе странный пасс левой рукой.

— А вот теперь бежим!

И они побежали. Улица, на которую они высочили, оказалась уже знакомой Оружейной, и



Конан, быстро сориентировавшись, бросился в малозаметный узкий проход, пропущенный во время недавних поисков.

Сзади раздался грохот и пронзительные вопли. Вдобавок полыхнуло красным.

— Что ты там натворил? — спросил у мага Конан, переходя с бега на быстрый шаг.

— Всего лишь начертил обычную руну огня, — хмыкнул Тотлант. — Она и сработала...

— Думаешь, кто-нибудь уцелел? — Конан на всякий случай оглянулся, но их вроде не преследовали.

— Пятеро или шестеро наверняка сгорели дотла, — задумчиво предположил стигиец. — Остальные должны были изрядно обгореть. Не любят они открытого огня... Слушай, мне кажется, или мы пришли?

Они, действительно, оказались на улице Фонариков, а неподалеку виднелся темный дом Джарефа. Только в окне на втором этаже теплился еле заметный огонек.

— Наш капитан еще не спит, — заговорщицки подмигнул Конан и трижды бухнул кулаком в дверь.

* * *

Долгое время стояла тишина, потом раздалось мягкое шарканье и сонный голос недовольно осведомился:

— Кому и какого демона здесь понадобилось?

Голос был невнятный и сердитый, но определенно принадлежал Джарефу.



— Эй, старина Джареф, ты случайно не забыл свое гуляние по полуночному Пограничью? — негромко поинтересовался Конан. — Не напомним, кто тебе тогда жизнь спас?

— Не ты! — отрезал повеселевший и взбодрившийся голос. — Подождите, я сейчас с засовом справлюсь.

Раздался скрежет, а затем дверь, легонько скрипнув, открылась вовнутрь.

На пороге стоял Джареф собственной персоной. Все такой же светловолосый, светлородный, со смеющимися зелеными глазами.

— Так и знал, что ты здесь непременно объявишься, — сказал он вместо приветствия и заглянул через плечо Конана: — А кто это с тобой?

— Эмерт, лучник, и Тотлант — маг из Стигии, — представил своих спутников киммериец. — Пустишь нас переночевать?

— Конечно, — Джареф отступил назад, впуская поздних гостей. — Только любые разговоры придется отложить до утра. Я безумно спать хочу. — Словно в подтверждение своих слов он широко зевнул.

— Идет, — согласился Конан. Бешеные оборотни Бритунии со своими секретами вполне могли потерпеть до завтра.

— Я вас поселю в одной комнате, дом-то у меня небольшой, сами видите, — продолжил тем временем Джареф. — Поднимайтесь за мной, только осторожно, лестница крутая.

Он взял свечу и первым поднялся на второй этаж. За ним взбежал Конан, а потом — Тотлант



и Эмерт. Комната, в которую привел их Джареф, оказалась небольшой, но очень уютной. В ней стояло две низких деревянных кровати, застеленные несколькими медвежьими шкурами, стол с парой табуретов, медный умывальник и шкаф.

— Кому-то кровати не достанется,— извиняющимся тоном сказал Джареф, разводя руками.— Вообще-то я никого не ждал... Я принесу матрас, а укрыться можно шкурами.

— Да не суетись ты,— остановил его Конан.— Нас все вполне устраивает. Кроме того, я привык спать на полу.

— Угу,— кивнул Джареф.— Тогда все в порядке. А матрас сейчас будет.

Он зажег стоявшую на столе тусклую масляную лампу и вышел, прихватив свечку. Тотлант сразу же создал зеленоватый шарик, который подвесил под потолком комнаты. Конан вдруг заметил, что Эмерт как-то странно выглядит и подозрительно косится на дверь.

— Эй, Стрелок, что случилось? — поинтересовался Конан.— Ты что, призрака увидел?

— Нет,— кратко отозвался Эмерт.— Просто...

Он не закончил. Махнул рукой и, подойдя к маленькому окну, затянутому мутной слюдой, попытался разглядеть, что находится снаружи.

Тотлант почему-то пристально уставился на перстень Конана. Темный рубин таинственно мерцал в магическом призрачном свете.

— Дай-ка мне взглянуть на твой подарочек,— задумчиво попросил он. Конан удивился, но пожал плечами и взялся за кольцо, чтобы снять его



и перебросить магу. Перстень не сдвинулся с места. Конан нахмурился и дернул сильнее, но ничего не произошло. Тогда он стал крутить золотой ободок вокруг пальца, но только причинил себе боль.

«Вот дерьмо!» — мысленно выругался киммериец и снова с силой дернул кольцо.

— Что ты возишься? — потерял терпение маг.

— Да не снимается оно,— растерянно признался Конан.— И как Эльдаран мне его так легко нацепил?

Тотлант встрепенулся и подошел к Конану:

— Дай сюда! Похоже, нам подсунули какую-то пакость...

Тут вернулся Джареф (Эмерт при его появлении вздрогнул), бросил Конану набитый соломой тюфяк, и, пожелав всем спокойной ночи, ушел.

Киммериец положил матрас в угол, взбил его, потом стащил с каждой кровати по шкуре, устроил себе настоящее логово и только потом протянул палец с подозрительным кольцом Тотланту. Маг легкими движениями ощупал ободок и вдруг с шипением отдернул пальцы, точно обжегся. Ничего не почувствовавший киммериец удивленно посмотрел на него.

— На твоём кольце защита,— пояснил волшебник.— Я попытался прощупать его с помощью самой слабенькой магии, и оно немедленно ударило. Но я попробую еще разок...

Стигиец взял руку Конана в свои узкие длинные ладони, не касаясь при этом кольца, и начал гортанно петь на странном языке. Это про-



должалось довольно долго, так что Конан успел заскучать. Тотлант, похоже, впал в транс и, закрыв глаза, покачивался из стороны в сторону.

Вдруг киммериец ощутил, что кольцо начало теплеть. Варвару это не слишком понравилось, однако он промолчал. Перстень тем временем нагрелся и продолжал раскаляться...

— Снимай! — неожиданно приказал Тотлант.

Конан не заставил себя упрашивать.

Он рывком содрал злополучный королевский подарок и перебрал магу. На этот раз все получилось очень просто.

— Что это было? — спросил варвар у довольного улыбавшегося Тотланта, который перекидывал кольцо с ладони на ладонь, будто остужал.

— Да ничего особенного... — невнятно пробормотал маг, а затем более осмысленно добавил: — Мне нужно что-нибудь тяжелое.

— На шкафу стоит шкатулка, окованная железом, — подал голос Эмерт, внимательно наблюдавший за действиями над кольцом. — Подойдет?

Тотлант кивнул, а Конан полез за шкатулкой и, спуская ее вниз, спросил:

— Эмерт, так чего ты такой напуганный?

— Я кое-что увидел... — начал лучник слегка подрагивающим голосом, чего, впрочем, не заметил никто, кроме него самого, однако Конан перебил его:

— Тотлант, ну вот тебе сундук, а дальше что?

— Для начала иди сюда, — распорядился маг. Затем он присел и положил перстень на пол. — Когда я скажу, уронишь шкатулку на него.



— Ты что, сдурел? — обалдел Конан. — Портить такую хорошую вещь? Зачем?

— Сам увидишь, — загадочно прищурился Тотлант. — Давай!

Конан подумал, что все колдуны чокнутые и обожают всяческие тайны, а затем с размаху бросил шкатулку на пол. Раздался треск, из-под сундучка полыхнуло синим пламенем. Снизу донесся приглушенный голос Джарефа:

— Эй, вы что там делаете? Деретесь или как?

— Все в порядке! — крикнул в ответ Конан. Тотлант грустно усмехнулся и скомандовал:

— Шкатулку теперь можно вернуть на место.

Киммериец пожал плечами, поднял сундучок и чуть не выронил его снова. На полу не было рубиновых крошек и безжалостно расплюсненной золотой оправы. Вместо этого там рассыпалась горстка темно-бурого пепла.

— Что за... — недоуменно начал Конан.

— Такие вот подарки нынче дарят короли! — хмыкнул Эмерт. — Так что же это было?

— Магическая вещь, позволяющая слышать все, что происходит рядом с ней, — объяснил Тотлант. — Наверное, ее владельцы теперь прекрасно осведомлены о том, где мы остановились

— Тогда почему они не пришли за нами в дом Джарефа? — задал вполне логический вопрос Конан. — И чье это колечко? Эльдарана? Вегеля? Или еще кого-нибудь? Кто же тогда так нами интересуется, что решил узнать, о чем мы болтаем? Да, Эмерт, ты же так и не сказал, с какой стати перепугался?



— Потому что я думаю, что наш гостеприимный хозяин — не Джареф, — сказал боссонец, и в комнате наступило молчание.

— Что-что? — наконец переспросил Тотлант. — Ну-ка, объяснись!

— Не могу объяснить. Какое-то шестое чувство. Я на него смотрю и будто привидение вижу. Понимаешь, волшебник, я ведь оборотень, пусть и никогда не превращаюсь. У хозяина другой «запах души», я могу это чувствовать. В Пограничье Джареф был совсем другим.

— Такого не может быть! — уже успевший лечь и накрыться шкурами Конан рывком сел. — Тебе, наверное, мерещится. Что за сказки?

Эмерт отрицательно помотал головой и упрямо повторил:

— В Пограничье это был один человек, здесь — совсем другой. Я ничего не понимаю и поэтому боюсь.

Боссонец лег, отвернулся к стене и с головой завернулся в лежавшую на кровати шкуру. Конан подумал и окликнул стигийца:

— Тотлант, а ты не можешь как-нибудь узнать, настоящий Джареф хозяйничает в доме или призрак?

— Нет, — маг разочарованно развел руками. — Мне не хватит сил и умения.

— Тогда нам ничего не остается, как ждать и наблюдать, — подвел неутешительный итог Конан. — Все, спим. Но в полглаза...



ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой встречаются старые друзья



Долнце мягким прикосновением разбудило Конана. Варвар отвернулся к стене, но заснуть снова уж не смог. Он долго ворочался, кряхтел, а потом не выдержал и вылез из-под шкур. Эмерт еще спал, улыбаясь чему-то хорошему, привидевшемуся во сне. Конан позавидовал ему.

Его, Конана, сны были почему-то кошмарными. Сегодня, например, ему приснилось, что он оказался в запертой камере в компании Эртеля... Кстати, как там Эртель с Велланом? Удалось им чего-нибудь обнаружить или еще нет? Наверное, нет — слишком мало времени прошло.

Тотланта в комнате не обнаружилось. Похоже, стигиец был ранней птичкой.

Варвар умылся, взял меч и вышел в коридор, сразу же наткнувшись на Джарефа.

— А я думал, ты еще спишь, — сказал бритунiec. — Вообще-то я иду вас будить. Завтрак подан, а твой приятель-маг сидит внизу и ждет вас.



Конану пришлось вернуться обратно в комнату и не без сожаления растолкать Эмерта. Вдвоем они спустились вниз, в обеденную комнату.

Завтрак был простой, но обильный.

Конан съел приличных размеров кусок жаркого и яичницу-глазунью с салом, залив все это кувшином сетного красного вина. Вскоре с едой было покончено и можно было спокойно поговорить. Служанка (симпатичная грудастая девчонка, украдкой строившая Конану глазки) унесла грязную посуду. Киммериец откинулся в кресле, ковыряя длинным ногтем большого пальца в зубах, и поинтересовался:

— Джареф, как до дому добрался?

— Без приключений, — со смехом ответил бритуниец. — А тут мне вдруг повезло. Родственники решили, что я наконец взялся за ум и пристроили на службу. Жил себе спокойненько...

Конан ухмыльнулся, догадавшись, что имеет в виду Джареф.

— Ладно, не страдай. Мы у тебе еще ночьку переночуем, а потом нам надо уносить из города ноги. Мы вообще-то убийцы, я четверых убил, а Эмерт — двоих.

— Я слышал, — кивнул Джареф и обиженно добавил: — Я же пошутил! Живите, сколько хотите, только городской страже на глаза не показывайтесь.

— Ладно, забыли, — отмахнулся Конан. — Лучше расскажи, как у вас тут с оборотнями.

— Долгая и по большей части неинтересная история, — попытался увильнуть от ответа Джа-



реф, но киммериец не позволил ему отмолчаться:

— Это ничего. Времени у нас много, так что начинай. Мы внимательно слушаем.

Джареф почесал в затылке и хлебнул вина.

— Ну хорошо. Только не перебивайте, а все вопросы зададите потом.

Конан согласно кивнул и тоже отхлебнул из своего кубка.

— После того, как вы уничтожили в Пограничье последний боевой отряд, здесь, в Бритунии, началось массовое прозрение и повальное бегство, — начал свой рассказ Джареф. — Вождь на самом деле очень хороший оратор и, пользуясь Книгой Бытия, сумел зажечь огонь ненависти к людям в сердцах большинства представителей нашего рода. Мы ведь все-таки немного звери и у нас есть за что мстить людям, — извиняющимся тоном добавил он. — Ну вот, за Вожаком пошла почти вся Бритуния, но... Кончились успехи в Пограничье. Погибло много наших, боевые отряды стали распадаться. А потом пришло известие о бойне в Черном Храме и гибели Деррека. Тут началось такое... Не меньше трех четвертей оборотней заявили, что свои шкуры им дороже, а потому они возвращаются по домам. Теперь с Вожаком осталась только горстка преданных ему соратников. Они упорно и небезуспешно рвутся к власти, только это спасет их изрядно пошатнувшийся авторитет. Король Эльдаран совсем плох. Это только с виду кажется, что он еще крепкий старик, а на самом деле он насквозь прогнил.



Как огромный пень, который вроде ничем не выкорчевать, а стукни его посильнее — и он рассыплется в труху. Также и с королем. Еще немного — и начнется грызня за трон.

— А у Эльдарана есть наследники? — поинтересовался Конан. — Я знал принцессу Эльспет, но она давно умерла и детей у нее вроде как не было. Кроме нее, есть кто-нибудь?

— Поговаривают, что нынешняя пассия короля забрюхатела, — презрительно фыркнул Джареф. — И, может быть, родит наследника или наследницу. Только мне не верится, будто в шестьдесят лет Эльдаран смог что-то там зачать. Скорее всего, папаша вероятного наследника — кто-нибудь из гвардейцев. Но это неважно, главное — кто станет регентом. Все шансы у Вегеля. Конечно, еще есть Альбиорикс, но он больше воин, нежели правитель. И не стоит забывать о свихнувшемся Кейлаше. Он наверняка попытается усадить на трон внебрачного сыночка короля, заделанного какой-нибудь девице в горах во времена буйной молодости нашего правителя. И еще полезут из всех углов знатные вельможи и старое дворянство... Свара будет! — Джареф поцокал языком. — Вот, пожалуй, и все.

— Ты не назвал ни одного имени оборотня, — напомнил Конан. — Почему?

Джареф замаялся и молчал достаточно долго. Потом все же ответил:

— Мне их делишки уже вот где стоят... Но выдавать их я не хочу и вряд ли стану. Они мои сородичи, и этим все сказано.



— Ну хоть какое-нибудь имя назови, — умоляющим тоном попросил Конан.

— М-м... Альбиорикс. Вегель. Достаточно?

— Нет, — честно признался Конан. — Но и на этом спасибо.

— Не за что. — Джареф поднялся из-за стола. — Желаю удачной охоты, а мне пора на службу.

Он ушел. Конан тоже встал:

— Все помнят, что они должны делать? К вечеру возвращаемся сюда.

— Уже иду, — сказал Эмерт, отставляя в сторону кубок.

— Да-а, а мне хуже всех, — возмутился Тотлант. — Вы хоть по городу пройдитесть, а должен здесь торчать!

— Не хочешь — не торчи, но из костра мы тебя вытаскивать не будем, — отрезал Конан, накинул теплый плащ и вышел на улицу.

* * *

Контора старого шемита Аль Браско находилась на улице Наемников, в большом каменном трехэтажном здании. Этот дом шемит приобрел в первый же год своего пребывания в Пайрогии, истратив на него половину украденных у Конана денег. Правда, сначала ему приходилось сдавать часть здания внаем, но это происходило десять лет назад.

Над огромной дубовой дверью полуфутовой толщины висел ярко раскрашенный щит с гербом конторы — два меча, скрещенных на фоне туго набитого мешка.



За дверью начинался коридор, куда выходили оружейные комнаты, склады и прочие хозяйственные помещения. На втором этаже располагались комнаты для безработных в данный момент наемников. Даже внизу были слышны их пьяные выкрики и громкий стук игральные костей о столы, не оставляющий сомнений в их времяпровождении.

Кабинет Аль Браско был на третьем этаже, у лестницы. Обычно шемит сидел там, просматривая бумаги, заказы и жалобы, принимал посетителей и желающих наняться на работу.

Вот и сегодня, в прекрасный зимний солнечный денек пятидесятипятилетний шемит восседал за своим массивным столом черного дерева и читал донесение командира одного из своих отрядов. До этого к нему уже заходили два купца, просили охранников, но нашли цены Аль Браско слишком высокими. С одним удалось торговаться, с другим — нет. Что ж, ему же хуже.

Других наемников в городе нет, а когда купец прибежит сюда (а он должен уже показаться), то узнает, что цена на услугу выросла вдвое...

Аль Браско дочитал пергамент и взял следующий. Его все больше беспокоило бесследное исчезновение Фалкона и его команды. Они просто как сквозь землю провалились, а с тех времен прошло уже почти две луны! Аль Браско ума не мог приложить, что могло случиться с такими прекрасными воинами, как Фалкон и его люди.

А еще шемита преследовали воспоминания далекой молодости и мысли об обобранном до



нитки компаньоне. Прошло уже пятнадцать лет, а он все еще опасался, что в такое же вот прекрасное утро дверь распахнется и на пороге появится высокий черноволосый тип с нехорошим прищуром ярко-голубых глаз...

Аль Браско не мучила совесть. Он куда больше боялся неминуемой расплаты и потери с таким трудом созданного дела. Шемит убеждал себя, что Конана уже давно зарезали в кабацкой драке или повесили за очередной грабеж. А может, он утонул в болоте где-нибудь в Черных Королевствах! Да мало ли что могло случиться с таким искателем неприятностей на собственную голову, каким был киммериец!

В общем, давно пора избавляться от страхов, сказал себе Аль Браско и попытался вернуться к чтению, но буквы прыгали и расплывались перед глазами. Шемит со вздохом отложил свиток и сжал голову руками. Да, сегодня выдался какой-то на редкость неудачный день...

...Конан без труда разыскал единственную в Пайрогии контору наемников. Остановившись у входа, он долго и с искренним восхищением разглядывал добротное каменное здание.

«Старый жмот меня, наверное, уже и не помнит,— размышлял киммериец.— Однако визит вежливости я ему все-таки нанесу. Пускай порадуется встрече...»

Конан похрустел костяшками пальцев и с мрачной ухмылкой подошел к дверям.

...Человек все-таки навсегда сохранил присущее диким животным умение заранее чувство-



вать приближающуюся опасность, и как Аль Браско ни пытался отогнать тревогу, она все росла и росла. «Что же это такое,— уговаривал себя шемит.— Бояться каких-то призраков. Эдак я скоро от собственной тени начну шарахаться...»

А Конан в это время открыл тяжелую створку и вступил в темный коридор. Навстречу ему сразу шагнули два субъекта весьма подозрительного вида. Оба выбриты наголо, с круглыми золотыми серьгами в ушах, у обоих за поясами широкие тесаки. По виду — аргосцы.

— Тебе чего, северянин? — хмуро спросил тот, что был повыше.

— Вообще-то я старый друг вашего хозяина,— как можно доверительнее сказал Конан.— Вот, был проездом в Бритунии и решил заглянуть.

— Хозяин никого не принимает...— начал было второй, но Конан перебил его коротким:

— Не пропустите — все кости переломаю.

— Попробуй,— презрительно бросил высокий.

Конан не стал долго возиться. Первого он на полдня усыпил ударом в шею, а второму дал в солнечное сплетение, а затем добавил по затылку сложенными в замок руками. Перешагнув через слабо дергавшиеся тела, киммериец фыркнул (Аль Браско в своем кабинете вздрогнул) и начал подниматься по длинной деревянной лестнице. Ступеньки под ним тихонько поскрипывали.

Аль Браско прислушался и насторожился.

Ступени начинали скрипеть только под достаточно тяжелыми людьми. Воображение тут же с готовностью нарисовало ему образ разъяренно-



го варвара, однако шемит немедленно отогнал эту мысль. Как и сильнейшее желание спрятаться куда-нибудь и уже из надежного укрытия посмотреть, кто пришел. Вместо этого он обреченно вздохнул и сделал вид, что погружен в чтение. Надо будет быстренько выпроводить посетителя и отправиться вздремнуть. Иначе точно недолго сойти с ума...

...Конан немного постоял, любясь позолоченной ручкой в форме оскаленной волчьей головы, затем толкнул дверь и вошел.

Аль Браско, уже приготовившийся сказать свою любимую фразу: «Сохранность товара и тайна перевозки гарантируется», икнул и потерял дар речи. Он так и застыл, подавшись вперед, с выпученными глазами и полуоткрытым ртом.

Конан вразвалочку подошел к столу, откровенно посмеиваясь над произведенным эффектом, присел на край, небрежно скинув на пол кучу свитков, и осведомился:

— Ну что, не ждал, приятель?

Шемит понял, что немедленно убивать его, кажется, не собираются. Конан здорово изменился. Лет десять назад киммериец ворвался бы в комнату Аль Браско, предварительно измолотив всех его людей, и без всяких разговоров раскрыл бы череп. Лет пять назад перед тем, как прикончить, долго пиная бы шемита ногами и спрашивал, как ему жилось на украденные денежки.

Но сейчас... На киммерийца напало какое-то странное, не свойственное ему благодушие. Этим нужно было пользоваться.



Аль Браско торопливо возблагодарил Митру, Иштар, Бела и всех, кого еще вспомнил, а особенно Крома — за то, что удержал своего не в меру буйного питомца от жестокого, но вполне заслуженного убийства «старого, больного человека». А так как киммериец задал вопрос, он, очевидно, ждал ответа. Шемит решил не злить непредсказуемого варвара задержками и приготовился обрушить на него целый ушат дифирамбов, перемешанных с оправданиями и жалобами на тяготы жизни. Для начала он выпалил:

— Конан, я взял твои деньги, потому что был уверен, что ты вусмерть упился, и они тебе больше не понадобятся.

Конечно, это была ложь. Однако она немного походила на правду и была единственным разумным ответом, пришедшим в голову шемиту.

Конан ухмыльнулся. Он примерно представлял, что творится в душе вороватого компаньона, и догадывался, что шемит больше всего опасается, как бы варвар не сделал из одного Аль Браско двух. У Конана была мысль вытрясти из шемита все имеющиеся деньги, а потом прикончить его, но потом он понял, что не сможет убить старика. Скорее всего, он просто заберет то, что ему причитается... ну, и надает Аль Браско по морде. Варвар еще некоторое время с интересом слушал разнообразные причитания шемита, и, когда тот вконец запутался, перебил его резким вопросом:

— Хватит трепотни. Куда деньги дел, мерзавец?



— В этот дом вложил,— испуганно ответил Аль Браско.

— Значит, так,— начал Конан. Ему надоело сидеть на краю стола и он подвинул себе кресло.— Сколько нам Тот-Амон и его компания заплатили на двоих?

— Тысячу стигийских тиллей,— без запинки отвечал шемит.— Послушай, Конан...

— Заткнись,— приказал киммериец.— Память у тебя хорошая, но один удар мечом — и она станет очень плохой. Хочешь?

— Не-ет,— заикаясь, выдавил шемит.

— Так вот,— продолжил Конан.— Ты бросил меня без медяка в кармане посреди этого дурацкого Эрука и смылся. Думаешь, мне пришлось легко? В общем, я считаю, будет вполне справедливо, если ты вернешь мою долю... в двукратном размере. Я согласен взять ее любыми деньгами — хоть стигийскими, хоть бритунийскими. Ты человек богатый, и в этой комнате наверняка отыщется такая сумма. Я прав? — При этих словах Конан как бы невзначай погладил рукоять меча.— Да не трясись ты, смотреть противно! Я пришел только забрать долг, да еще поговорить с тобой кое о чем.

Аль Браско несколько приободрился, скрылся за своим массивным столом, долго гремел выдвижными ящиками, затем с вымученной улыбкой выложил на столешницу два увесистых кожаных мешочка.

— Здесь по тысяче шелонгов в каждом,— сказал он, придвигая мешочки к варвару. Конан не



поленился, развязал мешки, проверил некоторые монеты на зубок и остался доволен.

— Ну вот мы и в расчете,— заключил киммериец.— Самое страшное уже позади. А теперь поведай-ка мне, что любопытного происходило, происходит и будет происходить в вашем заолустном городишке? Такой старый лис, как ты, всегда в курсе всех сплетен.

— Новость дня,— торжественно сказал почти успокоившийся Аль Браско. В конце концов, что такое потеря двух тысяч золотых по сравнению с сохраненной жизнью? — Вчера на королевском пиру во время потешного боя заезжий силач прикончил дарфарца Мбвангу...

— Тоже мне, новости! — хмыкнул Конан.— Это я решил чуток размяться.

— Мне следовало сразу догадаться,— с затаенной горечью прошептал шемит.

— Чего ты там бормочешь? — немедленно последовал резкий окрик.

— Ничего особенного,— торопливо сказал Аль Браско.— Вспоминаю, что еще такого случилось, что могло бы тебя интересовать. Ночью был пожар, сгорело восемь человек. Поговаривают,— шемит перешел на тихий шепот,— это дело рук какого-то черного мага!

— Тоже не новость,— отмахнулся Конан.— А об оборотнях ты чего-нибудь знаешь?

— О каких оборотнях? — выпучил глаза Аль Браско.— Да не бывает их!

— Было бы время, я тебя познакомил кое с кем, и ты тут же быстренько сменил мнение,—



проворчал Конан.— Слушай, а лично у тебя и твоей конторы ничего странного в последние месяцы не случилось? Скажем, люди не пропадали?

Аль Браско нахмурился, изображая глубокую задумчивость. На деле, он прикидывал, говорить ли варвару о Фалконе. Наконец, решил:

— Представления не имею, зачем тебе это все нужно, но в начале осени исчез один из моих лучших воинов, вместе со своим отрядом и купцом, чей груз они охраняли.

— Где это случилось? — Конан подался вперед.

— Понятия не имею,— честно ответил шемит.— Их нанимали сопроводить купца до Султанапура и обратно. В Султанапур они прибыли, это я точно знаю. А обратно не вернулись. Никаких следов, никаких свидетелей и даже никаких подозрений.

— А еще? — спросил киммериец.

— Больше ничего,— развел руками Аль Браско.— Если не считать того, что король Эльдаран не сегодня-завтра помрет и начнется большая драка за трон... Но давно это уже не новость.

И тут дверь кабинета с грохотом 'распахнулась. На пороге толпились вооруженные до зубов наемники Аль Браско. Старый шемит немедленно отскочил от стола и пронзительно завопил:

— Хватайте его, идиоты!

Конан, только что вроде бы безмятежно развалившийся в кресле, мгновенно оказался на ногах, выхватил меч и, выставив его перед собой, криво усмехнулся:



— Аль Браско, тебе не кажется, что кому-то сейчас здорово достанется?

Шемиту не повезло. В этот день в его доме не было ни одного стоящего бойца. Такого, например, как сгинувший без вести Фалкон. Подобных ему ребят, вне зависимости от стоимости их услуг, нанимали в первую очередь. А в конторе по большей части околачивались вчерашние бандиты, годные только на роль вышибал в захудалом трактире. И вот сейчас восемь таких неуклюжих чудовищ попытались справиться с человеком, который сбивался, пытаясь сосчитать приконченных им противников.

Возглавлявший наемников толстопузый вислоусый мужик размахивал тяжелой шипастой булавой. В умелых руках это было страшное оружие, но в том то и дело, что сжимавшие булаву руки таковыми не являлись.

Нападавший без особых затей нацелился треснуть Конана по голове. Естественно, что киммериец легко ушел вниз и двумя взмахами выпустил неудачнику кишки. Дальше варвар удачно парировал удары сабли и топора, увернулся от кистеня, чуть не попал под меч, но в последний миг успел перехватить запястье противника. Ответный удар снес нападавшему голову.

Владелец кистеня стал третьей жертвой. Кистень в пешем бою, да еще в ограниченном пространстве — оружие неудобное и способное доставить своему носителю массу неприятностей. Кистеньщик успел только отвести руку для удара, а через миг Рангильдор вскрыл ему горло.



Оставшиеся в живых побросали оружие и с воплями бросились вон из комнаты. Охваченный боевым пылом киммериец выскочил вслед за ними и разрубил позвоночник замешкавшемуся.

Остальные припустили вниз по лестнице, за ними Конан уже не погнался. Он вернулся в кабинет, вытирая подобранной с пола тряпкой кровь с лезвия.

Аль Браско забился в угол и смотрел оттуда испуганными глазами, тихонько подвывая.

Конан неторопливо подошел к нему и поднял меч. Шемит зажмурился и беззвучно заплакал.

Киммериец посмотрел на него, сплюнул, прицельно попав в разлетевшиеся по полу пергаменты, и убрал меч в ножны.

Проворчав: «Ладно, живи», он подхватил свои мешки, неспешно спустился по лестнице, не встретив ни живой души, и вышел на улицу.

Полдень еще не наступил, и Конан пошел по медленней, чтобы не примчаться на встречу с Кейлашем раньше времени. Все равно до назначенного срока в таверне никого не будет. Народу на улице было не очень много, так что Конан просто неторопливо шел по улице, наслаждаясь холодным днем и еле слышным позвякиванием монет в мешках. На редкость удачно все сложилось, и даже долг пятнадцатилетней давности удалось вернуть. Теперь и загадки оборотней будет легче разрешить — золото обладает замечательной способностью развязывать языки... А Аль Браско все-таки старая сволочь. Наверное, он, копаясь в столе, дернул за какую-нибудь



спрятанную веревку и просигналил своим головорезам. Или кто-то наткнулся на избитых Конаном охранников у входа. Впрочем, какая теперь разница? А вот разузнать, кто подsunул киммерийцу магическое подслушивающее кольцо, было бы неплохо...

Занятый своими размышлениями, Конан даже не заметил, что его окликают. Только после второго раза киммериец повернул голову, выискивая взглядом крикуна.

Оказалось, зовет его тот самый рыжий стражник, что два дня назад собирал с них пошлину за въезд в Пайрогию.

— Привет, северянин! Не знаю, как тебя зовут, а вот меня — Гуннар. Говорят, ты уже успел тут натворить дел и перебить десяток-другой человек?

— Да, успел, — невозмутимо сказал варвар. — Только не десяток, а немного поменьше. Но у меня еще остался целый сегодняшний день, так что не все потеряно... Я Конан из Киммерии.

После рукопожатия Гуннар предложил:

— Слушай, пойдем куда-нибудь, выпьем за знакомство. Я, понимаешь, только с дежурства освободился, а выпить ну совершенно не с кем!

— Вообще-то мне к полудню надо быть в таверне «Сын гор», — вспомнил Конан. — Меня там ждут... Если хочешь — пошли, там и выпьем.

— «Сын гор» так «Сын гор», — беспечно сказал Гуннар. — Какая разница, где пиво пить?

— Никакой, — согласился Конан. — Ну, идем?



ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Конан громит таверну,
а потом беседует с неожиданным другом



прятное здание украшала потемневшая от непогоды вывеска. На ней огромный, замотанный в козлиные шкуры, бородатый кезанкий горец с довольным видом подносил ко рту пивную кружку невероятных размеров. Левее рисунка бритунийскими рунами было вырезано: «Сын гор».

Гуннар, шевеля губами и покачивая головой, по буквам прочитал название заведения и, обернувшись, сказал ухмыляющемуся Конану (который, по выражению Эртеля, был «Шибко грамотный» и уже успел разобрать кривую надпись):

— Вот и пришли. Тебе сюда...

— Ты что, здесь никогда не был? — спросил Конан, открывая широкую скрипучую дверь.

— А что мне бывать-то здесь? — удивился Гуннар. — Я что, похож на горца?

Конан окинул критическим взглядом плотную фигуру нового знакомого:

— Скорее уж на нордхеймца.



— Так и есть, — расплылся в улыбке стражник. — Верить или нет, но мой дед был ванахейским ярлом!

— И однажды ему в добычу попала твоя бабка, — проворчал Конан, заходя в трактир. — Что свело его раньше времени в могилу.

— Угадал, — подтвердил Гуннар и шагнул следом. — Только насчет бабки — это ты зря...

Внутри трактир мало чем отличался от себе подобных заведений, разбросанных по всему Закатному Материку. Слева от входа деревянная стойка с водруженной на нее огромным бочоном пива. У дальней стены сложенный из дикого камня и почерневший от старости очаг, в котором весело плясало пламя, жадно облизывая баранью тушку. Остальное пространство, как и положено, занимали тяжелые массивные столы, изрядно подпорченные временем, оружием буйных посетителей и пролитым пивом. К столам были придвинуты трехногие табуреты.

Было еще слишком рано для появления завсегдатаев. Трактир был почти пуст, только за угловым столом, как раз возле очага, сидели пятеро угрюмых кезанкийцев. Все, как один, в куртках мехом наружу и потертых кожаных штанах. У каждого на боку тяжелая кривая сабля, заточенная с обеих сторон. Люди, не знакомые с этой традицией Кезанкии, рисковали заплатить за свое невнимание жизнью. Конан и сам давным-давно чуть не лишился руки. Спасла его только небрежность горца, плохо ухаживавшего за своим клинком и забывшего вовремя поправить за-



точку. Тупое и иззубренное лезвие лишь разорвало варвару кожу, но не справилось с костью. Незадачливый вояка тут же отправился к предкам. Однако полученный урок (рана окончательно зажила только через полтора месяца) не прошел даром, и киммериец с уважением относился к кезакийским саблям.

Горцы медленно тянули пиво и переговаривались на своем языке. Кейлаша среди них не было.

Конан решил немного скрасить ожидание с помощью кружки пива и куска баранины, благо туша в очаге уже почти дожарилась, приобретая коричневую корочку и изумительный запах. Гуннар тоже был не против слегка закусить.

Они сели у стены, поближе к камину, откуда было удобно наблюдать на залом и входной дверь. Несмотря на плотно прилегающую створку, внутри было немногим теплее, чем снаружи, на улице. Очаг не мог согреть весь просторный зал.

Едва новые посетители опустили на табуреты, как к ним не спеша направился сам хозяин трактира, до того меланхолично потягивавший пиво за стойкой. Хозяин, к удивлению Конана, не имел ничего общего с кезанкийскими горцами. Он был чистокровным бритунийцем: коротко обрезанные светлые волосы, ухоженная бородка (опять же светлая), прямой нос, тонкие губы и зеленые глаза, смотревшие пронизательно и с долей хитрости. Конан еще раз удивился отсутствию внушительного брюха, отличавшего большинство содержателей трактиров. Здешний хозя-



ин выглядел стройным и подтянутым. Несмотря на холод, он носил кожаную безрукавку, и мышцы на обнаженных руках выглядели крепкими и сильными. Дополнял костюм неизменный белый передник, хоть и заляпанный пивом и жиром, но достаточно чистый. «По крайней мере, его недавно стирали», — отметил Конан. Он знал некоторых трактирщиков, которые меняли передник только тогда, когда он просто сгнивал.

— Что угодно? — с холодной учтивостью спросил хозяин.

— Пару кружек пива и жаркое, — сказал Конан, кидая на стол завалившуюся в кошельке золотую монету Пограничного королевства.

Трактирщик недовольно скривился, взял монету, осмотрел ее, придирчиво вертя в руках, и даже попробовал на зуб.

— Тут золота не больше, чем здесь, — наконец вынес он решение и для наглядности постучал по деревянной столешнице. — У вас, случаем, нет бритунийских денег? Пиво стоит стер за кружку, мясо — два стера. Итого четыре.

Конан недобрый словом помянул Пограничное королевство и Эрхарда в придачу.

— Слушай, хозяин, а четыре монеты Пограничья тебя не устроят?

— И что я потом буду с ними делать? — едко поинтересовался трактирщик. — Оставляю на память? Они не имеют никакой цены. Уж не знаю, бедные там все в Пограничье или дорогие, но золота в их деньгах не больше двух частей, остальное медь...



Гуннар порывлся в кошельке и швырнул на стол бритунийскую монету в пять стеров с изображением герба страны — скачущей лошади.

— Держи.

— Совсем другой разговор, — желтый кругляшок исчез в кармане фартука, а к Гуннару покатились стер сдачи. Трактирщик отправился на кухню за заказом, но, уходя, бросил Конану:

— Послушай доброго совета: если у тебя только такое золото, поменяй его. Много, конечно, не выручишь, зато избавишь себя от постоянных неприятностей.

Киммериец выслушал его с кислой миной. Он уже прикинул, в какие убытки вогнали его Эрхард и старейшины Брита. Позже ему предстояло не раз вспомнить щедрость своего приятеля, когда ростовщик вручил ему за двадцать пять тысяч Пограничного королевства всего пятьсот золотых шеллинов Британии.

— Где найти хорошего менялу? — спросил Конан, тяжело вздохнув.

— На улице Рыночных ворот, на самом рынке, на Золотой улице или на площади Копий, — отозвался владелец трактира.

Киммериец еще раз вздохнул и решил, что, когда вернется в Пограничье, устроит Эрхарду хорошую взбучку. И наплевать, что бывший десятник стражи нынче нацепил на себя корону!

Симпатичная служанка из местных уроженок принесла поднос с внушительным окороком и двумя кружками. Отхлебнув пива, Гуннар предложил:



— Хочешь, отведу к знакомому ростовщику?
— Договорились,— буркнул Конан и принялся за окорок.

— Оставь половинку,— попросил Гуннар, глядя, с какой скоростью исчезает мясо. Конан промычал что-то с набитым ртом, но, увидев, что его не поняли, погрозил кулаком.

— За мой счет жрет и делиться не желает! — весело удивился стражник.— Сидел бы сейчас голодный и без пива...

Конан отмахнулся от него и продолжил трапезу.

Наевшись и напившись до отвала, киммериец прислонился к стене, скупающим взглядом рассматривая закопченный потолок.

Гуннар, опершись локтями на стол, медленно прихлебывал терпкое светлое пиво, держа кружку обеими ладонями.

Сквозь мутную слюду окна с трудом пробивались алые лучи заходящего солнца. В Пайрогии наступал по-зимнему ранний вечер, однако посетителей в трактире не прибавилось. Хозяин скупал за стойкой. Горцы о чем-то шептались в своем углу, изредка бросая в сторону киммерийца настороженные взгляды. Конана они несколько не беспокоили. Горцы выглядели слишком испуганными, слишком долго прожившими в городе, слишком одомашнившимися. Тигра нельзя приручить, но можно смирить и засадить в клетку.

Варвар знал, что эти не нападут первыми, но на всякий случай проверил, легко ли выходит из ножен Рангильдор.



Дверь внезапно с грохотом распахнулась: очевидно, ее наградили снаружи хорошим пинком. В трактир гурьбой ввалились человек восемь. Все в одинаковых куртках из толстой кожи с вшитыми стальными пластинами и заклепками. Тяжелые плащи, подбитые мехом, теплые стеганные шапки, а уж оружием увешаны — дальше некуда. У шестерых из-за плеч торчат рукоятки парных мечей, у двоих колчаны, полные стрел. У троих Конан заметил небольшие кистени, мелькнули странная длинношипная булава и тяжелая секира на длинной рукояти. Число разнообразных ножей, кинжалов, стилетов и мизерикордов, вообще, казалось невероятным.

Конан презрительно ухмыльнулся. Таким количеством орудий убийства обвешиваются только мальчишки-недоучки, стремящиеся произвести впечатление. Настоящие мастера и просто умелые воины никогда не станут нагружать себя лишним железом. Ну как, скажите, можно одновременно использовать два меча, двуручную секиру, булаву и копье впридачу? Поэтому варвар не придал никакого значения тому, что вся веселая компания расположилась в двух шагах, за соседним столом. Гуннар, однако, беспокойно заерзал:

— Может, пойдем куда-нибудь в другое место?

Ответом ему был полный безмерного удивления взгляд.

— Мальчишек испугался? Они ведь и оружие толком держать не умеют!..



— Я знаю одного из них, вон того, с булавой на коленях,— Гуннару явно было не по себе.— Он из личной охраны Вегеля. А у советника в телохранителях настоящие мастера!

— Брось. Какой воин будет цеплять на себя столько побрякушек? — Конан по-прежнему не видел в оживленно болтающих парнях возможных соперников.

— Это маскарад,— убежденно ответил Гуннар, нервно глотнув пива. Конан заметил, что руки у стражника слегка дрожат.— Чтобы ничего не заподозрили. Они подождут, пока мы расслабимся, а потом нападут...

— Думаешь, они пришли за мной? — спросил, наклонясь к нему, Конан. Варвар больше не улыбался.

— Надеюсь, что я отобьюсь,— серьезно проговорил Гуннар.

— Пусть попробуют,— нехорошо ощерился Конан. Рангильдор под столом лишился ножен.

— Чего ты их так боишься? — спросил киммериец немного погодя.

— Как же бедному простому стражнику не бояться отродий Нергала...— неохотно ответил Гуннар.

— Что ты имеешь в виду? — перебил Конан.

— Ты что, не знаешь? — искренне удивился Гуннар.

— Не знаю чего? — теперь настала очередь Конана удивляться.

Гуннар понизил голос до едва слышного шепота:



— В охране Вегеля — оборотни и упыри. Так, во всяком случае, говорят знающие люди...

Киммериец ухмыльнулся углом рта:

— Знающие люди... Ха! Наслушался базарных сплетен...

— Пошел ты, варвар,— оскорбился Гуннар.— Я-то уж наверняка побольше твоего знаю!

— Не верю,— заявил Конан, но в душе у него шевельнулся клубок сомнений. Он припомнил, что говорил Джареф... «Может, Гуннар в чем-то и прав?» Варвару неожиданно стало не слишком уютно. За окнами окончательно стемнело, Кейлаш все не появлялся...

Веселая компания трепалась и пила пиво.

Конан и Гуннар в это время сидели, как на муравейнике — ерзали на табуретах и проверяли оружие.

* * *

Дверь снова хлопнула. В трактир ввалился несколько необычный посетитель — вымазанный кровью и грязью человек. Он, пошатываясь, остановился на пороге, оглядывая помещение белесыми пустыми глазами.

Конан с некоторым изумлением заметил, что у странного гостя нет зрачков, а пальцы вместо полагающихся ногтей заканчиваются толстыми, загнутыми когтями черного цвета.

В следующее мгновение жутковатое создание, испустив пронзительный крик, помчалось к столу варвара, подняв руки с растопыренными когтями.



Как утверждали друзья киммерийца, в миг настоящей опасности он мог действовать со скоростью молнии. Плащ и ножны полетели в одну сторону, отброшенный ударом ноги табурет — в другую. Растерянн моргающий Гуннар даже не понял, как оказался на грязном полу. Стражник больно ударился плечом, но не издал ни звука — слишком был велик страх перед несущимся прямо к нему чудовищем.

Все это произошло в течение одного вдоха. Взмахнулся к плечу Рангильдор. Меч ярко сверкал и чуть ли не искрился.

Чудовище уже не имело ни малейшего сходства с человеком. Руки-лапы удлинились, глаза сузились, на голове выросли шипы и в довершение всего за спиной взлетел хвост, оканчивавшийся длинным жалом.

Таких тварей Конану еще видеть не приходилось. Он не сомневался, что существо — порождение черной магии. «Все беды мира — от недобитых магов», — страдальчески подумал варвар.

Создание прыгнуло, раскрыв зубастую пасть, правая лапа метнулась вперед, к горлу человека, неподвижно стоявшего с чуть опущенным мечом в руках.

Конан рассчитал все с точностью бывалого воина. Когда тварь оттолкнулась от пола, он левой рукой ухватился за край тяжелого стола и рванул его вверх. Дубовый стол с грохотом перевернулся, ударив существо по ногам и остановив прыжок. Оно яростно махнуло вытянутой лапой поверх столешницы, но не дотянулось.



Обхватив рукоять меча обеими руками, киммериец с воплем обрушил сверкающее лезвие на спину противника. Меч с хрустом пробил не то кожу, не то чешую, заскрежетал о кости. Тварь пронзительно и тонко завизжала, прогибаясь под клинком и весом навалившегося сверху человека. С клыков зверя капала желтая слюна, из-под лезвия выступила зеленовато-гнильная кровь. Когтистые лапы бестолково молотили воздух, слишком короткий хвост не доставал до Конана, а он, напрягаясь, толкал меч все дальше, пока острое не пробило тело врага насквозь.

Затем варвар уперся ногой в столешницу и могучим рывком выдернул клинок. Тварь взревела и обмякла. Бессильно повисли лапы и хвост. Из глубокой раны толчками лилась густая зеленоватая жидкость.

Пока киммериец дрался с демоном, горцы и компания охранников повскакивали со своих мест и обнажили оружие. Гуннар, по-прежнему лежа на полу, не сводил расширенных от ужаса глаз с издыхающей твари...

От смерти Конана, который тяжело дышал и осматривал лезвие Рангильдора, спасло только врожденное чувство опасности. Именно оно заставило варвара резко отпрыгнуть вправо и пригнуться. Над местом, где он только что стоял, просвистел широкий кинжал и впился в стену как раз на уровне горла киммерийца. Бросок был, надо отдать должное, мастерский.

В следующее мгновение четверо обвешанных оружием парней напали на Конана. Один из



лучников подбежал к двери и предусмотрительно запер ее на засов, еще один человек скрылся на кухне, откуда вскоре донеслись вопли и звон падающей посуды, а двое оставшихся атаковали горцев. На Гуннара, валявшегося на полу под прикрытием столов, никто не обратил внимания.

Конану пришлось весьма трудно. Он еле успевал отражать град ударов, посыпавшихся на него со всех сторон. Варвар только и делал, что подставлял Рангильдор то под меч, то под секиру, то под булаву. При этом ему приходилось все время пятиться, лавируя между столами.

Тем временем Гуннар осторожно поднялся и сел на корточки, стараясь не попасться на глаза лучнику возле входной двери, и медленно пополз на помощь Конану. Варвар тоже старался не поворачиваться спиной к лучнику.

Тот пару раз выстрелил, но умудрился только оцарапать щеку своего приятеля, заработав в ответ порцию отборной брани. Стрелок опустил лук, ограничившись наблюдением за дракой. Любопытство его и сгубило — он так увлекся, что не заметил, откуда прилетел кинжал, отправивший его к Нергалу.

Кинжал принадлежал Гуннару, и, не успело тело лучника коснуться досок пола, как доблестный потомок ванахейского ярла с боевым кличем напал сзади на атаковавших Конана молодых.

Неожиданный вопль сзади вызвал среди нападавших краткое замешательство. Им немедленно воспользовался киммериец, расколов череп за-



мешкавшемуся обладателю секиры, стоявшему ближе всех. Теперь у варвара осталось только два противника, третий достался Гуннару.

Кезанкийским горцам не везло — уже трое из них валялись под столами. Правда, один из бандитов тоже погиб.

Из кухни, шатаясь и держась за живот, появился трактирщик. В руке он сжимал длинный мясницкий нож, испачканный кровью. С хриплым воем хозяин взмахнул им и попытался ударить одного из противников Конана. Тот играючи отбил занесенную руку и ударил трактирщика булавой в лицо. Даже Конану стало не по себе от вида брызнувших во все стороны осколков костей, мяса и капель крови. Хозяин трактира рухнул на пол, по счастью лицом (точнее, тем, что осталось от лица) вниз. Нож со звоном отлетел в дальний угол.

Конан нырнул под меч второго противника и ударил его всем телом. Они рухнули на стол, дубовая столешница не выдержала и раскололась.

Люди шлепнулись посреди обломков на пол, причем Конан оказался сверху. Не успел он очухаться, как над ним уже навис парень с булавой. Киммерийцу ничего не оставалось, как откатиться в сторону. Булава опустилась, раздался шлепающий звук удара. Бандит выругался.

По разгромленному трактиру пронесся хриплый победный клич. Единственный оставшийся в живых горец поднял за волосы отрубленную голову противника. Парень с булавой рванул с пояса метательный нож. Горец, захлебываясь



кровью, отлетел в угол. Из горла торчала черная рукоять.

Смерть кезанкийца дала варвару возможность подняться на ноги. Его противник замысловато выругался и, перекидывая рукоять булавы из руки в руку, медленными шагами начал приближаться к Конану. Киммериец держал меч обеими руками, направив острие чуть вверх и, прищурившись, наблюдал за движениями врага.

Взмах, булава устремляется к голове Конана... Варвар уходит в сторону и, завершая поворот, с оттяжкой рубит... Булава вместе с доброй половиной предплечья валится на пол, в уши ввинчивается протяжный вопль... Киммериец, повернув клинок, всаживает его в живот противника, крик переходит в предсмертный стон... Истекая кровью, человек медленно, боком валится на грязные доски пола...

Тем временем Гуннар с легкостью отбивал все попытки нападавшего убить его.

Противник попался не слишком опытный и вскоре попался на старую уловку: стражник сделал вид, что поскользнулся (благо доски уже потемнели от пролитой крови) и неуклюже взмахнул руками, словно восстанавливая равновесие. Бандит с воплем занес меч высоко над головой, рассчитывая нанести последний удар, но опустить клинок не успел — Гуннар стремительно полоснул его по животу. Неприятель выронил меч, сипло вздохнул и с недоумением уставился на рваную полосу поперек куртки — из нее уже текла кровь, сбегая тонкими струйками по шта-



нам — а затем тяжело опрокинулся назад. Гуннар с облегчением вздохнул и вытер испачканное лезвие специальной тряпочкой, уже заметно побуревшей.

* * *

В трактире повисла мрачная тишина. Конан настороженно оглядывал поле боя. Столы и табуреты разломаны или опрокинуты, тут и там валяются располосованные трупы, везде кровь... Сходили, попили пива...

— Похоже, в живых остались только мы, — мрачно сказал Гуннар, кладя руку Конану на плечо.

— Уже вечер, на улице ни звука, никто не примчался на вопли... Мы что, в пустыне? И руку убери, — раздраженно сказал Конан, бросив взгляд на темное окно.

— В здешних кварталах с наступлением темноты редко кто покидает свой дом, — с мрачной торжественностью провозгласил Гуннар, направляясь к стойке.

— Воров бояться? — вытирая меч полой куртки одного из убитых, поинтересовался Конан.

— Какие еще воры? — презрительно хмыкнул стражник. — Их сюда после заката не заманишь даже за все сокровища казны, — он скрылся за стойкой и с кряхтением извлек объемистый бо-
чонок.

— Хватит говорить загадками! — разозлился варвар и пригрозил: — Сейчас кружкой запущу, если не будешь говорить, как человек!



Гуннар налил себе пива в массивную кружку с жульнически утолщенным дном и торопливыми глотками осушил ее.

— Вот что я скажу тебе, варвар,— начал он, вытерев ладонью пену с рыжих усов.— После того, как король Элдаран окончательно спятил и стал брать себе в советники всякий сброд — ну, как Вегель... Ненавижу этого заносчивого ублюдка!..

— Чем тебе Вегель-то не угодил? — бесцеремонно перебил Конан. Киммериец охватил ладонями бочонок и начал жадно глотать пиво.

— Оставь мне хоть чуть-чуть,— с усмешкой попросил Гуннар и продолжил: — Так вот, с тех самых пор в нашем городе стали очень часто вешать, сажать на кол или отрубать голову за малейшую, пусть даже самую незначительную провинность...

Конан поставил заметно полегчавший бочонок на стойку и, шумно выдохнув, спросил:

— Виселица в вашем городишке, по-моему, у Закатных ворот?

— Ты дашь мне сказать или нет? — разозлился Гуннар.

— Я просто спросил,— развел руками киммериец.— Не кипятись.

— Если не будешь перебивать, то и лишних вопросов не будет,— огрызнулся Гуннар.— Я как раз собирался рассказать, что два года назад городской страже было разрешено творить правосудие на месте. Выглядело это так. Напал на тебя, к примеру, в темном переулке грабитель, ты



его, не долго думая, хватил мечом по башке. Он — брык и с копыт, лежит как мертвый, а тут стража из-за угла выскакивает. Видят — меч у тебя в крови, под ногами человек валяется, мозги из головы вытекают... Тут тебя без разговоров хватают, ставят на колени и раз мечом по шее... И лежишь ты в дерьме, голова отдельно, тело отдельно... И объяснить, конечно, уже ничего не можешь...

— Справедливо,— ухмыльнулся Конан, снова примериваясь к бочонку.

— Особенно если эта справедливость применяется к тебе,— в сторону, но достаточно громко сказал Гуннар.

— Ко мне эту вашу справедливость еще применить надо,— назидательно отпарировал Конан.

Стражник махнул рукой — мол, такому объяснять что-либо безнадежно — и продолжил:

— Но я не об этом. Сейчас указ отменили, но правосудие по-прежнему жестокое, говорю тебе, как страж закона. В то время здесь был воровской квартал, кровь лилась рекой... Теперь люди сюда не суются, боятся мстительных духов...

— Ерунда. Бояться надо существ из плоти и крови, а призраки... Ни разу не видел, чтобы дух причинил кому-либо вред. Мертвые не кусаются,— с этими словами варвар как следует хлебнул из бочонка.

Гуннар открыл было рот, чтобы возразить, но слова замерли у него на языке, потому что...

Теперь никакими демонами даже не пахло. Человеку, знакомому как с миром потусторон-



ним, так и с привычным, зримым, отлично известно, что существа двуногие, двурукие, обладающие теплой и красной кровью гораздо опаснее любого демона. Особенно если таковые могут похвастаться ростом не меньше четырех локтей, прекрасным вооружением, кулаками размером с пивную кружку и безразличным взглядом привыкших к своему ремеслу убийц.

Их было шестеро. Каждый — как на подбор: высоченные, в плечах не меньше, а то и побольше Конана, короткие кольчужные рукава скрывают загорелые жилистые руки. У двоих рыжие курчавые бороды, еще у одного — угольно-черная. Остальные гладко бриты — из-под металлических глазниц, наложенные на конусообразные шлемы, выглядывают квадратные челюсти с узкими поджатыми губами.

Шестерка ввалилась в трактир тихо, хищно и почти незаметно. Так опытные в охоте лисы заходят в курятник. Куры продолжают спать, засунув головы под крыло, кочет во сне тихонько крикает, будто жирная утка, и не видит, что возле его горла уже щелкают длинные желтоватые клыки лесной бестии.

Конан оценил. Пусть его разум и был слегка замутнен странными событиями минувших дней, суматохой дня сегодняшнего и несколькими кружками пьянящего нектара, но все-таки варвар оставался знатоком своего дела. Гуннар не в счет, из него боец никакой. Сам Конан сможет продержаться против шестерых подобных хищников только в течение двух-трех ударов. Про-



тив одного или пары, может быть, и выстоял бы, но шестеро?.. У каждого человека есть предел возможностей, и у любого героизма — четко очерченная граница.

Пока они не нападали. Просто окружили двоих недотеп, удержавшихся на ногах в минувшей свалке, широким полукругом и замерли. Так небольшая стая волков-самцов берет в полукольцо загнанного лося. Остается лишь дожидаться приказа вожака и прыгать, вцепляясь клыками в плоть жертвы.

«Волков? — мимолетно подумал варвар. — А что, если...»

Рангильдор оставался безмятежен. Пальцы Конана, лежавшие на рукояти меча, не замечали мелкого дрожания стали, немедленно возникавшей, если рядом появлялись бешеные оборотни или любая другая нечистая сила. Значит, люди.

— Так и будем стоять? — осведомился киммарец, понимая, что если не разрядить обстановку, буря грянет с такой силой, что его и Гуннара просто сметут. Последний, кстати, предусмотрительно отошел за широкую спину варвара и оценивающе поглядывал на возможных противников.

Судя по унылому выражению лица, доблестному стражу Пайрогии происходящее отнюдь не нравилось. Если сравнивать Гуннара с любым из громил... Скала и валун. А скорее, лесная рысь и облезлый кот.

Пауза затянулась. Варвар, попутно рассчитывая пути к отступлению (если выразиться точ-



нее, к немедленному бегству, ибо бегство не всегда позор, но постоянно — необходимость), замечал, что его внимательно рассматривают из-под шлемов. Пятеро — спокойно, шестой — заинтересованно.

Вот как раз шестой у них и главный. И доспех побогаче.

— Скажите хоть словечко! — натужно улыбнулся Конан. — У меня еще осталось немного денег. Хотите, угощу?

— Благодарю, — хмыкнул тот самый, шестой. Детинушка превосходил ростом варвара на два пальца и был не менее широк.

Только сейчас Конан разглядел, что у неизвестного под кольчужным оголовьем скрывается совсем коротенькая, аккуратно постриженная светло-русая бородка. Глаза голубые, будто у Веллана. Впрочем, он не оборотень — Рангильдор об этом свидетельствует со всей ясностью.

Магия врать не может.

— «Благодарю» — это согласие или отказ? — призвав на помощь всю свою вежливость, спросил Конан. — Может быть, представимся? Друзья и родичи называют меня Конаном из Канахов, хотя какое имя дала мне мать при рождении, я и сам не помню.

— Мне гораздо интереснее, как тебя называют враги, Конан Канах, — нейтрально ответил голубоглазый.

— Ну... — закатив глаза, фыркнул варвар. — Я и слов-то таких не знаю. Однако, если ты назвал меня Конаном, значит, мы врагами не являемся.



— Пока, — уточнил незнакомец. — Поговорим? Один на один?

— А-а... А обстановка не мешает? — варвар задумчиво почесал подбородок и обвел взглядом разгромленный трактир. У ног лежали мертвые тела, подошва левого сапога Конана омывалась лужицей темной, черновато-багровой крови, кое-где по углам шевелились двое или трое раненых. — Может быть, найдем более удобный кабак?

— Здесь самое место для серьезных разговоров, — преспокойно ответил человек с русой бородой и снял шлем. Откинул бармицу. Серьезно, но в то же время хитровато и искоса взглянул на Конана.

— А меня друзья обычно кличут Альбиориксом, сыном Бойга. Отец — гипербореец, мать — бритунийка. Поэтому и имя такое странное для здешних мест.

— Пресветлый Митра и молот Крома! — ахнул варвар. — Альбиорикс? Ты откуда здесь?

— Поговорить, — пожал плечами капитан стражи бритунийской столицы. — И очень вдумчиво.

Альбиорикс глянул на своих телохранителей. Те подчинились безмолвному приказу мгновенно — двое без лишних угрызений совести добились раненых, третий взял пискнувшего что-то неразборчивое Гуннара за шиворот и едва не пинком выставил на улицу, а еще двое взяли под охрану выходы наружу и в кухню трактира. Гуннар напоследок послал Конану умоляющий взгляд, но варвар понял — с таким серьезным челове-



ком, как Альбиорикс, лучше не шутить. Если хочешь говорить наедине — сколько угодно. В конце концов, он же не стал нападать сразу? А если бы захотел выведать у Конана все его невеликие секреты, то нет ничего проще, как скрутить варвара, отправить в заповедные подземелья и познакомить там с чем-нибудь железным и горячим наподобие каленых шипцов или... Даже думать о таком не хочется!

Капитан вполне невозмутимо поднял один из табуретов, второй поставил Конану, третий использовал в качестве столика.

Без тени брезгливости оттащил в сторону пару развалившихся поодаль тел. Сам налил вина в уцелевшие кружки.

Варвар всегда был человеком простым, а потому мигом уселся и пригубил дармовое угощение. Краем глаза Конан замечал, как за окном, затянутым тонким бычьим пузырем, белеет испуганно-заинтересованная физиономия Гуннара.

— Мы все вляпались в дерьмо, — без всяких предисловий и с военной непредвзятостью заявил Альбиорикс.

— Приятно слышать, — кивнул варвар. — И что дальше?

— Хочешь спасти свою шкуру, посланник короля Пограничья? Я вот хочу... А выбираться из выгребной ямы лучше всем вместе.

— Согласен, — Конан оценил разумную мысль. — Я даже подскажу, кто нас загнал в эту яму. Бешеный Вожак? Тот, кто поднял оборотней против людей?



— И он тоже, — капитан отпил из кружки и, прищурившись, уставился на варвара. — В указанной яме мы оказались не только благодаря Бешеному. Иногда мне кажется, будто Вселенная взяла в руки поганую метлу и смела всех так или иначе замешанных в этом деле в... то самое место, о котором ты упомянул.

— То есть в Пайрогию, — уныло заключил Конан. — Можешь объяснить по-человечески?

— Пройдет еще день и настанет ночь, — голосом записного пророка изрек Альбиорикс.

— Так уж устроен мир, — остроумно дополнил варвар, но осекся, когда увидел яростный взгляд капитана. — Ты продолжай, продолжай.

— Следующей ночью, после полуночи — Час Девяти Звезд. Откроются Врата. Тогда конец.

— И что? Мне надо спасти мир? А я, между прочим, сегодня еще не обедал.

— Тупое отродье! — взревел Альбиорикс и вскочил, пинком отшвырнув табурет. — Не понимаешь, с чем шутишь? Девять звезд! Книга Бытия! Меч Склоса! Странник! Все сходится! Один к одному!

— Тихо, тихо, — замахал свободной левой рукой варвар, а правой протянул капитану кружку. — Давай по порядку. Какие звезды, при чем здесь Книга Бытия, откуда в Бритунии появился меч Склоса и кто такой Странник? Поверь, ни о чем, кроме священной книги оборотней, я не знаю!

Альбиорикс шумно выдохнул, успокоился и почему-то сел прямо на пол.



— Все демоны мира! Я был уверен, что люди из Пограничья, присланные истинным вожаком оборотней, приехали помочь нам... Неужели ты на самом деле не врешь? И никогда не слышал о Вратах?

— Никогда,— отрекся Конан.— Рассказывай!



ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой господа послы чувствуют себя пленниками...



огда Конана, Тотланта и Эмерта вежливо проводили к выходу из королевского дворца (а если называть вещи своими именами — выставили вон), к враз погрустневшим Эртелю и Веллану подошел слуга в сопровождении двух стражников и мягким голосом предложил следовать за ним.

Так они и отправились в путешествие по освещенным потрескивающими факелами коридорам — впереди бодро вышагивает слуга, за ним плетутся мрачные послы, а сзади топают два рослых парня с алебардами.

— Вот ваша комната, господин Эртель, а здесь ваша, господин Веллан...— с поклоном сообщил слуга, когда маленькая процессия добралась до места.— Между ними есть дверь, так что вам нет нужды выходить в коридор.

Эртель поджал губы и недовольно пробурчал:

— Очень напоминает тюрьму со всеми удобствами...



Слуга промолчал и отпер сначала одну, а затем другую дверь.

— Прошу вас, господа. Если вам что-нибудь понадобится — только скажите. Из комнат выходить незачем, — он выделил голосом последнее слово, и по его внезапно блеснувшим глазам Веллан заподозрил, что слуга этот — нечто больше, чем обычный прислужник в замке.

Он исподтишка повнимательнее пригляделся к человеку в форме лакея — невысокий, коренастый, с необычно длинными руками. Широкие кисти с узловатыми, как корни деревьев, пальцами, говорили о недюжинной силе их хозяина. На вид слуге было около сорока лет. Прямые, коротко стриженные черные волосы, крючковатый нос, морщинистые веки, дряблые губы старили его облик, но ярко горевшие желтоватые глаза свидетельствовали о живом и ясном уме. Держался слуга уверенно, без всякого подхалимства, и Веллан, встретившись с ним взглядом, внутренне поежился и поскорее юркнул в комнату. Эртель важно последовал за ним.

— У вашей дверей будет стоять стража. На всякий случай. Спокойной ночи, господа, — пожелал слуга и закрыл дверь.

Комнаты, отданные послам, были одинаковы и состояли из двух небольших помещений — спальни и кабинета. Между спальнями находилась обитая шелком внутренняя дверь.

В кабинетах обнаружили столы со множеством ящиков и роскошные резные кресла, обтянутые коричневым бархатом. На столах имелись



стопки чистых пергаментных листов, чернильницы и несколько очиненные перьев. Спальни были заняты низкими широкими кроватями под балдахином, парой кушеток и туалетными столиками — на одном стояли кувшины с водой для умывания и лежали чистые полотенца, на другом — поднос с фруктами и заманчиво поблескивающими бутылками.

Поразмыслив, Веллан забрал поднос и направился к Эртелю.

Господин посол Пограничного королевства уже скинул перевязь с мечом и бросил ее на кровать. В тот миг, когда вошел бритуниец, он как раз стягивал куртку.

Веллан поставил поднос у кровати и попытался скрывнуть с бутылки пробку. Это ему не удалось и он раздраженно зашипел.

Эртель швырнул куртку рядом с мечом, повалился на кровать и при помощи ног скинул сапоги. Пока он с наслаждением шевелил освободившимися пальцами ног, Веллану наконец удалось откупорить бутылку.

— Ты что, так и собираешься таскаться с мечом? — удивился Эртель, приподнявшись на локтях.

— Я не очень доверяю здешнему гостеприимству, — отозвался Веллан после того, как глотнул вина.

— А мне? — Эртель взял протянутую бутылку и отпил несколько маленьких глотков. — Я тоже не доверяю, но не сидеть же всю ночь и караулить? Если бы от нас хотели избавиться, то



давно бы уже это сделали. Скажем, в тюремных подземельях. Или сыпанули бы яду... — он перебросил бутылку приятелю и откинулся назад, заложив руки за голову. — Так что снимай меч, сапоги и камзол, и давай мыслить, что делать дальше.

Веллан с сомнением покачал головой, но поскольку сидеть в жарко натопленной комнате в полной амуниции было тяжело, махнул рукой и через короткое время принял такой же вид, как и Эртель.

Поочередно прикладываясь к бутылке, они решили для начала проверить, знают ли стражники какой-нибудь язык, кроме родного. Веллан на аквилонском громко осведомился, не желает ли кто быстро и без труда заработать по золотому шеллину. Ответа не последовало. Вопрос был повторен на туранском, затем на немедийском, но в коридоре по-прежнему стояла тишина. Зато после такой же фразы по-бритунийски дверь немедленно приоткрылась и в щель просунулась голова одного из солдат.

— А как? — спросил он.

Веллан засмеялся, кинул ему обещанный шеллин:

— Принеси еще вина и копченый окорок.

Стражник на лету мертвой хваткой поймал монету и, скороговоркой произнес «Будет сделано», скрылся за дверью. Эртель с Велланом не успели обменяться и парой фраз, как створки снова приоткрылись, впустив пухленькую служанку с подносом.



— Вот это да! — признал слегка ошеломленный такой прытью Веллан. — Воистину, золото решает все!

— Очень хорошо, когда оно есть, и очень плохо, когда его нет, — глубокомысленно подхватил Эртель, отрезая кинжалом кусок мяса.

— Только что были на ужине, а есть все рано хочется, — заметил Веллан и тоже потянулся к мясу. Немного погодя он спросил:

— Так на каком языке будем строить коварные замыслы?

— На аквилонском, я его лучше всего знаю, — пробурчал Эртель. Его челюсти увлеченно трудились над нежной копченой свиной.

— Как думаешь, Книга Бытия действительно существует? — поинтересовался Веллан, запивая мясо вином.

— Кто ее знает? — пожал плечами Эртель. — В людских преданиях о ней не говорится ни слова, а в наших она постоянно упоминается и даже цитируется.

— Где ты таких слов набрался? — передразнил серьезный тон приятеля Веллан.

— Помнишь, через нашу деревню проезжал то ли аквилонский, то ли немедийский архивариус? Ну тот, что собирал все сведения об истории Пограничья? Мне очень нравилось его слушать...

— Не помню, — хмыкнул Веллан. — Когда это было?

— Давно... — Эртель сморщил лоб. Когда это не помогло, поднял глаза к деревянному потолку. — Нам было лет по десять, кажется.



— Вспомнил! — засмеялся Веллан. — Я в ту пору уже охотился самостоятельно, а ты все за дядькиным хвостом бегал!

— Это ты охотился? — возмутился Эртель. — Да ты и в шестнадцать лет от мамкиного подола оторваться боялся, уж это я точно помню!

— Ох, и поколочу же я тебя, — мечтательно уперев взор в зарешеченное окошко, произнес Веллан.

— Это я тебя поколочу, — отрезал Эртель и в подтверждение своих слов ткнул приятеля кулаком в бок.

Разумеется, дело завершилось небольшой потасовкой. Эртель был посильнее, Веллан — проворнее, и победа осталась за ловкостью. Господин посол был скинут на пол, прижат к ковру и получил изрядное количество щелбанов по носу... Затем последовало примирение, отмеченное распитием еще одной бутылки...

— Давай серьезно, — сказал Веллан, когда в бутылке не осталось ни капли. — Что мы вообще знаем? Я имею в виду — знаем о положении в Бритунии и о наших спятивших родичах?

— Почти ничего, — Эртель вздохнул и потер свой слегка опухший нос. — Знаем, что Бешеный Вожак где-то здесь, в Пайрогии. Знаем, что с приходом к власти советника Вегеля ужесточились наказания и увеличились налоги. Знаем, что прекратились действия боевых дружин...

— Это ты с чего взял? — удивился Веллан.

— С тех пор, как мы покончили с Бешеной Стаей Пограничья, в Бритунии, да и вообще во



всей округе наступило затишье, — пояснил Эртель и озабоченно добавил: — Только кажется, что оно смахивает на затишье перед бурей. Или наоборот, со смертью Деррека все кончилось...

— Ничего не кончилось, — перебил Веллан, с которого слетела вся веселость. — Я боюсь, что все только начинается. Зверства в Пограничье наверняка должны были отвлечь внимание от чего-то, происходящего в Бритунии. И, если хочешь знать, я почти уверен, что Вегель и есть Бешеный Вожак!

— Знаешь, я с тобой полностью согласен, — торжественно кивнул Эртель.

Веллан перевел дух, хлебнул вина и продолжил. Он так разошелся, что метался по комнате из угла в угол, размахивал руками и едва не своротил один из столиков:

— Король Элдара, можешь мне поверить, не протянет и месяца. Наследников у него нет. Кто займет опустевший престол? Разумеется, тот, кто и сейчас является правителем Бритунии! Вегель сумеет удержать страну в латных перчатках, но бунтов ему не избежать. Кезанкийцы уж сейчас ропщут, если Вегель захватит власть, они возмутятся за сабли... Да что горцы! Дворянство, конечно, пока выражает верность королю, но стоит ему умереть, они тут же начнут грызню за трон. Для полного счастья объявится пара-тройка якобы незаконнорожденных сыновей Элдара — и так далее...

— У Вегеля все равно самые лучшие шансы на корону, — заметил Эртель.



— От арбалетного болта и яда в стакане вина не спасут никакие шансы,— отрезал Веллан и устало замолчал. Его порыв иссяк.

Эртель поднялся с кровати и в задумчивости прошелся по комнате.

— Возможно, все так и есть. Но что делать нам?

— Не знаю,— честно признался Веллан.— Контан собирался встретиться с этим давним другом короля, горцем Кейлашем... Может, они что-нибудь сообща и решат. А нам остается не зевать и поглядывать по сторонам. Вдруг высмотрим что полезное?

— И как ты предлагаешь высматривать что-то полезное, если нас держат взаперти? — скринулся Эртель.

— Значит, надо найти способ улизнуть и побродить по дворцу,— решительно заявил Веллан, оглядывая обшитые темным деревом стены.

— Можно расправиться со стражей...

— Это нам — раз плюнуть,— согласился Веллан,— но после такого безобразия нас точно выкинут обратно в Пограничье. Это в лучшем случае. В худшем — будем болтаться на виселице у городских ворот. Не подходит.

— Как насчет окна? — Эртель подошел к узкому проему и подергал за прутья узорной решетки.

— Сломать? — задумчиво спросил сам у себя Веллан.— Много шума...

— Не ломать, а вынуть из гнезд,— поправил Эртель.



Окна в комнатах были закрыты снаружи переплетением легких ажурных полос из бронзы. Эртель подтянулся и выглянул наружу — непроядная безлунная ночь, даже звезд не видно.

— Ты действительно хочешь прогуляться по дворцу? — спросил он у Веллана. Тот замялся:

— Не уверен... Какой смысл ломать решетку? Завтра это обязательно заметят. Пойдем лучше спать. Походим по дворцу днем, посмотрим, что здесь и как, а потом будем соображать...

— Ладно,— сдался Эртель.— Может, ты прав. Лишний риск нам пока ни к чему.

* * *

На следующее утро их хорошо накормили, а затем пригласили осмотреть замок. Мечи после деликатной просьбы пришлось оставить в комнате.

Послам показали зимний сад, библиотеку, фехтовальный зал, конюшни, псарни — все, что составляло гордость королевской фамилии. Проводником и рассказчиком был давешний слуга, в присутствии которого Веллану почему-то становилось не по себе.

Когда они возвращались, им встретился Вегель. Господин советник приветливо поздоровался и после пары вежливых вопросов о погоде и впечатлениях послов как бы между прочим сообщил:

— К сожалению, мы вынуждены приставить к вам двух постоянных сопровождающих. Для вашей же безопасности...



— Мы что, пленники? — невольно вырвалось у Веллана.

— Как вы могли такое предположить? — засмеялся Вегель. — Просто наша обязанность — обезопасить вас от неприятных событий, могущих произойти во дворце...

— Когда людям настоятельно советуют не покидать отведенную им комнату, это называется пленением, — вполголоса пробурчал Эртель.

Вегель нахмурился:

— У нас и в мыслях не было ущемлять вашу свободу. Вы можете ходить, где пожелаете... в сопровождении охраны, разумеется.

— У меня бессонница, я часто выхожу прогуляться ночью, — нахально соврал Веллан. — Что же, стража и в этом случае обязана таскаться за мной?

— Разумеется, — кратко ответил Вегель и удалился, сославшись на неотложные дела. Послы переглянулись.

— Бессонница у него, — съязвил Эртель и озадаченно добавил: — И как теперь быть? Стражники на хвосте нам совсем ни к чему...

— Разберемся, — туманно отозвался Веллан. — Подумаешь, двое стражников...

* * *

Миновали долгие сутки. Новостей из города не было. Чем заняты Конан, Тотлант и Эмерт — оставалось неизвестным. Может, они уже давно покинули Пайрогию, а может, оказались на постое в тюремных подземельях...



Эртель и Веллан за это время в сопровождении неизменной охраны облазили почти весь дворец. Им не удалось заглянуть только в подвалы замка, очень заинтересовавшие Веллана.

По слухам, катакомбы простирались не только под дворцом, но и под городом, выводя далеко за его пределы.

Начальник стражи посольского крыла (с которым Эртель познакомился в первую прогулку по дворцу и который теперь каждый вечер навещался к господам послам сыграть в кости), делая большие глаза, рассказывал, что подземелья на самом деле построены еще змеелюдьми и там до сих пор обитает всякая нечисть. Кто туда пойдет — не возвращается. Однако вход в подвалы все еще не замурован — по какой-то прихоти советника Вегеля...

Начальник стражи был весьма болтлив и обожал страшные истории. Эртель пропускал рассказы мимо ушей — он был занят игрой. Зато Веллан, за два раза проигравший половину своих денег и больше не принимавший участия, поневоле прислушивался. И, разумеется, спросил:

— А сами-то вы бывали внизу?

— Я же не умалишенный, — хохотнул стражник. — Оттуда никто не возвращается. Но это все ерунда, послушайте лучше...

И он в третий раз принялся рассказывать историю о дворцовом призраке — хохочущей рогатой жабе. Правды в этой байке не было ни на ломаный копер, однако начальник стражи говорил с большим воодушевлением, каждый раз



припоминая новые подробности. Видно, его говорливость давно надоела друзьям и подчиненным, и стражника перебивали, не давая даже открыть рот. В этот день ему тоже было не суждено завершить рассказ. Веллан, услышав начало, скривился, точно от зубной боли, и быстро осведомился:

— Послушайте, милейший, а у вас случайно нигде не завалялось плана этих жутких подземелий?

Начальник стражи обиженно примолк, а затем ответил:

— У меня нет. Вряд ли он вообще существует, этот план. Разве у советника Вегеля отыщется...

Они еще долго играли в кости. Сегодня стражнику везло — он ушел, унося с собой сорок восемь шеллинов, весьма довольный собой.

Едва за ним закрылась дверь, как Веллан уверенно заявил:

— Они собираются в подземельях!

— Возможно, — согласился Эртель. — Мы прошли по всем коридорам дворца — и днем, и ночью, — и не нашли никаких следов Бешеной Стаи. А вот в катакомбы мы еще не совались...

— Попасть туда будет сложно, — заметил Веллан. Эртель фыркнул:

— А ты на что рассчитывал? И не забудь про наших охранников — с ними за спиной это становится вообще невозможным.

— Можно сменить облик и пробежаться по замку на четырех ногах, — предложил Веллан.



— Почуют, — отмахнулся Эртель. — Причем раньше, чем мы успеем выбраться в коридор. Не годится. Надо придумать что-то другое.

— В таком случае, — разочарованно признал Веллан, — остается только выжидать подходящего случая.

...Случай вскоре представился. Правда, такого поворота событий не ожидали ни Эртель, ни Веллан.

В этот день они встречались с послами Гипербореи и Аквилонии. И те, и другие жаловались на бесчинства жителей Земель Кланов в Пограничье.

— Они постоянно нападают на наши заставы и грабят проезжающие караваны, — говорил аквилонец, — мы уже устали отбивать их атаки. У нас вполне хватает забот на закатной границе, чтобы еще отвлекаться на ваших одичавших в глуши баронов и их отряды...

— Мой король, — отвечал на это Эртель, пытаясь изобразить на лице подобающее сану достоинство, — в скором времени собирается привести их к повиновению. Однако наши войска еще не столь многочисленны и обучены, чтобы мы могли справиться своими силами. Я полагаю, что если бы вы предоставили в наше распоряжение легион-другой, то подобный совместный удар раз и навсегда покончил бы с этой угрозой...

Вечером уставшие послы жадно набросились на ужин, ожидавший их в комнатах.

Оборотни и прочее были временно забыты, и темой для оживленного разговора стали новые



возможности, открывающиеся перед Пограничным королевством.

В разгар спора дверь неожиданно приоткрылась, и в щели появилась голова в шлеме. Веллан и Эртель с удивлением признали стражника, заработавшего шеллин на незнании языков.

— Нынешней ночью вас собираются убить, — быстро прошептал он и захлопнул дверь.

В первое мгновение приятели не поняли смысла этой фразы, зато потом... Веллан тяжело отпустился на кровать. Побледневший Эртель резкими движениями натягивал сапоги.

— Может, шутка? — наконец медленно спросил Веллан.

— Ха-ха, — мрачно ответил Эртель и добавил: — правда, смешно?

Веллан слегка улыбнулся:

— А что, собственно, мы так разволновались? Пускай сначала попробуют!

Он скорчил зверское лицо, выхватил меч из ножен, и, вскочив, нанес несколько ударов по воображаемому противнику.

— Вообще-то ты прав, — хмыкнул несколько пришедший в себя Эртель. — Но когда заявляют, что тебя собираются прикончить, кому угодно станет жутковато...

— Не угадал! — Веллан откровенно захихикал и положил свой двуручник на плечо. — Я знаю одного типа, который в ответ на такое предупреждение, знаешь что бы сделал? Преспокойно завалялся бы спать!

— Так он привык уже, если ты про Конана...



Они посмеялись и, немного успокоившись, стали размышлять, как предотвратить возможное ночное нападение. Было решено задуть лампы и лечь спать, как обычно, а затем незаметно перебраться за кровати и ждать... Естественно, каждый в своей комнате.

Сидеть и думать о возможной смерти, как выяснилось, было весьма неприятно. Веллан устроился на ковре, положив меч рядом, и вспоминал о своих прошлых предчувствиях. Сейчас в его душе не было ничего, кроме небольшого червяка страха перед неизвестной опасностью. Постепенно усталость смежила его веки, и он задремал.

Ночь медленно светлела, когда из коридора донесся слабый шум. Веллан сквозь сон услышал его, но встрепнулся только когда еле слышно скрипнула дверь в его комнату. Мягко ступая по ковру, вошедший направился к изголовью кровати. Взметнулась рука, раздался тупой удар...

Веллан истошно заорал и бросился на убийцу. Все, что тот успел сделать — подставить кинжал. Свистнул меч, кинжал вместе с сжимавшей его рукой упал на ковер, а Веллан уже выскакивал в коридор.

Кто-то попытался преградить ему дорогу, но полетел в сторону с рассеченной шеей...

В коридоре обнаружили еще две закутанные в черные плащи фигуры. У стен лежали охранники послов — судя по позам, мертвые...

Убийцы не ожидали появления своей жертвы — живехонькой и разъяренной. Один из них вскинул арбалет, но Веллан оказался быстрее,



метнувшись вперед и достав противника клинком. Второй бросился бежать, но тут распахнулась дверь в комнату Эртеля и ее хозяин ударом кулака сбил последнего врага с ног.

Друзья посмотрели друг на друга.

— Раз плюнуть,— улыбнулся Эртель.

— Не забудь — нас предупредили,— охладил его пыл Веллан.

— Ты чего такой серьезный? — удивился Эртель.— Все удачно получилось...

— Давай лучше допросим этого гада, если ты ему шею не сломал,— вместо ответа сказал Веллан и шагнул к неподвижно лежавшему противнику.— Ну, конечно! — спустя миг раздраженно прошипел он.— Дохлый! А все ты!

— Я что, должен был вежливо попросить его задержаться? — обиделся Эртель.— Слушай, что нам теперь делать? Мы одни, в компании пяти мертвых убийц и двух охранников...

— Идем гулять по окрестностям,— решил Веллан.— Другой возможности заглянуть в катакомбы у нас наверняка не будет.

— А еще можно потихоньку заглянуть к Веглю! — оживился Эртель.

— Прорубившись сперва через его охрану,— покачал головой Веллан.— Что-то не хочется. Как-нибудь в следующий раз.

— Думаешь, вход в подземелья не охраняется? — с сомнением в голосе спросил Эртель.

— Придем и увидим,— отрезал Веллан.— Факелыхвати. Меня удивляет другое — почему на мой вопль не сбежался весь дворец...



— Меня тоже это удивляет,— кивнул Эртель.— Кстати, где ты научился так визжать?

Он скрылся в комнате и вскоре вернулся с двумя факелами.

— Пошли?

Они пробирались скупно освещенными коридорами по спящему дворцу, разыскивая кратчайшую дорогу ко входу в подвалы. Им не встретилось ни одного стражника, что заставило Веллана насторожиться. Караульных у входа тоже не оказалось, но сам вход — низкая толстая дверь из дубовых плашек — был заперт на огромный висячий замок.

Веллан тихо выругался, а Эртель достал кинжал и попытался вообразить себя взломщиком. Опыта в подобных делах он не имел, потому ничего и не вышло. Наконец после долгих неудачных попыток он опустил руки:

— Не получается!

— Отойди,— приказал Веллан и достал свой двуручник. Бритунiec не стал долго примериваться. Резкий удар плеча...

Клинок оглушительно громыхнул по ржавому железу и отскочил. Тогда Веллан, как одержимый, обрушил на замок град ударов. Лязг и скрежет стоял такой, что Эртель только испуганно махал руками, призывая к тишине. Однако Веллан не останавливался. На блестящем клинке появились зазубрины. Что-то должно было сломаться — меч или замок — и, к счастью, первой не выдержала дужка. Оторвавшийся замок гулко упал на каменный пол.



Веллан вздохнул, вытер лоб, привычным жестом откинув волосы назад, и с сожалением посмотрел на клинок:

— Досталось же тебе, приятель...

Эртель потянул за массивное чугунное кольцо. Дверь с протяжным скрипом открылась.

— Добро пожаловать... — еле слышно прошептал Эртель.

Войти они не успели. В коридоре загрохотало железо подкованных сапог. Судя по звуку — не меньше десятка стражников.

— Справимся,— презрительно заявил Веллан, взмахнув клинком.

Эртель не выглядел таким уверенным:

— Может, лучше спрятаться в подземельях?

— Мы спрячемся, а они дверь закроют и заложат камнями,— скривился Веллан.— Через седмицу мы превратимся в два скелета.

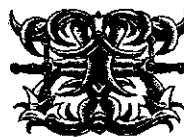
— А тебе не кажется, что это могло произойти в любом случае? — ядовито осведомился Эртель.— Шел кто-нибудь мимо, увидел сбитый замок и запер дверь.

— Об этом я как-то не подумал,— растерянно признался Веллан.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой Конан выслушивает
мрачное пророчество



Конан в который раз убедился, что благородный капитан Альбиорикс обладает в Пайрогии властью не меньшей, чем советник Вегель или даже король. Под его началом стража города, королевская гвардия, внутренняя охрана замка короны и, возможно, тайная служба. Впрочем, нет. Король Эльдаран не столь глуп и не станет сосредотачивать в руках одного человека столь огромную власть. Вероятнее всего, над тайной службой начальствует проныра Вегель. Или, вообще, какой-нибудь совершенно незаметный, но умный человек, служащий где-нибудь в канцелярии.

Альбиорикс, пользуясь положением, объявил разгромленный трактир «местом коронного расследования», цепные псы капитана окружили дом со всех сторон (внутри находились только безмолвные и непроницаемые телохранители Альбиорикса), но расследования, конечно, никакого не велось. Чего тут расследовать? Вот лежат тру-



пы, вот сидит виновник — высоченный наемник в походной кожаной одежде, с черными волосами и синими глазами.

Последний, однако, виновным себя отнюдь не чувствовал. Все по закону: на меня напали, я оборонялся.

— ...Я сразу понял, что посольство нового короля Пограничья явилось в столицу неспроста... — Капитан пытался говорить спокойно, но внимательный Конан отметил, что Альбиорикс нервничает. Это было хорошо заметно по безостановочным движениям кистей рук капитана. Что же так напугало опытного воина и третьего человека Бритунийского королевства? — Мы привыкли видеть Пограничье лишь беспокойным соседом, на которого можно не обращать внимания. Как на пьяницу в трактире. И вдруг — несколько послов подряд! Вначале прибыл Эндоло, потом вы — целой толпой. Причем людьми среди господ посланников оказались только ты и... и этот...

— Тотлант, — подсказал Конан. — Очень хороший парень. Конечно, он стигиец и вдобавок волшебник, но у каждого свои недостатки.

— Именно, — мрачно согласился капитан. — Трое оборотней, маг аж из самой Стигии и какой-то наемник.

— Я бы попросил! — возмутился Конан. — Не «какой-то», а неплохо владеющий своим ремеслом! Понимаю, что хвастаться — дело последнее, но все-таки на этом поприще я тружусь уже двадцать лет и доселе жив.



— Это говорит о многом, — кивнул Альбиорикс. — А теперь сам посуди, как мне следовало рассуждать. Во-первых, несколько последних лун были омрачены жуткими известиями из Пограничья о восстании Бешеного Вожака. Во-вторых, сумасшедшие оборотни зашевелились и в пределах нашего королевства. В-третьих... Понимаешь ли, Конан, моя бабка была колдуньей. Сам я магией не владею, но умею распознавать волшебство. И точно знаю, что какая-то посторонняя злая магия запустила щупальца во дворец короля Эльдарана. У короля помутился рассудок. Он отдает странные приказы. Наконец, он завел себе любовницу!

— Это не преступление, — заметил варвар.

— В его-то возрасте?

— Возраст? — Конан скептически хмыкнул. — Аудагос Канах, мой дедушка по отцу, произвел последнего ребенка от молодой наложницы аж в семьдесят четыре года. Очень у многих народов мужчины сохраняют свое естество до самых преклонных лет. А Эльдаран, насколько я его помню, всегда был мужчиной крепким. Видел я эту девочку во дворце, ничего, привлекательная. Кажется, ее Ани зовут? Что еще интересного скажешь?

— Оборотни, — понизив голос, сказал капитан. — В городе их стало гораздо больше. И все какие-то... дерганные. Появилась невиданная ранее магия — звериная. Ходят неясные слухи будто в капище Фреки, одного из забытых зверобогов, которым не поклоняются уже долгие столе-



тия, что ни ночь — бдения новоявленных почитателей. Что-то происходит, а я не могу понять, что именно! И это пророчество еще...

— Так, — Конан решительно хлопнул ладонью по табурету, на котором стояли кружки. — Ты меня окончательно запутал. Пророчества, зверобог, магия!.. Обратился бы лучше не ко мне, а к Тотланту, он умный. У самого Тот-Амона учился когда-то. Тебе о чем-нибудь говорит это имя?

— Я использовал все связи в тайной службе Вегеля, чтобы отыскать тебя или волшебника, — сказал Альбиорикс, а Конан мимолетно подумал, что интуиция его не обманула. Значит, месьор советник действительно заведует всеми закулисными делишками, которые проворачиваются в Бритунии. — Волшебник, как мне донесли, исчез. А тебя ухитрились выследить.

— Что значит — «исчез»? — ахнул Конан. — Куда?

— Примерно туда же, куда и твои приятели-оборотни, — ошарашил новым неприятным известием Альбиорикс. — Веллан, сын Арта, и Эртель, сын Теодобада. Только минувшим вечером они находились во дворце, а потом... Будто в воду канули. Мои шпионы в городе донесли, что сначала вы остановились в доме месьора Джарефа на улице Фонарщиков. Сейчас дом пуст, стража облазила его от подвалов до чердака. Слуг тоже нет.

— А куда все делись? — задал глупый вопрос Конан, адресуя его себе, а не Альбиориксу. — Бред какой-то. Два вывода: либо на меня и моих дру-



зей кто-то охотится, пленяя или убивая, либо... Тотлант и оборотни затеяли свою игру.

— Не свою! — жарко возразил капитан. — Отнюдь не свою! Можно задать вопрос? Что случилось здесь, в трактире? Почему кругом мертвецы?

— Я пришел сюда на встречу с одним старым другом, — честно ответил Конан. — Сидел, никого не трогал, пил вино. Вместе с Гуннаром. Потом явились люди из охраны советника Вегеля, их Гуннар опознал. Сели ужинать. А дальше...

Конан чувствовал: Альбиориксу можно доверять. Хотя бы потому, что капитан сам ужасно боится чего-то неизвестного и сейчас ненавязчиво просит помощи у человека, более-менее сведущего в деле с оборотнями.

Варвар быстро рассказал о явлении демона, драке прихлебателей Вегеля с кезанкийскими горцами, а в завершение указал капитану на труп чудовища.

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, — развел руками Конан. — Я ничего не скрывал.

— М-да, — Альбиорикс почесал бороду, а его взгляд стал еще более огорченным. — Говоришь, демон напал на тебя?

— Да, на меня, — уверенно сказал варвар. — Эту тварюгу никто другой не интересовал. Я едва справился. Во имя всех демонов Нижней Сферы и их хвостатой мамы, ты объяснишь, в чем дело? Куда подевались мои друзья? Что, вообще, происходит в этой выгребной яме, которую вы называете столицей Бритунии?



— Не знаю, что происходит! — взорвался Альбиорикс, схватил глиняную кружку и злобно запустил ею в стену. Брызнули мелкие осколки. — Мне страшно и мне не стыдно в этом признаться! Помнишь, я говорил о пророчестве? Оно впервые было оглашено лет триста назад, когда появился первый Бешеный Вожак. Текст приписывают как раз ему. Знаешь, как звучит?

— Слушаю, — насторожился варвар. Постепенно разрозненные частицы мозаики начали складываться в голове Конана в неясную, но зловещую картину. — Говори. Только, пожалуйста, подробнее. В пророчествах важно каждое слово. Если забудешь хоть одну букву, мы его неверно истолкуем. Загадок тогда лишь прибавится.

— Да не беспокойся, — поморщился Альбиорикс. — Недаром моя бабка была ведьмой.

Капитан нахмурился, пожевал губами, вспоминая, и, наконец, тяжеломерно проговорил:

— «В год третьего восстания Карающей Длани, в ночь, когда девять звезд замкнут круг, Племя и Стая воспрянут, исполнив предназначенное. Пусть Бегущий Впереди соберет вместе Книгу, Меч и Странника, что откроют Врата Серой Дороги. И тогда Они вернутся, восстановят справедливость и избавят мир от мерзости. Но все в тварном мире имеет противовес. Когда враги тоже возьмут Книгу, Меч и Странника, Серая Дорога запечатается навсегда. Помни о девяти звездах и девяти рубинах».

— Туманно, — заключил Конан. — Слышал я предсказания более ясные. Хотя... Если, как ты



уверяешь, пророчество дано первым Бешеным Вожаком, некоторые фразы можно расшифровать без труда. Год третьего восстания Карающей Длани? Конечно, имеется в виду нынешний год. Бешеные восставали трижды, один раз за столетие. «Бегущий Впереди»? Это, ясное дело, Вожак оборотней. Девять звезд, которые замкнут круг? Это вопрос не ко мне. Я ничего не понимаю в астрологии.

— Зато я понимаю, — буркнул Альбиорикс. — Мудрые звездочеты называют упомянутое явление «парадом планет». Когда самые яркие небесные сферы выстраиваются в одну цепь, аркой от горизонта до горизонта. Наш мир — последняя звезда, девятая, замыкающая круг. «Парад» должен произойти следующей ночью.

— Два вопроса, — Конан поднял палец. — Что такое «Врата Серой Дороги» и какую роль здесь играют книга, меч и странник? Остальное понятно — Бешеные будут пытаться выпустить в наш мир какое-то древнее зло. Для них, может быть, оно вовсе злом не является, но вот для людей...

— Волчья шкура — серая, — слегка отрешенно сказал капитан. — Серая дорога — дорога волков. Волк — олицетворение зверобога Фреки. А Врата — наверняка портал, через который Фреки может вернуться в наш мир и истребить «мерзость». То есть людей. По легенде оборотней, Племя Карающей Длани призвано смести с земного чела человеческую мерзость.

— Ага! — воскликнул Конан, сообразив. — Я слышал, мои приятели цитировали эти слова из



Книги Бытия. Отлично, одна из книг нашлась! Только где она? Понятно, что у Бешеного Вожака. Что с мечом? Вернее, с двумя мечами?

— Ничего,— тяжело вздохнул Альбиорикс.— Если книга магическая, значит, и меч должен быть магическим. Логично? Только этих магических мечей по миру гуляет не меньше, чем похожих жутковатых пророчеств. Могу провести одну-единственную параллель...

— Единственную — что? — не понял Конан.

— Единственное сравнение,— фыркнул капитан.— Слышал о мече Склоса?

— Кто ж не слышал... Создание древнего мага Склоса. Клинки, способные действовать сами по себе. В мире их оставалось около десятка. Большинство мечей Склоса исчезли или были уничтожены. Слишком опасная игрушка.

— Около двух лун назад,— совершенно замгильным голосом сообщил Альбиорикс,— я пришел с докладом к советнику Вегелю. Вошел в залу без стука, как обычно. Вегель на меня наорал и выставил. Но я точно запомнил, что перед ним в воздухе висел меч. И тогда я сразу вспомнил легенду о Склосе.

— Но мечей, равно как и книг, должно быть два! — горячился Конан, напряженно раздумывая.— Пара! Меч Склоса и... Великие силы Вселенной! Кром и Митра! Сет, поимевший Дэркету на змеином ложе! Пресвятой Эпимитриус, наложивший в штаны!

Варвар даже весь раскраснелся от воодушевления.



Капитан молча выслушивал извергаемый Конаном поток богохульств.

— Как я сразу не догадался! — вопил киммериец.— Одно к одному! Есть вторая печать, способная закрыть Врата! Нашел!

— Тихо, тихо,— Альбиорикс примиряюще поднял руки ладонями вперед.— Вина перебрал, так иди проспись, а потом объясни наконец по-человечески.

— Вот оно! — Конан выхватил Рангильдор из ножен и предъявил господину капитану.— Понимаешь, этот клинок был создан специально для охоты на оборотней! Я его полсотни раз испытывал — едва рядом появляется бешеный оборотень, меч звенит и начинает светиться. Все сходится! Мечи Склоса могут открыть дорогу мертвым в мир живых. Рангильдор обязан защищать живых от мертвых! Ясно?

— Ничего не ясно,— помотал головой Альбиорикс.— А ну, рассказывай все с самого начала!

* * *

Ближе к полуночи, когда варвар, отдышавшись, сумел достаточно связно изложить капитану бритунийской стражи историю Рангильдора и поведать о событиях минувшей осени, связанных с разгромом стаи Бешеного возле Черного храма, смысл некоторых происшествий в бритунийской столице начал проясняться.

Оставалась одна главная загадка. Если Мечи и Книги, состоящие в паре, могут как запечатать, так и открыть дорогу рвущимся на свободу зве-



робогам, то кто такие Странники и какова их роль в предстоящем действе?

— Очень просто и ясно. Каждый из трех предметов непременно связывается с другим,— уверенно говорил Конан.— Я не знаток в магии, но закон тройственности волшебных артефактов известен любому мальчишке, слушающему сказки, рассказываемые бабушкой. Совершенно понятно, что Книга, Меч и человек должны объединиться.

— Тебя ведь можно назвать странником? — осведомился Альбиорикс.

— Ну... Я путешествую с пятнадцати лет. Наверное, можно,— легко согласился Конан.— Но ты понимаешь, что Книга и Меч — предметы магические? Я-то волшебством не владею и даже учиться не собираюсь. Эта роль больше подойдет Тотланту. Стигиец владеет магией и тоже бродит по миру с ранней молодости. Тотлант вовсе не злой, Тьмою не испорченный и вообще мужик что надо. Единственный подходящий человек для персонажа пророчества. По крайней мере из тех, кого я знаю. Со стороны Бешеных Странником просто обязан оказаться Вожак. У него нет постоянного дома, он одновременно пребывает везде и нигде...

— Что-то не сходится,— покачал головой Альбиорикс.— Если две противоборствующие стороны используют схожее оружие, то силы уравновесятся. Победы не видать ни тем, ни другим. Либо враги мирно разойдутся, чего быть не может, либо все погибнут.



— Решение любой загадки можно найти всегда,— уверенно заявил Конан.— Я никогда не встречал в этом мире полной равноценности. Даже две внешне одинаковых монеты различаются. Весом, едва заметными огрехами в чеканке, царапинами! Ну-ка, еще раз вспомни пророчество. Там ничего не говорится о некой третьей силе, которая может склонить чашу весов на ту или иную сторону?

Альбиорикс вновь заучено пробормотал слова, изреченные первым Бешеным Вожаком, но ничего похожего в них не нашлось.

— А может, все это вранье, как и большинство пророчеств? — Конан пожал плечами.— Мне вот предрекали королевский трон. Жизнь идет, а трона как-то не видно и, похоже, не предвидится. Чего тут подозрительного? Оборотни, король с ума сошел, демоны по Пайрогии разгуливают... В Шадизаре и не такое бывало, особенно когда колдуны отношения выясняли или я со своими приятелями веселился. Может, мы зря беспокоимся?

— Подумай над тем, что ты сказал,— посоветовал Альбиорикс.— И реши, что правда, а что — вранье.

Конан подумал. Дохлебал вино. Налил еще по кружечке, себе и капитану. Потер ладонью лоб. Провел пальцем по щекам и решил, что давно стоит побриться. И, наконец, выдал свое решение:

— Прости за необдуманные слова, Альбиорикс. Наверное, во многом ты прав. В Пайрогии



затеваается очень нехорошая авантюра. Но, если я принимаю твою точку зрения и становлюсь твоим союзником, то что нам делать? А самое главное — каков расклад сил? В откровенно безнадежные делишки я не ввязываюсь. Возраст уже не тот, азарт молодости прошел. Короче, что я за это получу?

— Боги!..— простенал капитан.— Я думал, ты действительно настоящий киммериец, воин... а ты хуже коринфийского менялы-лавочника! Хорошо. Если мы оказались правы и сумеем перемудрить Бешеного, я... Я... Хочешь получить мою должность? Бритуния — достойное королевство, а не Пограничье какое-то занюханное. Капитан стражи — это я по себе могу сказать — живет здесь неплохо.

— А ты — будешь королем? — сразу догадался Конан.— Эльдарана, охмуренного свихнувшимися оборотнями, свергаем, ты занимаешь трон, а всем, кто помогал нацепить корону, раздаешь сладкие пирожки? Но учти, если мы ошиблись — никому не сносить головы. И ты, и я окажемся на плахе. Или, что хуже, нас разорвут на мелкие клочки бешеные оборотни во главе со своим зверобогом.

— Ты непогрешимо прав,— грустно усмехнулся Альбиорикс.— Это самая большая ставка в моей жизни. И я прекрасно понимаю, чем может закончиться столь опасное предприятие. Тылов за нами никаких, кроме наших собственных догадок. Знаешь, почему я тебя выбрал? Мой двоюродный брат служит при дворе короля Фердур-



го Зингарского. Я получал кое-какие сведения о Конане Канах, первом капитане флотилии королевских корсаров Зингары. И про историю с Короной Кобры. Что ты все-таки сделал с этой короной?

— Сколько можно мне об этом напоминать? — Варвар схватился за голову.— Золото переплавили, камешки продали и пропили всей командой «Вестрела»! И Чабелу на праздник приглашали, но принцесса постеснялась придти. У нее, понимаешь, были какие-то важные государственные дела!

— Ты согласен? — коротко спросил капитан Альбиорикс.

— По рукам,— Конан поморщился, прогнал мысль, красочно разрисовавшую возможные неприятные последствия грядущей аферы, и протянул руку.— Хочешь быть королем? Будешь. Но если ты ошибся в своих предположениях... До плахи ты не доживешь, я тебя зарежу раньше.

Договор скрепили крепким рукопожатием.

Конан начал ставить условия первым:

— Сначала необходимо отыскать Тотланта и моих оборотней. Альбиорикс, запомни — времени у нас очень мало. Нынешняя ночь и следующий день. До следующего заката нам необходимо отыскать Бешеного и собрать воедино три волшебные вещи, принадлежащие нашей стороне. Меч у меня, Тотлант, похожий на Странника, где-то в городе, если еще жив. Наша задача — Книга. Не Книга Бытия, а наша Книга. Противовес артефакту оборотней. И еще. Мне нуж-



но найти человека по имени Кейлаш. Как можно быстрее. Поможешь?

— Помогу, — кивнул Альбиорикс. — Беремся за дело?



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой господа посланники
натываются на странный подземный ход



Общеизвестно, что в старых замках подвалы и подземелья составляют не самую маленькую часть всех жилых и нежилых помещений. Подвал бывает исключительно полезен для хранения продуктов и винных бочек, для сокрытия золота и драгоценностей, он может использоваться как склад, как тюрьма и пыточная, а иногда даже как магическая лаборатория — очень многие колдуны обожают заниматься своим сомнительным искусством в уединенных и тихих подземельях, утверждая, будто здесь «подходящая атмосфера».

Коронный замок Бритунии был выстроен не менее пяти столетий назад. Поначалу он являл собой лишь укрепление безвестного нищего барона, обустроившегося на диких землях, несколько раз перестраивался, превращаясь из деревянного в каменный, потом возле стен начали селиться нуждающиеся в защите кметы... Таким образом, маленькая крепость легендарного барона Пайры,



основателя королевства, со временем превратилась в Пайрогию, столицу государства и очень красивый город.

Пять столетий истории замка, обширного и гулко-го, не могли не повлиять на маленькое подземное царство его подвалов. Ходы, тоннели, заброшенные комнатки, переполненные спрессованным мусором, стоки для воды, обрывающиеся у неогороженных бездонных колодцев. Иногда по дороге можно найти удивительнейшие предметы вроде человеческого черепа с тремя глазницами или потемневших от времени серебряных кандалов и цепей, некогда предназначенных для плененного немедийского герцога, а ныне позабытых нерадивыми тюремщиками.

— Мрачно,— Веллан с отвращением коснулся пальцами сыроватой, покрытой плесенью стены, и сплюнул.— И понесла же нас нелегкая в подземелья.

— Здесь опасности никакой,— подбодрил друга Эртель.— Парочка вурдалаков, загулявшие призраки и какой-нибудь заваливающий вампир. Ничего особенного. Пробьемся. А наверху — люди.

— Люди... — скривившись, произнес Веллан.— Да уж, ничего хуже и представить себе нельзя. И куда мы пойдем? Как обычно, вперед?

Оборотни, принявшие решение скрыться от убийц в подвалах королевского замка, стояли на перекрестке двух тоннелей, выложенных потемневшим кирпичом и плохо обработанным гранитом. Царил крошечный мрак, но, как известно, племя Карающей Длани выгодно отличается от



людей тем, что каждый оборотень способен видеть в темноте. Для зрения оборотня достаточно любого, самого незаметного лучика света, чтобы внятно различать окружающую обстановку.

В подземельях жили белесые светлячки, мерцала зеленоватым огнем многолетняя плесень и даже у некоторых пауков, свивших паутину под потолком, светилось брюшко. Оборотень мог видеть не хуже, чем днем.

Вдобавок Веллан и Эртель не боялись заблудиться в бесконечных переходах и галереях подвала. Достаточно лишь призвать свою звериную сущность, отчасти сбросить человеческий облик, превратившись в «чудовище», и дорогу можно найти, используя несравненный волчий нюх.

— Этот коридор,— начал Эртель, задумчиво потерев длинны-е светлые волосы,— ведет с полуночи на полдень. Если мы свернем — уйдем в сторону заката. Дворец громадный, значит, рано или поздно обнаружится еще один выход наверх.

— Я слышал,— добавил Веллан,— будто в каждом приличном замке обязан быть подземный ход, выводящий куда-нибудь за пределы строения. Например, на берег реки, в лес или в овраг...

— Или посредине городского рынка. Вот будет весело,— поморщился наследник короля Пограничья.— Все равно делать нечего, пошли куда глаза глядят. Рано или поздно выберемся.

Длинный тоннель, поворот, другой поворот, тупик. Заржавленные двери казематов. В один из них Веллан заглянул и только вздохнул — клас-



сическая картина, скелет на цепи. Будто из страшной сказки. Однако, как известно, любую сказку порождает настоящая жизнь. Попались несколько забавных артефактов — расколотый горшочек с монетами, по виду золотыми. Веллан тотчас принялся набивать ими кошелек, а Эртель, пристально рассмотрев кругляш с профилем знаменитого аквилонского короля Сигиберта Завоевателя, только посмеялся. Деньги оказались поддельными: медь, крытая ртутной амальгамой. Значит, не зря молва обличала одного из бритунийских королей в фальшивомонетчестве. Наверняка рядом должна быть мастерская, где чеканили фальшивые аквилонские кесарии.

Лестница вниз, коридор, лестница наверх. Ступени скользкие. В следующем проходе полыхнуло багровым заревом и чей-то истошный визг заставил оборотней вздрогнуть. Ничего опасного, привидение. Призрак неизвестного мужчины — ужасно безобразного, с разорванным носом и отрубленными ушами гиперборейца — поглядел на оборотней недоуменно и отправился восвояси. Наверное, понял, что Карающую Длань дурными завываниями на напугать.

— Почти заблудились, — огорченно сказал Веллан, когда двое авантюристов из Пограничья оказались на новом углу. — Если я правильно помню, возвращаться придется через двенадцать левых поворотов и семь правых. Добавим четыре лестницы. Или три?

— Не три, а пять, — поправил бритунийца Эртель. — Впрочем, какая разница? Я не могу по-



нять, отчего нигде не видно проходов наверх, к первому этажу дворца?

— А может, мы уже миновали пределы дворца? — кашлянул Веллан. — И ходим где-нибудь под домами Пайрогии? Я слышал, будто в аквилонской столице, в Тарантии, существует целый подземный город, огромный и очень таинственный... Старые города славятся подземельями.

— Только не Пайрогия! — возразил Эртель. — Городишку-то всего триста лет! Бритунийцы не успели бы накопать подземных галерей, да еще и тайно!

— Но-но! — возмутился Веллан. — Ты моих соотечественников не обижай! Если бы захотели — выкопали бы подземный ход до Тарантии через Султанапур! Ой, Эртель, а это что такое?

Это была дверь. Доски выструганы из самого настоящего железного дерева, отличающегося темными волокнами, перемежаемыми толстыми зеленоватыми жилами. Такая древесина подтверже самой лучшей стали. Дверь, однако, выглядит старинной — бронза накладок покрылась слоем патины, по доскам ползают слизни, а петли заросли паутиной так, что заметить их было почти невозможно.

— Какая-нибудь забытая сокровищница, — отмахнулся Эртель. — Ничего интересного.

— Кресало дай, — вдруг попросил бритуниец. — Что-то запашок здесь подозрительный... Не чувствуешь?

Эртель повел носом и нахмурился. Было отчего. Нюх оборотня, даже притупленный челове-



ческим обличем, ясно различал запахи сапожной смазки, плохого масла и почему-то свежего мяса. Эртель едва успел ухватить легкую волну другого запаха — винного. Здесь совсем недавно бывали люди. Или не-люди.

— Выход близко, — прошептал Эртель, но Веллан вовсю трудился над кремнем и кресалом, пытаясь выбить искру на обгорелую тряпочку. Огня светлячков ему сейчас не доставало. Требовалось как можно больше света. Веллан работал, используя всю свою интуицию, которая его никогда не подводила — ни во время службы в отряде «охотников на чудовищ», ни в последние седмицы, посвященные охоте на Бешеного Вожака. — Велл, ты меня слышишь? Оставь эту дурацкую дверь! Пойдем по запаху!

Тряпочка вспыхнула язычками большого оранжевого пламени, и Веллан сумел рассмотреть царапины на бронзовой пластине, в которой зияла замочная скважина. Царапины совсем свежие. Скважина щедро смазана маслом.

Оборотень подергал за ручку, но дверь, разумеется, не подалась. Попробовал ковырнуть мечом доски, однако железное дерево стойко сопротивлялось — лезвие просто соскальзывало.

— Зачем тебе это надо? — шипел Эртель. — Пошли навстречу!

— Интересно, — столь же яростно шикнул бритуниец. — Подземелья заброшены, следов человека нет, а тут, представь себе, бывали не далее, как вчера! Очень хочется заглянуть и узнать, что за тайны хранит король Эльдаран.



— Болван! — в голос рявкнул Эртель. — Видишь — замок, железное дерево. Эту дверь никогда не вскрыть, если нет ключа!

— Поспорим? — поднял бровь Веллан. — Знаешь, я у Конана кое-чему научился. Киммериец умеет не только работать мечом и головой, но и владеет особенной наукой, посвященной ограблению ближнего своего. Говоришь, дверь неприступна? Ха-ха!

Веллан отошел, вынул меч из ножен, примерился и нанес три быстрых удара по верхней петле, едва выступавшей из-под слоя паутины. Закаленная сталь победила старинную бронзу. Петля слетела.

— А теперь, — воодушевленно хмыкнул бритуниец, — мы заглянем за сию грандиозную преграду и обнаружим там...

— ...Вход в царство Нергала, у которого Эльдаран и Вегель ежедневно выпрашивают новые каверзные советы, — снисходительно сказал Эртель, наблюдая, как меч бритунийца сшибает вторую петлю, сделанную из мягкого металла: — Или могилку, на которой написано: «Здесь покоится Веллан, сын Арта».

— Шуточки у тебя... — Велл не без натуги отбросил тяжелый притвор и осторожно заглянул внутрь. — Лестница. Вниз ведет. Запахи гораздо сильнее, не чувствуешь?

Эртель кивком подтвердил слова компаньона. Пахло не только человеком, но и чем-то... Чем-то странным и в то же время знакомым. Пахло зверем. Волком. Неужто бешеные сородичи побы-



вали и здесь? Значит, можно сделать далеко идущие выводы. Эльдаран привлекает сумасшедших оборотней, а может быть, и самого Бешеного Вожака. От подобного приключения Эртель не мог отказаться — если здесь побывали соратники Вожака, значит, в подземельях просто обязательно встретится нечто, способное помочь отыскать Книгу Бытия.

— Двинулись,— Веллан не убрал меч, а держал его в правой руке, лезвием вниз и влево. Так, чтобы можно было мгновенно ударить из нижней позиции в пах врагу или отбить наносимый из-за плеча удар. Клинок Эртеля с едва заметным шипением покинул ножны.

Первые две сотни шагов не принесли особых сюрпризов. Сначала тридцатиступенчатая лестница, затем долгая, с низким каменным потолком, галерея. Никаких ответвлений. Ни единого дуновения сквозняка. Затхлая вонь подземелья. Легкий аромат, достоверно повествующий любому оборотню о присутствии сородичей. Обычные пауки и светлячки.

— Всеблагая Иштар! — истово прохрипел Веллан, когда коридор завернул вправо и показался свет. Оборотень среди всего сонмища богов более почитал славную богиню любви и верности, а оттого всегда взывал к Лучезарной.— Эртель, ты только посмотри! Помнишь легенды? Жуткие истории, которые тебе рассказывали родители возле жаркого очага во время зимней выюги? Это же... Капище Фреки, один в один! Ни с чем не спутаешь!



Галерея вывела оборотней в круглый зал с куполообразным потолком. Несколько светильников в виде волчьих голов. К светильникам подводятся тонкие медные трубочки, подающие исторгаемый землей горючий газ. Никаких украшений, только огонь и черная сталь. Посреди зала удивительная статуя — сидящий волк. Восседает, будто благовоспитанная хозяйская собака: на задних лапах, обвившись пушистым хвостом. Правая передняя нога — обычная, волчья. Четыре когтя царапают гранит постамента. Левая передняя вытянута вперед, но только заканчивается не коготками и подушечками, а человеческой ладонью, сжимающей кинжал, направленный острием вниз. Слово бы тварь замахивается и готова нанести удар.

Эртель и Веллан застыли, раскрыв рты. Вот он, тайный символ Карающей Длани! Волк с человеческой рукой, сокрушающий, по древней легенде, мерзость человечества. Вот она, истинная Карающая Длань, дарованная волкам!

— С ума сойти...— поразился Эртель.— Это же легенда, сказка! Наш народ никогда не поклонялся Фреки! А тут — настоящее святилище! Все демоны мира! Смотри, жертвенник!

Пещеру осмотрели быстро. Светильники, статуя, жертвенный камень с несколькими кровостоками. На черном граните — застывшая кровь. Причем недавняя, не успевшая еще превратиться в порошок. А вот за статуей Фреки, древнего зверобога, в стене имелись Ворота. Нет, не ворота — Врата!



— Веллан,— наследник трона потерял остолбеневшего бритунийца за рукав,— что это такое, по-твоему?

— Не знаю,— тихо прошептал Веллан, наблюдая.— Но, клянусь своей беспутной жизнью, ничего хорошего эта штукавина нам не несет!

Врата были огромными, не менее трех человеческих ростов в высоту и шириной в десять шагов. Две створки, заложенные четырьмя засовами. Посреди — замок. Очень большой, с человеческую голову размером.

Створки созданы из неизвестной древесины серо-зеленого цвета. Древесины гнущейся и колыхавшейся, будто тесто. Кто-то, находящийся с той стороны, неслышимый, но огромный и тяжелый, ударял всем своим телом во Врата, явно пытаясь их сломать, странное дерево выгибалось, кричали засовы и позванивал замок, но... Существо, явившееся за Вратами, наткнулось на непреодолимую преграду.

— Что это такое? — повторился Эртель.— Можешь надо мной сколько угодно смеяться, но мне страшно.

— Или я сошел с ума,— медленно и внятно произнес Веллан,— или перед нами Врата Серой Дороги. Помнишь сказки? Вернее, то, что мы считали сказками? Это правда. Это ложное божество, которое хотят навязать нашему народу. Это — смерть. Смерть для всех. Для нас, оборотней, и для людей.

— Спасибо, успокоил,— икнул Эртель.— И что теперь? Понимашь, на какую тайну мы набрали?



— Понимаю,— бритуниец опасливо, но не без заинтересованности смотрел на колыхающиеся под бесполезными ударами Врата.— И еще понимаю другое. То, что находится за этими Вратами, нельзя выпускать в наш мир. Согласен?

— Согласен. А что надо делать?

— Быстро выбираться в город, искать Конана, Тотланта и Эмерта. Мы сможем противостоять этому монстру только все вместе. И только если найдем Книгу Бытия. Иначе...

— Иначе будет очень плохо,— вздохнул Эртель.— Слушай, а может эта дрянь тут который век колотится? И ничего? Может, Фреки сидит за этой дверью десять тысяч лет и еще столько же просидит?

— Но почему на двери были свежие отметины? — Веллан сразил приятеля бесспорным аргументом.— Про зверобога кто-то вспомнил. И хочет его использовать в своих целях. Я боюсь Фреки. Хотя бы потому, что он — не волк. Он хочет казаться волком...

— Оборотень среди оборотней? Любопытно... Люди боятся нас потому, что племя Карающей Длани наделено даром возвращения к своей звериной природе, а мы не понимаем, откуда у человека страх перед оборотнем. Теперь я начал сочувствовать людям. Достаточно было появления оборотня среди нас самих.

* * *

Обратный путь через тоннель к подземельям замка занял немного больше времени, ибо Вел-



лан с Эртелем ожесточенно спорили. Предметом разногласий стали, разумеется, капище Фреки и вопрос о том, какое отношение к зверобогу имеют бритунийский король, его двор, Бешеный Вожак и сами посланники из Пограничного королевства.

— Люди или оборотни в капище бывают, причем частенько, — втолковывал Эртель. — Это ясно, как день. Покровительство им оказывает либо сам Эльдаран, либо кто-то из высокопоставленных приближенных короля. Иначе бритунийский монарх категорически запретил бы держать в подполе собственного замка такую гадость.

— А вдруг Эльдаран, охмуренный Бешеным, лично бегает по ночам в святилище Фреки и поклоняется ему?..

— В извращенной форме, — фыркнул Эртель. — Король-то не оборотень! Зачем Эльдарану почитать тотемное звериное божество? Но я подозреваю, что Бешеный Вожак глубоко запустил свои щупальца в королевский дворец...

— Щупальца есть только у редкостного полу-денного зверя осьминога, живущего в море Вилайет, — со знанием дела сказал Веллан. — А у Бешеного — лапы. Или руки. Но в одном ты прав — Вожак наверняка избрал Пайрогию местом нового бунта взбесившейся Стаи. И мне очень не понравились Врата в капище. Надеюсь, у Вожака и его приспешников хватит ума не выпускать Фреки в наш мир.

— Слова «Бешеный Вожак» и «ум» несовместимы. Также как Конан несовместим с поняти-



ем «трезвая благочестивая жизнь»... А ну, тихо! Остановились!

— В чем дело? — прошептал Веллан. — Помогите, здесь никого нет.

Оборотни находились как раз возле прохода в подвалы замка. От сломанной двери их отделяли всего пять ступенек. Внешне — никаких признаков врага. Абсолютная тишина, не нарушаемая чужим дыханием, нигде не позвякивает металл и не скрипит кожа сапог. Единственным изменением, насторожившим Эртеля, был легкий сквозняк — подул свежим ночным ветерком, словно в подземелье неожиданно образовался проход наверх, на улицы города или в дворцовый парк. Пахло осенней сыростью, палыми листьями и почему-то псиной.

Медленно двинулись дальше. Вот дверь, свороченная с петель, вот три расходящихся коридора. Ветерок наносится из правого. В ту сторону оборотни еще не ходили.

— Стоять! Бросить оружие!

Возглас раздался из пустоты, резкий и грубый. Веллан от неожиданности уронил меч и грязно выругался. Эртель, потеряв самообладание в значительно меньшей степени, заорал в темноту:

— Больше ничего не хочешь? Меч тебе подавай! Кто там гавкает?

Снова тишина и мрак. Веллан, кряхтя, нагнулся, поднял клинок и озадаченно глянул на Эртеля.

— Ставлю пять золотых на то, что это шуточки Конана...



Бритуниец проиграл. Внезапно (без магии явно не обошлось) во всех трех коридорах вспыхнули факела и оказалось, что каменные галереи перекрыты несколькими десятками вооруженных людей, вовсе не похожих на королевских стражников. Длинные мечи, у некоторых — кольчуги, у других кожаные клепаные нагрудники, лица скрыты шлемами самых разных форм. Впереди, неподалеку от двери, ведущей в капище, стоял человек в темно-сером плаще с низко надвинутым на лицо капюшоном.

— Нет, это не Конан,— покачал головой Эртель.— Это гораздо хуже. Давай пять золотых. Умру богатым.

— Что может быть хуже Конана? — удрученно спросил Веллан.— Только охранники тотемного святилища. Эй, почтенные, мы там ничего не осквернили, только посмотрели на статую!

— Не понимаю, отчего ваше безмозглое племя даже собственную смерть умудряется превратить в дешевый балаган? — без всяких эмоций поинтересовался человек в сером.— Итак, вы положите оружие. Не забудьте снять с поясов кинжалы и тоже бросить их на пол.

— А потом? — наклонил голову Эртель.

— Потом вы будете дожидаться решения вашей участи там, где и положено: в темном и холодном подземелье,— бесстрастно сказал серый, а Веллан подумал, что незнакомец не лишен своеобразного чувства юмора.

— А в светлом и теплом нельзя? — нервно хихикнул наследник короны Пограничья, однако



аккуратно положил меч на каменные плиты пола, развел руками и тихонько подтолкнул клинок в сторону неизвестного. Драться против трех десятков противников было невозможно.

— Нельзя,— с притворным огорчением сказал человек, застыл, словно раздумывая, и все-таки отбросил с лица капюшон.— Господа посланники, вам не кажется, что совать нос в чужие тайны — чревато? Понимаю, это интересно, но за всякий интерес следует платить.

— Советник Вегель? — Эртель ничуть не удивился.— Я так и знал! И за какую сумму ты продался Бешеному Вожаку? Тысяча кесариев, две тысячи? Десять?

— Я такие мелкие взятки не признаю,— холодно усмехнулся месьор советник.— Вождь обещал мне корону Бритунии и безопасность страны, которую станут оберегать оборотни.

— Бешеные оборотни оберегают Бритунию,— медленно повторил Веллан, словно пробуя эти слова на вкус.— Советник, тебе не приходило в голову обратиться к лекарю? Эрт, кажется, месьор Вегель просто сошел с ума. Заодно с оборотнями Бешеного. Слышишь, бредит, бедняжка?

— Шутки в сторону,— советник Вегель нахмурился.— Если вас, господа посланники, не спасли ваши мечи, то длинные языки не спасут и подавно. Раздевайтесь.

— Что?! — подался вперед Эртель.— Раздеваться? Зачем?

— Раздевайтесь,— повторил советник.— Или вас разденут насильно.



— Кхм,— Веллан смерил охрану Вегеля подозрительным взглядом.— Месьор, у меня, конечно, репутация не самая лучшая, но в противоестественных связях с королевскими советниками я доселе замечен не был... Тише, тише, подчиняюсь насилию. На помощь можно звать? Ах, нельзя? Жаль.

Оборотни заметили, как оскорбленный Вегель уже махнул рукой своим, чтобы те приступили к лишению господ послов их небогатых одежд. Лучше было послушаться странного приказа и начать разоблачаться самостоятельно.

— В такую дурацкую историю я еще никогда не влипал,— шипел Веллан, путаясь в застежках куртки.— Насиловать — насиловал, но чтоб меня?... Кто узнает — засмеют.

— Прекратите скабрезничать! — поморщился советник.— Впрочем, в вашем положении ничего другого делать не остается. Благодарю вас, месьоры. Штаны тоже можно снять.

— Настаиваешь? — хищно улыбнулся Эртель, но мигом помрачнел — к Вегелю подошел еще один незнакомец в таком же сером плаще и с величайшей осторожностью вручил советнику большой прямоугольный сверток алой парчи.

Вегель убрал ткань и глазам оборотней предстала... книга. Большая, в черном кожаном переплете. Никаких украшений, кроме двух рубинов на обложке. Казалось, из глубины книги на тебя смотрят красные глаза.

— Знаете, что это? — осведомился Вегель, указывая взглядом на книгу.



— Грамоте не обучены,— злобно огрызнулся Веллан, хотя и догадывался, какой именно фолиант держит в руках месьор королевский советник.

— Это Кинга Бытия, священный трактат народа Карающей Длани,— скучным голосом проговорил Вегель. Создавалось впечатление, будто Книга его несколько не интересует.— Вам любопытно, господа, откуда она у меня взялась?

— Нам не любопытно, нам холодно,— пожаловался Эртель.— Советник, хватит тянуть! Или что-нибудь делай, или позволь снова одеться. Как-то неприлично в присутствии древней реликвии сверкать голым задом.

— Остроумные вы у меня ребята,— улыбнулся Вегель углом рта. Раскрыл Книгу на странице, заложенной плоской сандаловой дощечкой. И, не глядя в сторону посланников, начал читать.

Язык Веллану и Эртелю был малопонятен — проскальзывали словечки из старинного наречия оборотней, некоторые слова, если судить по обилию глухих звуков, были вообще кхарийскими... Вегель читал заклинание, и оборотни почувствовали его действие мгновенно. Заклятье изменяло облик и сопротивляться начавшемуся превращению человеческого тела в звериное было невозможно. Веллан только ощутил, как чеканные фразы Книги Бытия затуманивают его рассудок, сковывают волю и делают полностью покорным господину, владеющему Книгой.

— Вот и замечательно,— столь же бесстрастно сказал Вегель, когда перед ним стояли два изряд-



но обескураженных волка. Поза подчинения: хвост поджат, голова опущена, глаза косятся виновато и опасливо. — Десятник Ламбер! Ошейники, намордники, все, что положено. Они не будут сопротивляться. Отвести вниз и приковать.

Невысокий юркий десятник поднял забрало шлема и понимающе кивнул.

— А с лысым что делать? — Ламбер указал на человека, стоявшего позади личных гвардейцев советника. На голове пленника красовался мешок, руки были связаны за спиной, а шею укрывала петля.

— Посадите вместе с ними, за компанию. Рук не развязывать, чтобы не сумел колдовать. Исполняйте!

Все еще находившиеся под действием заклятия Книги оборотни беспрепятственно позволили надеть на себя металлические ошейники и намордники из стальной проволоки, и поплелись вслед за десятником обратно к капищу Фреки. Туда же отправился и человек с мешком на голове, бесцеремонно подталкиваемый в спину древками копий стражи.

В подземном коридоре осталась валяться лишь неопрятная куча одежды господ королевских посланников.



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой Конан организует очередной заговор



Всякое дело, даже заговор против короля крупного и уважаемого государства, вполне осуществимо. Надо лишь подойти к нему вдумчиво, отыскать требующие инструменты, затратить время и силы на подготовку, и выбрать подходящий момент.

Конан был уверен: если бы все заговорщики следовали этим простым и понятным даже варвару правилам, ни один король в странах Заката не усидел бы на троне больше седмицы.

В прошлом Конан неоднократно оказывался в центре событий, связанных с низложением самых разных монархов, однако почти всегда терпел неудачу.

Достаточно вспомнить попытку переворота в Кофе лет десять назад или, например, историю со свержением императора Пагана, в которой Конан принимал самое непосредственное участие. Киммериец был уверен, что, если бы заговорами руководил он и никто другой, перевороты закон-



чились бы полной и немедленной победой злоумышленников.

Но варвару почему-то никогда не давали покомандовать, оставляя Конана на вторых ролях обычного исполнителя. А если вспоминать, что обычно руководители заговоров грызлись между собой, ссорились и мешали друг другу в надежде урвать побольше и спихнуть соперника за борт лодки...

Вполне естественно, что законные монархи моментально раскрывали столь недобросовестно состряпанные комплоты, их руководители чаще всего выходили сухими из воды, ну, а отвечать за всех приходилось уже упомянутым исполнителям.

На сей раз Конан принял решение не доверять столь ответственное дело, как заговор, никому, включая Альбиорикса, и заявил капитану гвардии, что командовать будет лично он, Конан, и никто другой.

Альбиорикс, как ни странно, согласился, не без цинизма сообщив варвару, что в таком случае главного организатора повесят первым, а месьор капитан заявит, что его вынудили сотрудничать с помощью шантажа, угроз и запугивания. И вообще, он все хотел рассказать с самого начала ищейкам советника Вегеля, но боялся страшного киммерийского горца и его дружков-оборотней.

Конан лишь расхохотался, похлопал Альбиорикса по плечу и напомнил, что государственных преступников не вешают, а колесуют.



На сией оптимистичной ноте встреча с капитаном закончилась, и варвар, пообещав заглянуть в дом Альбиорикса незадолго до рассвета, покинул разгромленный кабак, не забыв разжиться у капитана начищенной серебряной бляхой десятника стражи Пайрогии.

Такой знак давал Конану право не объясняться с ночными патрулями и даже командовать городскими стражниками.

Скучающий Гуннар, ожидая, пока затянувшаяся беседа закончится, сидел под окнами кабака и играл в кости сам с собой, причем, что характерно, проигрывал.

Увидев вышедшего наружу Конана, он радостно улыбнулся, вскочил и подбежал к киммерийцу.

— Смотрите-ка, живой и даже здоровый! — воскликнул Гуннар. — Только перегаром несет за лигу. Я уж думал, Альбиорикс тебя выпотрошит прямо на трактирном столе за все наши безобразия. Ого, глядите-ка! А бляху десятника где раздобыл? Украл?

— Подарили, — хмыкнул варвар. — А скажи-ка мне, дружище, нравится ли тебе король Эльдаран?

— Король — это король, — заметил Гуннар философически. — Он не может нравиться или не нравиться. Как государь Бритунии Эльдаран был не так плох, хотя в последнее время и начал сдавать. А как человека я его совсем не знаю. Жалование, гад, обещал повысить, еще год назад... Вот и ждем обещанного.



— Хочешь быть сотником? — напрямую спросил Конан, шествуя вместе с рыжим стражником по ночному городу в сторону улицы Фонарщиков.

— Подумать надо, — засопел Гуннар. — Местечко, конечно, хлебное, но и забот много. Взятки не в пример наших больше. А что, Альбиорикс новые звания раздает?

— Я раздаю, — самоуверенно заявил Конан. — Хочешь быть сотником — будьешь.

— Мне бы лучше деньгами, — усмехнулся Гуннар. — А ты у нас теперь большим начальником стал? И наилучшим другом капитана Альбиорикса?

— Короля Альбиорикса, — посмеиваясь, сказал Конан.

— Вот даже как? — стражник, похоже, вовсе не удивился. — На мой взгляд, лучше бы королем был Вегель. Советник — человек умный. А капитан, то есть извини, Его нынешнее величество только впереди гвардии на белом коне скакать может да мечом махать. Когда это он успел корону-то у Вегеля перехватить?

— Не «нынешнее» величество, а будущее, — поправил Гуннара киммериец. — Мы тут заговор устроили. Как, примешь участие?

И, не давая Гуннару опомниться, Конан быстро изложил свою теорию государственных переворотов.

Справедливости ради следует заметить, что Гуннар не делал круглых глаз, не возмущался, не пытался убежать с доносом в следственную уп-



раву советника Вегеля, а в финале даже заметил, что Конан для варвара чересчур умен.

— Значит, нужны инструменты, подготовка и время, — морща лоб, сказал Гуннар. — Инструмент понятен какой. Гвардия Альбиорикса. Подготовить за сутки мы ничего не успеем, не говоря уже про то, что времени не остается. Согласен, Альбиорикс сменит караулы во дворце, кто-нибудь за большую плату зарежет короля прямо в спальне, а доверенные офицеры гвардии арестуют Вегеля. На словах все просто. Но есть и другая сила — оборотни. Бешеные оборотни, которым покровительствуют король или месьюр советник. Если они вмешаются — быть беде. Ладно, я участвую. Мои условия — чин сотника гвардии, и пять тысяч золотых аквилонских кесариев. Неплохо бы дворянский титул. Герцогом быть не хочу, а вот бароном — пожалуйста. Можно просто титульным, без земли и замка. Но если и надел какой дадут — не откажусь.

— Вот размечтался! — варвар поразился жадности Гуннара. — У тебя шемитов в родне не было?

— Дедушка по материнской линии, — легко согласился Гуннар. — Из самого Асгалуна. Съел? Киммериец только поморщился.

Они миновали восемь кварталов, редкие патрули странной парочкой почти не интересовались, благо Гуннар был одет в драную форму городской стражи, а на груди Конана поблескивала бляха с короной, мечом и дубовыми листьями.



— Куда направляемся? — поинтересовался Гуннар у киммерийца.

— Искать моих дружков. Все куда-то потерялись. Веллан с Эртедем сгинули прямо из дворца, Тотлант и Джареф исчезли напрямиком из дома, причем я не понимаю, какой именно Джареф исчез. У Эмерта было подозрение, что Джареф совсем не Джареф, а кто-то другой. Кстати, сам Эмерт тоже исчез. Здорово, правда?

— Да уж, здоровее не бывает, — покачал головой Гуннар. — И в такой пакостной обстановке устраивать заговор?

— Обстановочка самая подходящая, — усмехнулся Конан. — Сплошной бардак. Если запутались мы, значит, запутаются и цепные псы советника Вегеля. Гуннар, между прочим, чем ты сможешь мне помочь, кроме болтовни?

— Ну... — Гуннар задумался. — У меня есть дружки в страже. За денежки помогут своими клинками. Только аванс надо дать.

— Опять расходы, — огорчился варвар, но все-таки вытянул из пояса несколько тяжелых золотых аквилонской чеканки и вручил деньги Гуннару. — Лишний меч никогда не помешает. Поговори с ними. Но учти — это должны быть верные люди.

— Будь спокоен. Не продадут. А если и продадут, то сперва предупредят. Еще что-нибудь?

— Конечно. Вот угол Большой Кобылиной и Фонарщиков. Я сворачиваю, а ты идешь отрабатывать баронство. Мне нужен человек по имени Кейлаш. Он у кезанкийских горцев кто-то вроде



старейшины и сейчас он точно в Пайрогии. К утру вынь мне Кейлаша из-под земли и приведи... Нет, в дом Альбиорикса не стоит, не будем вызывать лишних подозрений. Знаешь какой-нибудь скромный и тихий кабак неподалеку?

— «Эфес» в переулке Меча, — с готовностью отозвался Гуннар.

— Его еще не спалили? — Конан несказанно удивился. — Я туда еще в молодости ходил. Вино неплохое, а вот девки берут слишком дорого за свои скупые ласки. Ладно, «Эфес» так «Эфес». Чтобы утром сидел там вместе с Кейлашем и глаз с него не спускал. Бегом!

* * *

Улица Фонарщиков не зря носила свое название. Проезд был достаточно ярко освещен множеством масляных ламп, затянутых слюдой. Конан, будучи уверенным, что его встретит пустой и холодный дом, без всякой надежды подошел к обиталищу Джарефа (вокруг дома просто обязан была находиться стража, оставленная Альбиориксом, но почему-то в округе не замечалось ни одного патруля) и внезапно обнаружил, что в окнах первого этажа горит свет.

«Наверняка люди месьора капитана решили устроиться внутри дома, — подумал варвар. — Зайдем, пообщаемся. Может, узнаем чего нового. Вдруг я зря поднимал панику? Эмерт с Тотлантом вполне могли вернуться».

Конан взбежал на осиянное аж четырьмя лампами крыльцо и забарабанил в дверь кулаком.



Киммерийца не заставили долго ждать. Громыкнул засов, и створка приоткрылась.

— А вот и наш искатель приключений,— ухмыльнулся Джареф.— Ты где шаялся, разбойник?

— Э-э... — не в силах вымолвить ни единого слова от удивления, протянул Конан.

— Ясно, в кабаке. Или у веселых девиц,— согласно покивал Джареф.— Проходи, ужин давно остыл.

— А... А Тотлант дома?

— Как ушел днем, так и не появлялся. И месьор Эмерт тоже. Это ты мне полный двор стражи нагнал? Перевернули дом с ног на голову, что-то искали, но так и не нашли...

— Постой, постой! — окончательно запутался Конан.— Когда стража приходила с обыском, ты был дома?

— Пришел к самому завершению сего занимательного действия,— поморщился Джареф.— Как ничего не украли — до сих понять не могу. Офицер потом извинился, забрал своих ищек и отбыл. По-моему, это были люди Вегеля. Вы на крючке у советника, Вегель решил, что посланцы из Пограничья могут быть опасны. А тебе еще вчера предписывалось покинуть город.

«Врет и заговаривает зубы! — подумал варвар, хмурясь.— Альбиорикс утверждал, что в доме никого не нашли, и с хозяином не разговаривали. Вдобавок любой житель Пайрогии может отличить форму гвардейцев капитана от серых плащей приспешников Вегеля. Или все-таки Джа-



реф не врет, а меня водит за нос Альбиорикс? Может, и обыска никакого не было? Поди разберись в этом кавардаке!»

Утрюмый Конан, сославшись на то, что хочет спать, поднялся наверх и решил вздремнуть до рассвета. На всякий случай затеплил свечу, положил рядом клинок, но сомкнуть глаза не удалось. В тонкую слюду окна ударило несколько маленьких камешков.

— За что Кром посылает мне такое наказание? — простонал Конан, поднимаясь с ложа. Осторожно подошел к окну, открыл и сразу посторонился. Не будешь внимателен — получишь арбалетную стрелу. В этом славном городишке всякое может случиться.

— Что? — громко шикнул варвар в оконный проем.

— Не ори,— едва слышно донеслось снизу.

— Эмерт, ты? — ахнул варвар и перегнулся через подоконник. На самом краю круга света от уличного фонаря стоял оборотень-боссонец и делал оживленные жесты, общий смысл которых сводился к единственному призыву: «Немедленно спускайся!»

— Полезли в окно, нам не привыкать,— пробурчал под нос Конан, ловко спустился по камням фасада в небольшой палисадничек, окружавший дом, и быстро побежал к Эмерту.

— Хоть кто-то из наших появился,— покачал головой боссонец.— Я здесь торчал половину дня и весь вечер.

— Зачем? — поднял бровь Конан.



— События интересные происходили, хотел понаблюдать.

Если верить Эмерту (а оборотню Конан верил безоговорочно), днем на улице Фонарщиков происходил суший бедлам.

...Началось все с того, что Эмерт, явившись к дому Джарефа в послеобеденное время, узрел, как человек пятнадцать-двадцать гвардейцев, а, стало быть, людей Альбиорикса, вошли внутрь, осмотрели палисадник, сарай и конюшню, после чего отбыли восвояси.

Ни хозяина, ни оставшегося дома Тотланта, ни слуг они не обнаружили.

Затем, примерно через один колокол, к дому подъехали четыре крытых повозки, из которых высыпали люди в серых плащах — герои сыскальной управы советника Вегеля — и также обшарили строения от подавал до чердака. В разгар обыска прибыл со службы Джареф и, как офицер службы Его величества Эльдарана, закатил скандал из-за беспричинного обыска, устроенного серыми ишейками.

Люди Вегеля извинились, расселись по своим колесницам и покинули сцену. Эмерт заходить внутрь не решился, ибо подозревал Джарефа в том, что он вовсе не Джареф, и остался присматривать.

Джареф более из дома не выходил, слуги пришли только к вечеру, а сразу после полуночи прибыл Конан. Вот и вся история.

— Ерунда какая-то, — озадачился варвар. — Тут явно кому-то морочат голову. И, скорее всего,



морочат мне. Эмерт, скажи пожалуйста, пока ты гулял по городу, на тебя кто-нибудь нападал? За тобой следили, или пытались куда-нибудь заманить?

— Нет. Насчет слежки я не ручаюсь, а так — день прошел очень спокойно. Что-нибудь случилось?

— Случилось, — Конан сплюнул. — Я участвую в заговоре против короля, Тотлант испарился незнамо куда, Эртель с Велланом потерялись прямо в королевском дворце и больше их никто не видел, завтра наступит ночь Девяти Звезд и придет конец мира, который пожрут древние зверобог. Весело?

— Обхохочешься, — нахмурил брови Эмерт. — И что теперь делать?

— Меч у меня есть, теперь надо найти Книгу и Странника.

— Конан, я тебя просто обожаю за ясность разъяснений, — вздохнул боссонский богатырь. — А теперь ты расскажешь мне все с самого начала и как можно подробнее.

— Стоя посреди улицы? Пойдем домой.

— Не хочу, — набычился Эмерт. — Там Джареф, а я ему не верю. Точнее, там совсем не Джареф, а какой-то...

— Оборотень? — невинно подсказал Конан. — Плюнь. Там тепло и есть вино. А в трактир я сегодня больше не пойду. Там зубастые монстры и капитаны королевской стражи, пристающие к мирным путешественникам с просьбами свергнуть короля.



Эмерт посмотрел на Конана, будто на душевнобольного, в сотый, наверное, раз вздохнул и направился к крыльцу.



ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,
в которой Конан находит Кейлаша,
а Кейлаш умирает



Невыспавшийся и злой как оса, Гуннар сидел в уголке обеденной залы «Эфеса», рядом со смуглым длинноволосым стариком, у которого вместо левой ноги имелась гладко обструганная деревяшка из драгоценного палисандрового дерева.

Одет старец был богато, как и положено старейшине — парчовый туранский халат, но не длинный, а чуть выше колен, небольшая матерчатая шапочка с вышивкой бисером, на уцелевшей ноге — бирюзовая туфля с загнутым носом, а на поясе роскошная сабля, инкрустированная золотом и разноцветными кристаллами аметиста. Гуннар рядом с величественным Кейлашем выглядел совершенным заморышем и нищепродом.

У старика имелась своя охрана. Поодаль, за соседними столами, восседали шестеро здоровяков-кезанкийцев с угольно-черными бородами. Одинаковые войлочные чапаны, головы прикрывают темно-зеленые с белой вышивкой тюр-



баны, из-под одежды видны рукава кольчуг. Маса самого разнообразного оружия — ятаганы, два самострела, метательные ножи на перевязях. Вид у всех несимпатичный и суровый. Пьют не вино, а сладкий шербет — воинам из Кезанкии запрещается употреблять горячительные напитки.

— Кейлаш! — радостно взревел Конан, едва показавшись на пороге «Эфеса» и вызвав тем самым угрожающее оживление среди подозрительных горцев. — Лет пятнадцать не виделись! Ты словно и не стареешь! Как был седым и морщинистым, таким и остался!

— А ты, Конан, повзрослел, но не поумнел, — добродушно прохрипел Кейлаш, рассматривая варвара слезящимися глазами. — Рад приветствовать. Познакомь меня со своими друзьями.

Старик указал взглядом на двоих людей, пришедших вместе с Конаном.

— Эмерт из Боссонии, — варвар ткнул пальцем в грудь оборотня. — Наемник и, замечу, неплохо знает свое ремесло. Джареф, мой старый друг. Сейчас на службе у короля Бритунии.

Эмерт Кейлаша совсем не заинтересовал, а вот на фигуре молчаливого Джарефа старик остановил взгляд надолго, не меняя, впрочем, выражения лица и глаз.

— Зачем звал, почему хотел встретиться? — сразу приступил к делу Конан, отодвигая в сторону заснувшего Гуннара. — Все прошлые дела мы закончили, общих долгов нету...

— Я тебя звал? — Кейлаш впервые позволил себе показать удивление. — Ты присылаешь ко



мне среди ночи этого голодранца (старик покоился на Гуннара), требуешь немедленной встречи... Я полагал, что моего друга Конана постигла беда и немедленно поспешил...

— Постой, постой! — Конан помотал головой, будто просыпающаяся собака. — Я намерен был во дворце у короля Эльдарана. Ко мне подошел какой-то кезанкиец и сообщил, что старина Кейлаш хочет меня увидеть и назначил встречу в трактире «Сын гор». Я пришел, меня там пытались убить, послали клыкастую нечисть, едва не разорвавшую меня и Гуннара на клочки... Как это понимать, Кейлаш?

— Э-гм, — с самым мудрым видом кашлянул пожилой горец. — Не хочу сказать ничего плохого, дружище, но никто из моих родственников или друзей не служит во дворце короля Бритунии. Мало того, старейшины моего клана даже никогда не приглашаются к Эльдарану. Король почитает кезанкийцев низкородным племенем.

— Так. — Варвар откинулся на спинку стула и схватился за голову. Эмерт, уж на что тихоня и молчун, втихомолку заржал. Джареф посмотрел сочувственно. — Кто-нибудь мне объяснит, что происходит в этом вонючем городишке? Гуннар! Просыпайся, оборванец!

— Чего? — Гуннар воззрился на варвара красными слипающимися глазами.

— Ничего, спи дальше. Иначе убью.

— Может быть, мой досточтимый друг, Конан из Канахов, расскажет о трудностях, ныне его постигших? — преспокойно осведомился Кейлаш. —



Хотя я всегда был уверен, что самая большая твоя трудность — это ты сам.

— Не буду спорить, — отмахнулся Конан. — В общем, слушай. Нынче ночью будет конец света...

* * *

Если Конан увлекся красочным повествованием о жутковатом пророчестве, связанном с предстоящей Ночью Девяти Звезд, а все остальные восхищенно внимали, то Эмерт тихонько сидел в углу и думал о чем-то своем, бросая неприязненные взгляды на Джарефа. Между прочим, Джареф увязался вместе с Конаном, едва только услышав о предстоящей встрече со старейшиной Кейлашем, а варвар позволил Джарефу прогуляться вместе с ним до трактира. Конан по-прежнему не разделял подозрений Эмерта.

А какие, собственно, подозрения? В чем их смысл? В том, что Эмерт заявляет, будто Джареф — это совсем не Джареф? Смешно! Конан отлично знал по долгому опыту, что двух абсолютно одинаковых людей существовать не может. Да, встречаются двойники, можно перепутать братьев-близнецов или двойняшек, однако никакой близнец или двойник никогда не сумеет в точности копировать другого человека. Всегда найдутся отличия — родинки, манера поведения, мелкие незаметные привычки, делающие человека неповторимым... Конан отличался завидной памятью, и, пускай раньше видел Джарефа всего несколько раз, прекрасно его запомнил. Вывод был сделан окончательный: Эмерт ошибается. И



вообще, у боссонца в последние дни развилась самая настоящая мания преследования, любой тени пугается.

Может, это происходит от того, что Эмерт — оборотень, и чувствует близкое присутствие Бешеного Вожака? Он даже не сумел внятно объяснить свои подозрения насчет Джарефа, а только мямлил — мол, нашего хозяина подменили.

Предположение о подмене одного человека другим Конан отмел, как несостоятельное. Однажды, много лет назад, в немедийской столице Бельверусе, киммерийцу и его приятелю Морадину пришлось столкнуться с деятельностью мага Арраса, сумевшего поменять местами души короля Немедии и неизвестного дворцового служки. Тело короля являлось подлинным, а вот душа принадлежала ничтожеству, плясавшему под дудку Арраса и других заговорщиков. Интрига получилась хитрая, но заговор, как всегда и бывает, провалился из-за мелочи — человек, душу которого поселили в тело короля Нимеда, не смог вжиться в новую роль и выдал себя непривычным для короля поведением.

Многоумная графиня Эрде, госпожа Ринга, моментально поняла, что во дворце происходит нечто странное и благополучно раскрыла заговор, опираясь на помощь Конана и Морадина... По дороге в «Эфес» Конан вспомнил о случае с потерянном королем, внимательно осмотрел Джарефа и не нашел в его облике или манере держаться ничего подозрительного. В конце концов, Аррас — единственный маг, владеющий зак-



линанием перемены душ — живет где-то в Бельверусе, и уж совершенно точно немедийский колдун не стал бы помогать взбесившимся оборотням. Аррас хоть и гордец, но человек неплохой, а самое главное — умный. Ни один здравомыслящий представитель людского племени не пойдет на соглашение с Бешеным и его шайкой.

Но Эмерт продолжал дуться, смотрел на Джарефа волком и в прямом, и в переносном смысле данных слов, и старался держаться от него подальше.

—...Вот такая история,— закончил варвар свои объяснения, не упомянув, однако, про Альбиорикса и подготавливаемый заговор против короля Эльдарана. Незачем трепать языком, даже если перед тобой старинный друг.

Кейлаш величественно, как умеют делать только горские старейшины, покивал.

— Я знаю о пророчестве,— изрек наконец Кейлаш.— В Кезанкии и Бритунии оно достаточно хорошо известно. С течением лет прорицания первого Вожака отошли в разряд страшных сказок и долгие десятилетия их никто не воспринимал всерьез. Значит, ты знаешь о Книге, Мече и Страннике, способных открыть Врата Серой Дороги и выпустить Фреки?

— Только я не знаю, что произойдет после того, как этот поганый зверобог выберется из Нижней Сферы или где он там обитает,— в тон Кейлашу ответил варвар.— Меня пытались убедить, будто наступит конец мира или что-то еще хуже. Не мог бы ты рассказать поподробнее?



— Очень давно,— огладив бороду, начал Кейлаш,— когда в этом мире еще не было людей, Обитаемая Сфера находилась под властью животных. У зверей есть свои боги, иные добрые, иные не очень... Но все они враждебны людям, ибо человек — противник звериного мира. Он умнее, отчасти хитрее, он владеет оружием, он убивает не ради пищи, как делают животные, а ради удовольствия и богатства. Сменялись эпохи, мир зверей ушел в прошлое, наши боги изгнали звериных богов и приняли власть над этой Вселенной, но, как известно, божественные сущности бессмертны и неуничтожимы. Зверобоги живы и горят жадой мщения. Хотят отплатить завоевателям — людям и их богам.

— Можно вопрос? — заулыбался Конан.— Волки — это понятно. Волк — зверь серьезный, значит, и бог Фреки — тварь, достойная уважения. А вот скажи (Конан взял нож и пригвоздил к столу пробежавшего куда-то по своим делам матерущего черного таракана), у тараканов боги есть? А у крыс? А у комаров?

— Да,— фыркнул Джареф, внимательно слушавший объяснения старейшины,— комары должны ненавидеть человечество куда больше, чем волки. Сколько их, бедных, гибнет каждый день?

— Ты, Конан, порой туго соображаешь, и все дружки твои слабоумием изнурены,— беззлобно сказал Кейлаш.— Возращение древних богов будет означать схватку мира ушедшего, забытого, и нового, ныне существующего. Зверобоги поднимут животных против людей. И начнется война,



только война не совсем обычная. Ты не можешь себе представить взбунтовавшуюся домашнюю скотину? Попробуй! Представь, как свиньи убивают человеческих детей, как курицы заклевывают насмерть хозяйку, как твоя лошадь на полном скаку сбрасывает тебя с седла, а потом затаптывает копытами. Стая Бешеного Вожака — лишь предзнаменование грядущего бедствия. Проба сил, невинная шалость. То, что начнется после возвращения зверобогов, будет настоящим концом мира. Нашего, человеческого. Ясно?

— Кажется, да,— мрачно кивнул варвар.

— Когда Фреки выйдет на свободу, он найдет другие Врата и поможет прочим зверобогам освободиться. Не забудь, кроме волков существует множество других хищных и опасных животных.

— Но ведь пришествие зверобогов можно предотвратить,— сказал киммериец.— Меч, Книга и Странник есть у оборотней. Нам достаточно найти свои артефакты и запечатать ими Врата. Проще, чем с бревна упасть.

— Клинок у тебя интересный,— прищурившись, сказал Кейлаш, искоса рассматривая рукоять Рангильдора, торчавшую из-за правого плеча Конана.— Слышал я историю об одном очень похожем мече, некогда созданном для борьбы с бешеными оборотнями.

— Жалко, что я об этой истории узнал последним,— вздохнул Конан.— Да, это Рангильдор. Купил по случайности.

— Такие мечи по случайности не покупают,— строго ответил Кейлаш.— Магическое оружие



всегда само ищет для себя подходящего хозяина. А у меня — тоже по случайности — оказалась Книга. Наша Книга.

— Врешь! — Конан хлопнул ладонью по столу.— Так не бывает! Чересчур много совпадений! А ну, покажи!

— Она в моем доме,— поморщился Кейлаш.— Ты думаешь, я стану носить с собой столь великую ценность?

— Очень много запутанного и странного в этой истории,— озвучил Конан мысль, давненько его терзавшую.— Нас будто кто-то направлял. Кто-то заставил меня встретиться с тобой, кто-то захотел, чтобы описанные в пророчестве магические предметы оказались в руках союзников, кто-то похитил или убил моих друзей... Вот встречу этого «кого-то» — голову откручу! И все остальное, что откручивается!

— А потом повтыкаешь обратно в произвольном порядке...— съязвил Джареф.— Что будем делать? Артефакты у нас, недостает Странника.

— Недостает другого,— справедливо заметил Конан.— Того места, где эти вещи и Странник должны быть собраны воедино. Где Врата Серой Дороги? В пророчестве ничего про это не сказано! И еще не сказано о том, каким именно способом Врата нужно запечатывать.

— Мудрецы,— сокрушенно вздохнул Джареф.— Солнце, между прочим, восходит, а у нас осталось всего один день на поиски. Пойду я на службу во дворец, может, чего удастся разнюхать. Порасспрошу холуев из свиты советника Вегеля.



Люди из тайной службы обязаны знать местонахождение капища оборотней. Им за это жалование платят. Встретимся здесь же, в «Эфесе». Сразу после того, как отзвучит третий послеполуночный колокол. Конан, ты тоже время не теряй.

— Спасибо за ценное указание,— хмыкнул варвар. Джареф встал, откланялся и быстро вышел из трактирной залы, хлопнув дверью.

— А какой тебе, Кейлаш, интерес воевать с Бешеным? — осведомился Конан у старейшины. — И Книгу как добыл? Я сомневаюсь в том, что такая книга могла запросто продаваться в лавке коллекционера древностей или в храме.

— Бешеные нанесли урон моему клану, еще сто лет назад, когда приходил второй Вожак,— коротко ответил Кейлаш.— Вырезали две деревни. С тех пор кезанкийцы поклялись отомстить и ждали третьего пришествия Бешеного Вожака. Готовились к нему. Наш час настал. А где я нашел Книгу? Мы долго за ней охотились и едва не упустили последнюю возможность заполучить столь ценное оружие... Пойдем, Конан, со мной. Я смогу показать тебе Книгу, и мы посмотрим, узнают ли друг друга Книга и Меч. Они сделаны руками одного мастера, а значит, обладают схожей колдовской силой.

Варвар растолкал сонного Гуннара, помог Кейлашу подняться и зашагал к выходу. Бородатые родственники старейшины окружили старца.

Конан понял, что Кейлаш чего-то опасается и не желает оставаться без телохранителей. Ничего удивительного, если учитывать, что врагом



является Бешеный Вожак и от него можно ожидать любых пакостей.

Эмерт, следуя отданному киммерийцем приказу, отправился к дому Джарефа — наблюдать. Еще оставалась надежда, что Тотлант вернется.

Если стигийский волшебник вдруг появится, Эмерт должен будет отвести его в «Эфес» и дожидаться там Конана.

Кейлаш, разумеется, жил в квартале кезанкийцев — поворот с главной улицы налево, за митрианский храм, потом ближе к городской стене. Кезанкийские горцы, родственные туранцам, сохранили древние традиции — их дома были одноэтажными, с плоскими крышами, и небольшими внутренними двориками. Окон на улицу не было. Кейлаш двигался медленно, ибо палисандровая деревяшка вряд ли может полноценно заменить ногу, а вдобавок столь уважаемому старейшине не пристало бегать по улицам, будто мальчишке. Трое телохранителей Кейлаша шли впереди, остальные справа и слева. Спину прикрывали Конан и зевающий Гуннар.

Это случилось быстро и почти незаметно.

Кейлаш вдруг пошатнулся и начал заваливаться набок, Конан, посчитав, что старейшина споткнулся, успел подхватить его под руку, развернуть лицом к себе и внезапно заметить, что в горло Кейлаша вошел небольшой арбалетный болт с палец длиной. Оружие наемного убийцы. Болт оказался серебряным — острие разорвало старику гортань и повредило крупные жилы, как всегда бывает при точном попадании.



Бородачи вначале опешили, а потом быстро создали вокруг умирающего Кейлаша защитный круг. Поздно. Никто не смог заметить, на какой именно крыше пристроился убийца и откуда был нанесен смертельный удар по обладателю Книги. Старейшина хрипел и захлебывался кровью на руках у Конана, Гуннар бесполезно суетился, а варвар, понимая, что времени осталось всего ничего, пытался различить, что желает сказать напоследок Кейлаш.

— Что, что? — Конан нагнулся к самым губам старейшины. — Прошу тебя, скажи, где Книга? Где она? Я отомщу за твою смерть, но ответь — где Книга?

— Книга... — неразборчивым шепотом прохрипел Кейлаш. — Она... Она необычная...

— Где? — повторился Конан, но кезанкийский старейшина уже отправился в дальний путь к Серым Равнинам.

Телохранители смотрели на Конана вопрошающе, и тот понял, что необходимо действовать.

— Четверо пусть отнесут тело в дом, — командовал киммериец. — Остальные должны поднять всех мужчин в квартале. Искать надо брошенный самострел. На крышах. Может быть, это наведет на след убийцы. Бегом!

— Ой, Конан, что делается! — разорвался Гуннар. — Где это видано — убить старого безобидного человека! Гниет наше королевство на самом корню!

— Хватит причитать! — рявкнул варвар, помогая бородастым горцам открыть ворота дома и



затащить мертвеца во двор. — У Кейлаша есть родственники?

— Полон квартал родственников, — буркнул Гуннар. — И сейчас все сюда сбегутся. Как я выяснил, Кейлашу наследует старшая дочь и живет она здесь.

— Воображаю... — Киммериец хотел было сплунуть, но опомнился. Нельзя плевать при покойнике. — Где она?

Дочь Кейлаша — огромная дородная женщина лет пятидесяти, облаченная в необъятное темно-зеленое платье и такого же цвета платок, прикрывавший нижнюю часть лица — уже стояла во дворе и безмолвно рассматривала труп отца.

— Вон она, — ткнул пальцем в женщину Гуннар. Конан только отмахнулся и подошел к дочери старейшины.

— Почтенная госпожа, — варвар поклонился, — мое имя — Конан Канах из Киммерии. Прости, что не сумел уберечь твоего дражайшего батюшку, но...

— Я знаю о тебе, — властно сказала женщина. — Что тебе нужно, Конан из Киммерии?

— У Кейлаша... то есть у уважаемого месьора Кейлаша должна храниться книга. Он оставил эту книгу мне. Пойми, это очень важно, я обязан ее забрать.

— Книга? — женщина сдвинула брови. — Батюшка с детства книг не читал и грамоте был не обучен. В нашем доме нет книг.

— Но... Он мог ее и не читать, а просто... Просто оберегать от других людей. Прятать.



— Книг в доме нет,— отчеканила дочь старейшины.— Я здесь хозяйка и знаю наперечет все до одной вещи.

— Хорошо,— терпеливо сказал Конан.— Если нет книг, то это может быть некая вещь, похожая на книгу. Вещь, появившаяся в доме совсем недавно...

— Уходи, чужеземец,— нахмурилась хозяйка.— В нашем жилище горе, смерть отца. А ты печешься о каких-то книгах! Уходи...

Конан понял, что от этой старой стервы он ничего не добьется, тряхнул за шиворот Гуннара и повлек на улицу.

— Куда теперь? — уныло спросил доблестный страж Пайрогии.— Вообще-то мне надо идти на службу, но если уж завертелись такие события...

— Ты только посмотри! — ахнул киммериец, когда они с Гуннаром отошли на сотню шагов от дома.— Вот это сюрприз!

К дому старейшины споро подкатили повозки, запряженные парами лошадей. Люди, находившиеся в экипажах, были варвару отлично знакомы — он вмиг узнал серые плащи ищеек из тайной службы советника Вегеля.

— Конан? — Гуннар подергал варвара за рукав.— Тебе не кажется, что цепные псы Вегеля приехали слишком быстро? Вдобавок разысканием убийц в Пайрогии занимается не тайная служба, а стража квартала и специально назначенный прецептор по следственным делам. Подозрительно...



— Очень подозрительно,— согласился Конан, наблюдая за тем, как серые входят в дом.— Теперь я почти не сомневаюсь: Вегель ведет очень грязную игру. И убийство Кейлаша — его рук дело. Но зачем? О Книге, кроме Кейлаша, его родственников и нас с тобой, никто не знал. Вдобавок эта жуткая бабища, Кейлашева дочка, заявила, что никакой книги она в глаза не видела. Она не врала. Давай подойдем поближе и глянем — что будет происходить дальше?

Гуннар, постукивая каблуками о сухую глину, послушно отправился вслед за варваром.

В доме бурлил и клокотал невероятный скандал, слышный даже на улице. Дочурка Кейлаша орала в голос, вскоре к ней присоединились еще несколько надрывных женских голосов, сопровождаемых рычанием племянников старейшины. В ответ доносились резкие распоряжения командира «серых», которые, если судить по звуку разбиваемой глиняной посуды, обыскивали дом.

— Либо мы сейчас убедимся, что Книги у Кейлаша не было и он хранил ее в другом месте, либо... — Конан задумчиво почесал в затылке.— Либо советник Вегель выиграет эту маленькую войну и заполучит один из магических предметов, способных противостоять Бешеному. И то, и другое для нас плохо. В первом случае мы не будем знать, где искать Книгу. Не в колодце же Кейлаш ее прятал?

— Книги боятся сырости,— вставил свое замечание Гуннар.— А ты помнишь, как Кейлаш прошептал, будто книга необычная?



— Неважно! Книга — всегда только книга, и ничего больше! Кипа переплетенных телячьих шкурок или папирусных листов. А вот вторая возможность меня пугает больше. Если Вегель заполучит Книгу, отобрать ее у него будет почти невозможно.

Конан вместе с Гуннаром долго стояли в арке ворот соседнего дома, присматривая за повозками серых. Вышел один, второй. У третьего в руках был какой-то черный сверток, высокий и продолговатый. По силуэту скрытая черной тканью вещь на книгу никак не походила. Когда дом старейшины покинули остальные ищейки и повозки, громяхая на неровностях мостовой, скрылись за углом, Конан невнятно пробурчал:

— Что-то они все-таки нашли. Но что именно?.. Пойдем, Гуннар. Здесь нам пока делать нечего. Мне пора нанести визит Альбиориксу, а ты беги к своим друзьям. Помнишь, я говорил, будто лишние мечи сегодня вечером нам не мешают?



ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой заговор оказывается на грани провала



В прежние времена Конан частенько оказывался в положении, когда он не понимал, что именно происходит вокруг и в чем суть интриги. У варвара имелась своя, разработанная с годами тактика выхода из подобной ситуации: если тебе нагло морочат голову все остальные, и ты не знаешь, как поступить — иди напролом. Как медведь через малинник. В этом случае часть тайн разъяснится сама собой, ибо любой интриган полагает, что его противник просто обязан тоже хитрить и изворачиваться, а не действовать в открытую.

Ближе к вечеру Конан восседал за лучшим столом обеденной залы трактира «Эфес», уныло жевал бобы с телятиной, запивая легким светлым пивом, и выслушивал донесения.

Первым явился Эмерт и порадовал варвара совершенно не вписывающимся в картину таинственности и подковерных делишек известием: сгорел дом Джарефа. Эмерт находился на улице



Фонарщикова до полудня, вскоре после первого колокола из окон дома повалил дым, а еще несколько мгновений спустя жилище оборотня объялось ярким и жарким пламенем, уничтожившим дом от конька крыши до фундамента. По словам Эмерта, в дом никто не входил, а стража квартала, прибежавшая на место события, не нашла в углях никаких человеческих останков.

Конечно, пожар мог возникнуть из-за того, что Джареф утром просто забыл погасить свечу, но Конан чувствовал — и к этой истории с поджогом приложил когтистую лапу Бешеный. Может, хотел предупредить? Мол, убирайтесь вон из города, иначе сами сгорите как мотыльки? Великие боги, теперь и с Джарефом придется объясняться!

Вторым, естественно, пришел Джареф. Злой как волк, если такое определение подходит к оборотню. Он уже побывал на пепелище и теперь хотел знать — кого обвинять в сожжении дорогого, стоящего в престижном квартале двухэтажного дома.

Конан Джарефа долго уговаривал, отпивал пивом и легкомысленно обещал возместить убытки. Эмерт, как и всегда в присутствии Джарефа, стал угрюмым и неразговорчивым.

Наконец, Конан добился своего — Джареф рассказал, будто бесследно исчезнувшие Веллан и Эртель спустились (по словам стражи дворца) в подземелья коронного замка и, наверное, заблудились. Последнюю версию Конан отверг как несостоятельную — оборотень не может заблудиться,



ся, это закон природы. Достаточно призвать звериное обличье Карающей Длани и по запаху выйти из самого сложного лабиринта. Если же господ посланники спустились в подвалы и бесследно пропали, значит, они либо погибли от рук недоброжелателей, либо пленены. В любом случае придется идти во дворец и вытаскивать оборотней из неприятностей. Или же искать их тела.

Между прочим, никаких известий о Тотланте ни Эмерт, ни Джареф не принесли. Волшебник просто исчез. Как сквозь землю провалился.

Третьим пришел Гуннар, а Джареф, наоборот, отправился куда-то по делам, к вящему облегчению Эмерта. Гуннар успел переговорить со своими друзьями в страже и одарить их золотом в обмен на обещание не задавать лишних вопросов, а к закату быть возле полуденного крыла дворца. Еще Гуннар сообщил вовсе неинтересную новость: будто бы в город прибыл большой отряд наемников из Немедии, но Конан сказал, что у него нет денег даже на то, чтобы нанять самого себя...

Наконец явился Альбиорикс, уставший и злой. Понижая голос до заговорщического шепота, капитан гвардии сообщил, что у него все подготовлено, караулы во дворце приняли верные люди и теперь остается лишь с наступлением темноты ворваться в спальню Эльдарана и либо заставить подписать отречение, либо убить.

— Что Вегель? — поинтересовался Конан, дожидаясь остывающие бобы. — Ничего не подозревает?



— Боюсь, подозревает,— угрюмо отозвался Альбиорикс.— Он категорически запретил мне менять охрану в своих покоях и усилил караулы своими ищейками. В принадлежащих ему помещениях дворца сегодня было не протолкнуться от серых плащей. К тому же утром Вегель был очень возбужден, будто чего-то дожидался.

— Дождался? — поднял бровь Конан.— Ему случайно не привозили сверток черного полотна? Высокий, похожий на игрушечную башенку?

— Скорее, на бутылку или кувшин,— машинально ответил капитан и тут же спохватился.— А ты откуда знаешь?

— А я все знаю,— самоуверенно заявил Конан.— Значит, Книга или свиток, на котором написаны заклęcia Ночи Девяти Звезд, все-таки у него. Мы пропали!

— То есть как? — вздрогнул Альбиорикс.

«Как я, дурак, сразу не догадался! — смятенно размышлял варвар.— Кейлаш говорил, будто Книга «необычная». Книга — это не обязательно переплет. Слова можно записывать на свитках, на деревянных или глиняных дощечках, а свиток можно спрятать в какую-нибудь вещь наподобие дарохранительницы в митрианском храме... Помнится, по старым добрым шадизарским временам я и Ши Шелама однажды запрятали здоровенный алмаз в выемку от сучка в досках нужника и замазали глиной. Так никто и не нашел... Как теперь прикажете поступать?»

— План не меняем, и тогда никто никуда не пропадет,— решительно сказал Конан Альбиорикс.



су.— Хуже другое. Мы убьем Эльдарана или заставим его отречься от короны в твою пользу, а в это время пригретые королем оборотни выпустят проклятушего зверобого. Все труды насмарку. Бешеный получит такую власть над Бритунией, что никакому королю не снилось. Наша главная задача — вовсе не устранение полусумасшедшего Эльдарана. Главная цель — Бешеный. От него и идут все беды. Не станет Бешеного — ты, Альбиорикс, будешь королем.

— По-моему,— подал голос Гуннар, которого никто не спрашивал,— все трудности надо решать в порядке их важности. То есть наоборот. Сначала нужно убрать с пути все мелкие опасности и людей, способных нам помешать, а уже потом браться за главное дело, не боясь ударов в спину.

Альбиорикс посмотрел на оборванного стражника снисходительно.

— С-стратег,— прошипел капитан.— А то бы мы без тебя не догадались. Обряд начинается после полуночи, а за время от заката до середины ночи мы просто обязаны захватить власть в стране. Я думаю, что короля лучше убить.

— Правильно,— согласился Конан.— Тогда у его сторонников не будет живого знамени, за которым можно следовать. Хотя, я полагаю, у Эльдарана нет сторонников. На самом деле страной правит не король, а советник Вегель. Я иногда думаю, что советник и есть Бешеный Вожак.

— Ничего подобного! — начал протестовать капитан.— Он человек. Человек не может быть во-



жаком оборотней. Будет разумно устранить сегодня ночью и месьора советника — сил гвардии хватит для того, чтобы захватить его покои и уничтожить охрану серых. Если мы это сделаем быстро и неожиданно, власть наша. В этом случае останется лишь найти Бешеного, запечатать Врата и...

— Просто было на словах, — хмыкнул Конан. — А вот что будет на деле — увидим. Но как отыскать Бешеного и Врата? Почему вы все уверены, будто Врата находятся в Пайрогии? Вдруг они стоят в пятидесяти лигах от города?

— Тогда Вегель, как приспешник Бешеного, уехал бы из столицы. На несколько дней, — рассудил Гуннар. — Оправдался бы поездкой в загородный замок или кабаньей охотой. Если советник в городе — значит, и Бешеный, и Врата неподалеку.

— Соображаешь, — похвалил Конан стражника. — Ну что, собираемся? Скоро закат. Мы должны быть во дворце незадолго до времени, когда солнце уйдет за Грань. Гуннар, твои дружки точно придут, не опоздают?

— Нет, — покачал головой Гуннар. — Хотя я назначил им встречу на более позднее время. К одиннадцатому послеполуденному колоколу.

— Плевать! — решительно поморщился Альбиорикс. — К чему моей гвардии помощь каких-то голодранцев из городской стражи? Идемте, месьоры.

Конан вспомнил, что ушедший неизвестно куда Джареф так и не объявился, кликнул хозяи-



на трактира и строжайше наказал, чтобы тот передал месьору Джарефу от Конана Канах следующие слова: «К девятому колоколу будем ждать тебя возле Полуденных ворот замка».

* * *

Тотлант, сын Менхотепа, волшебник двадцати пяти лет от роду, появившийся на свет в захластном Луксуре, что стоит на полуденном берегу великой реки Стикс, чувствовал себя преомерзительно.

Во-первых, связаны руки, и только человек, владеющий магией, знает, что значит сковать веревками или железом главный инструмент ремесла волшебника. Именно от магов и их учеников пошла знаменитая поговорка: «Как без рук», ибо через пальцы и предплечья проходит главный канал, по которому из человека истекает волшебная сила, способная обратиться как возникшей из воздуха черной розой, так и скорпионом, внезапно оказавшимся в штанах недоброжелателя.

Во-вторых, Тотланту еще никогда не надевали на голову пыльный и вонючий мешок, нестерпимо пахнувший вяленой рыбой. Пыль от прилипшей к ткани чешуи попадала в нос, отчего у волшебника немедленно начался чудовищный насморк, а из-за связанных рук было никак не вытереться.

В-третьих, Тотлант, некогда готовившийся к вступлению в Черный Круг стигийских волшебников, и обучавшийся у хитроумнейшего Тот-



Амона искусству преобразовывать мысль в материю, впервые в жизни, так просто и нелепо, попался на чужую удочку.

Его, выставленного из Стигии с тихим скандалом, множество раз пытались убить, купить или предать, но Тотлант всегда оставался сам по себе. Он еще в молодости решил не примыкать ни к каким «братствам», «кругам», «конклавам» и прочим сообществам волшебников, ибо насмотрелся на интриги стигийского Черного Круга — известно, что любое тайное и закрытое общество всегда змеюшник и рассадник скорпионов в человеческом облике, а Тотлант не хотел никому портить жизнь. Ни учителю Тот-Амону, ни отцу — благородному Менхотецу, Повелителю Стихий Пустыни, ни прочим магам, боровшимся за верховенство над Черным Кругом. Тотлант не понимал Свет и в то же время не любил Тьму — две высшие силы этого мира, и три года назад понял: лучше балансировать на Грани. Там, где Черное и Белое встречаются и перемешиваются, не образуя при том серого. Его прельщала алобагровый цвет Равновесия, ибо если победит одна из Великих Противостоящих Сил, история мира закончится. Вселенная может существовать только в борьбе. Равновесие же сию борьбу как сглаживает, чтобы она не превратилась в бессмысленное кровопролитие, так и поддерживает — чтобы мир оставался таким, какой он есть.

Тотлант уехал из Стигии, предварительно рассказав о своем решении Учителю. Тот-Амон остался очень недоволен еретическими мыслями



одного из лучших учеников, но поскольку был человеком мудрым, понял: удержать молодого волшебника насильно не получится. Посему трое великих магов Черного Круга — сам Тот-Амон, Архотеп и Рогирис — втихомолку вызвали к себе Тотланта, объявили ему об изгнании из сонма магов, готовящихся к вступлению в Круг, отобрали жезл и приказали покинуть Стигию до восхода солнца. Дабы тот не позорил имя Круга своим отступничеством.

Молодой волшебник (а Тотлант называл себя именно «волшебником», благо знал, что понятия «маг», «колдун» или «чернокнижник» совершенно не отвечают его мировоззрению) выполнил все условия Учителя, нашел себе подходящее убежище в самой отдаленной стране Заката — в Пограничье — купил по дороге несколько старинных магических книг и зажил себе отшельником в Граскаальских предгорьях, самостоятельно совершенствуясь в древней волшебной науке.

«...Великие боги, Сет и Митра! Как замечательно была устроена моя жизнь последние годы! — думал Тотлант, пытаясь забыть о текущей из носа воде и нестерпимом рыбном запахе. — Собственный домик в лесу! Никаких докучливых соседей! Местные кметы за самые мелкие просьбы платили не золотом, а продуктами, и у тебя на столе всегда было свежее мясо и горячий хлеб! Я только-только начал постигать великую науку Равновесия между Тьмой и Светом! Так нет же, приключений захотелось! Вот ты и поплатился, неудачник...»



Тотлант, однако, сразу признался себе, что изначально в авантюру с Бешеным Вожаком его заставила ввязаться гордыня. Хотелось узнать больше о звериной магии, которая к человеческой имеет лишь самое касательное отношение. Бешеные оборотни, Книга Бытия... Именно за этой книгой Тотлант и охотился изначально. Потом, опять же, попалась хорошая компания — Конан, Эрхард и Эртель сотоварищи... Люди остроумные, надежные и честные. Не бросать же их на произвол изменчивой судьбы? К тому же во время войны с Бешеным Вожаком, бушевавшей в Пограничье минувшей осенью, Тотлант понял одну нехитрую истину: в этом мире существуют вещи, против которых нужно драться обязательно, не оглядываясь на Свет, Тьму или Равновесие. Тьма — это не зло, это просто Тьма, в ней есть своя правда и своя неправда. А Бешеный Вожак — это Зло. Зло, существующее независимо от Великих Сил. Если встанешь против Зла, Великие Силы будут на твоей стороне.

И вот, доигрался! Запястья ноют, глаза почти ослепли. Нос сломан, но это случилось уже давно. Целых два дня назад. Может, стоит бросить ремесло мага и податься в наемники? Магов в этом мире никто не любит, их только обижают, отчего-то полагая опасными. Вот скажите, старина Тотлант хоть кого-нибудь обидел по собственной воле? Причинил зло намеренно? Тотлант всегда только защищался и защищал своих друзей! И какая награда? Руки больно стянуты веревками, мешок на голове, да еще и ребра болят



— когда люди Бешеного (люди? Оборотни!) сумели обвести Тотланта вокруг пальца, волшебнику досталось несколько чувствительных ударов сапогами.

...Его захватили напрямиком в доме Джарефа. Недаром Эмерт боялся и не хотел оставаться в гостях у месьора капитана. За домом наверняка следили. Сначала кто-то постучался, Тотлант, как и положено, спросил, кто пришел, зачем и по какому делу. Совершенно невинный голос ответил, будто месьору колдуну отправлено послание, пергамент нужно срочно забрать и столь же немедленно ответить. Тотлант, простая душа, открыл, не сообразив проверить гонца Заклятьем Ключа. В таком случае ложь немедленно бы всплыла, а Тотлант уж сумел бы оборониться. Открыто нападать на волшебника, знаете ли, себе дороже.

Стигийца скрутили мгновенно. Пускай Тотлант и был человеком отнюдь не слабым и мог запросто поднять груз в двести фунтов и тащить его на горбу не одну лигу, однако нападавшие оказались сильнее, нахальнее и проворнее. Потом мага связали, засунули в повозку и привезли в какой-то очень большой дом. Задышавшийся от рыбной вони Тотлант сумел различить, что дом более похож на замок или дворец — огромные гулкие залы, эхо отдается от высоких потолков... Затем вниз по лестнице. Подземелье.

Тотлант слышал чей-то отдаленный разговор, и ему почудилось, будто звучат голоса Веллана и Эртеля. Но беседа закончилась удивительно



быстро, и Тотланта снова повели вниз. Усадили на каменный пол, длинный конец веревки, свисающий с запястий, прикрутили к какой-то железке. Сидеть было неудобно, но по крайней мере, теперь волшебника никто не пихал в спину древком копья, не ругал и не бил.

После наступила тишина.

Тотлант пообвыкся к новой обстановке, подвигал ногами. Оказалось — злоумышленники не догадались связать ноги пленнику. Попробовал отползти в сторону стены и ощупал онемевшими пальцами узел веревки, прикрученной к железному кольцу. Развязать невозможно. Придется сидеть и ждать, когда Бешеный и его сподвижники решат участь ввязавшегося в опасную авантюру стигийского волшебника.

Большая комната или зала находилась под землей — эту нехитрую истину Тотлант определил сразу. Глубина не меньше полусотни фатомов. Обычные казематы так глубоко в землю не зарывают.

Чутьем волшебника Тотлант распознал находящуюся совсем рядом Силу, скорее всего, Силу божественную. Храм, капище? Может быть. Если последняя догадка верна, то надежды на спасение никакой. Пленников держат в храмах только ради одного действия — жертвоприношения. И еще. Неподалеку, шагах в пяти, есть кто-то живой. Может быть, такие же пленники? Дышат тяжело и как-то не по-человечески. Будто бы собаки. А если это псы, призванные охранять плененного мага? Эх, были бы руки свободны!



Однако на всякий случай Тотлант спянул, что не получилось, ибо сляна мгновенно растеклась по подбородку, и прохрипел:

— Есть тут кто-нибудь? Ответьте!

Поскуливание. Человеческой речи не слышно. Похоже, действительно собаки. Чтобы удостовериться, стигиец поелозил по полу ногами, делая вид, будто хочет кого-то пнуть. Собака обязанаотреагировать на резкое движение.

Никто не разлаялся. Скулеж, наоборот, усилился и к нему присоединилось непонятное тьяканье.

«Почему они не лают? — напряженно думал волшебник и попытался еще раз пнуть воздух.— Непременно должны лаять и поднимать тревогу... А вдруг это не собаки, а какие-то другие животные? Боги, ведь можно было догадаться! Волки! Волк лаять не умеет! А ну, попробуем провести маленький опыт...»

— Вы оборотни? — разнесся по залу приглушенный мешком голос Тотланта.— Если вы оборотни, то вы должны понимать мою речь.

Короткий, не угрожающий, а скорее жалобный рык. Тявкнули один раз.

— Вы из стаи Бешеного?

Резкий негодующий вой. Уже лучше.

— Я Тотлант, волшебник из Пограничья...

Вой перешел в стон. Слишком осмысленный для зверя.

И тут в голове стигийца будто вспыхнул фейерверк, какой обычно показывают фигляры из Кхитая на большие праздники. Все разрозненные



частицы догадок объединились в непоколебимую уверенность. Большой дом с гулкими залами и обширным подземельем? Не иначе, королевский дворец. Другого такого замка во всей Пайрогии не сыщешь. Донесшиеся на излете слуха голоса Веллана и Эртеля. Воспоминание о том, что от месьюров посланников не было никаких известий больше суток... Значит?..

— Веллан? — слабо позвал волшебник. — Эрт? Это вы там скулите?

Теперь животные завывали не тоскливо или раздраженно, а радостно.

— Понял, понял! — прокричал Тотлант в воющую пустоту мешка. — Сейчас я попробую к вам подобраться, если веревка позволит.

Определив на слух, где находятся оборотни, волшебник пополз к ним. Отталкиваясь пришлое ногами, пол был жесткий и неровный.

Наконец, плеча Тотланта осторожно коснулась тяжелая когтистая лапа, а в грудь уткнулся нос второго волка. Нет, не нос, намордник, сплетенный из толстой проволоки.

— И вы попались? — вздыхал Тотлант, чувствуя, как его обнюхивают. Веллан (или Эртель?) от радости подпрыгивал, гремя цепью, которой наверняка был прикован к стене. — Впрочем, от вас другого ожидать было нельзя. Как будем выпутываться из этой глупой истории?

Долгое выразительное поскуливание, переменяемое сдавленными взлаиваниями. Наверное, один из оборотней хотел сказать что-то наподобие: «Дождемся Конана, он придет и нас всех



спасет!» Эх, молодежь, привыкли во всем полагаться на старших! На дядюшку Эрхарда, да на Конана-наемника...

— Как освободить руки? — размышляла Тотлант. — Тогда половина победы в наших... нет, в моих руках! У вас намордники?

Один из оборотней печально хлюпнул носом и, как почувствовал волшебник по движению сидящего рядом волка, виновато помахал хвостом.

— Досадно... Ну-ка я попробую перевернуться на живот. Ребята, слушайте меня внимательно. Зубами вы ничего сейчас сделать не сможете, однако у вас не связаны рук... э-э... лапы. Коготочки у вас остренькие. Попробуйте порвать узел на веревке когтями. Эй-эй, осторожнее! Я сказал рвать веревку, а не меня!

Таких мук Тотланту еще не приходилось испытывать. Оборотни были сильны, но неаккуратны. Несколько раз когти задели предплечья и запястья волшебника, он чувствовал, как на ладони стекает липкая теплая кровь, а Веллан с Эртелем сопели, пытели, обменялись понятными лишь им одним взрыкиваниями и что есть сил терзали крепкий пеньковый узел. Тотлант лишь поругивался, используя все слышанные от Конана крепкие фразочки, от которых всякая уважающая себя девица немедля свалилась бы без чувств.

Вот оно! Узел ослаб, Тотлант ощущал, как расползаются волокна каната толщиной в полтора пальца, и наконец плотные петли упали с запястий. Волшебник, будто не веря чуду, вынул руки



из-за спины, пошевелил затекшими пальцами и первым делом сорвал с головы омерзительный мешок.

Вытереть слюну и нос Тотланту не дали.

Длинные розовые языки волков, проходящие сквозь решетку намордников, вымыли его лицо за несколько мгновений.

— Ай-ай-ай, ребята, подлизываетесь? — рассмеялся стигиец, промакивая полый балахона кровоточащие раны на предплечьях. — Сет и его змееныши! Как сильно вы меня поранили! Впрочем, плевать.

На волшебника преданно смотрели две пары голубых глаз. У Веллана посветлее, цвета неба, у Эртеля васильковые. Огромные матерые волчицы. Пушистая шкура, за сетью намордника сверкают белоснежные клыки. А глаза человеческие.

Тотлант встряхнул ладонями, присмотрелся к тяжелым металлическим ошейникам, подсел к Веллану и аккуратно коснулся ногтем маленького замочка на постромке. Мелькнула розовая искра, в воздухе едва заметно запахло грозой. Ошейник свалился. Снять намордник не составляло никакого труда, даже магию не пришлось применять.

— Превращайтесь обратно, — скомандовал Тотлант, и сразу заметил, как волки сникли и употребили свой излюбленный жест отрицания: тихонько замели хвостами по полу. Мол, хотели бы, да не получится. Невозможно.

— Почему невозможно? Вы не можете превратиться обратно в людей? Такого не может быть!



Это ваша природная способность, и отнять ее никто не может!

Веллан, как более сообразительный, наморщил покрытый короткой серо-серебристой шерстью лоб, завалился вдруг на спину и показал передними лапами странный жест — несколько раз свел подушечки правой и левой лапы. Будто открывал и закрывал книгу.

— Понял! — осенило Тотланта. — Вас заколдовали при помощи Книги Бытия? Какое-то особенное заклинание обратной?

Веллан одобрительно твякнул, а Эртель покивал длинной черноносой головой.

— Так, — решительно сказал волшебник. — Тогда слушайте меня. Я кое-что придумал...

* * *

Они рвались вперед через анфилады комнат как маленький неостановимый и безжалостный вихрь. Два десятка вернейших гвардейцев Альбиорикса во главе со своим капитаном. Конан, Эмерт и Гуннар едва поспевали за сподвижниками будущего короля. Караулы пропускали отряд беспрепятственно. Ничего во дворце не говорило о том, что Эльдаран узнал о заговоре и готов противостоять внезапному мятежу. В коридорах не встретилось ни одного серого плаща.

Альбиорикс, как и положено доблестному гвардейскому капитану, вошел в спальню Эльдарана первым. Двери открыл пинком.

Спальня как спальня, ничего особенного. Громкая кровать под балдахином, большое зерка-



ло, стены затянуты дорогим кхитайским шелком с рисунками растений и животных. Конан, осмотрев помещение, решил, что, если он когда-нибудь займет трон, то обустроит опочивальню более скромно. Здесь ничто не должно отвлекать человека от любви или мирного отдыха. Там не будет никаких курильниц, исторгающих благовонный дым, нагромождений безделушек и стоек, на которых разложены драгоценности. Алмазам место в сокровищнице, а не в спальне.

— Что случилось, Альбиорикс? — Эльдаран, облаченный лишь в длинную ночную рубашку, поднялся в ложа. Варвар заметил, что рядом с королем восседает черноволосая красotka. Та самая милашка Ани, новая любовница короля.

Лишь один Конан, с годами научившийся быть исключительно внимательным, заметил, что девушка как-то чересчур спокойна пред ликом двух десятков вооруженных мужчин.

— Эльдаран, ты низложен, — громко сказал Альбиорикс, а варвар поморщился: неужели нельзя попроще? — Вот эдикт с текстом отречения. Если ты его подпишешь, то завтра я отправлю тебя в Коринфию без всякого убытка и поношений. Тебе будет дана достаточная сумма в золоте, дабы ты не терпел нищеты в будущем.

«Как замечательно врет! — восхитился Конан. — А ведь Эльдарану осталось жить всего ничего. Подпишет он пергамент или нет — неважно. Старика все равно зарежут. Его даже жалко немножко, когда-то он был очень неплохим человеком».



— Альбиорикс, — пролепетал король, — ты сошел с ума! Что здесь происходит, объяснись!

— Переворот здесь происходит, — выступил вперед Конан, которому надоело стоять во втором ряду. — Эльдаран, лучше подпиши. Иначе... Сам понимаешь.

Конан сделал ладонью жест который было невозможно превратно истолковать — чиркнул себя пальцами по шее.

— А кто преемник? — как-то очень покорно спросил король. — Вегель?

— Нет, не Вегель. Королем буду я — и никто другой, — отчеканил капитан. — Мы ждем твоего решения.

— Давайте пергамент и перо, — устало сказал Эльдаран. — Уж лучше ты, чем это чудовище!.. Проклинаю тот день, когда мне пришлось назначить Вегеля советником...

А вот такого поворота не ждали ни Конан, ни Альбиорикс, ни гвардейцы. Старый король забрал у капитана пергамент, медленно, по-старчески, подошел к столику, обмакнул перо в чернильницу, и, не глядя в текст отречения, подписал.

— Да здравствует король, — вымученно улыбнулся Эльдаран. — Альбиорикс, поздравляю. Надеюсь, ты действительно позволишь мне уехать в Коринфию?

— Э-э... — Капитан, вернее, уже король Бритунии, замялся, не зная, что делать. Инициативу перехватил Конан:

— Позволит, само собой!



Варвар встал между королем предыдущим и королем нынешним. Почему-то Конану ужасно не хотелось убивать Эльдарана — старого и запуганного человека. Если он сам уступил власть, то за что его наказывать смертью?

— Теперь я хочу задать тебе вопрос, — варвар озабоченно покосился на стоявшую в углу клепсидру, гирьки которой вытягивали длинную стрелку циферблата к полуночи. — Где Бешеный Вожак? Где капище Фреки? Ты обязан знать о святылище оборотней!

— Знаю, — всхлипнул Эльдаран. — А какой в этом толк? Они все равно вас убьют. Но я расскажу.

Конан ощутил тяжелейший толчок в спину и кожу оцарапало что-то острое. Киммериец решил, что на него свалился мешок с песком. Он упал, откатился в угол, но сразу вскочил. И застыл на месте, не зная, что делать.

Это была бойня. Среди вопящих, насмерть перепуганных заговорщиков вертелась огромная черная пантера, разившая врагов мощными лапами с саблевидными когтями. Альбиориксу, раненому в грудь, удалось отползти в сторону, несколько гвардейских офицеров уже валялись на полу с разорванным горлом, появившаяся невесть дикая кошка сразила Эльдарана, в самом буквальном смысле оторвав ему голову... Эмерт благоразумно укрылся за колонной и в бой не связывался.

— Пантера-оборотень, — слабо пролепетал Гуннар, заняв свою привычную позицию за спиной



киммерийца. — Митра лучезарный, откуда в мирной Бритунии такое сказочное чудо?..

— Это не чудо, а чудовище, — рыкнул Конан. — Я с таким драться не буду! Это самоубийство! Нет ничего страшнее пантеры-оборотня!

Кошка, сверкающая ярко-зелеными глазами, не получившая во время суматошного сражения ни единой царапины, прикончила последнего гвардейца, повернулась к Конану, но вдруг насторожилась, будто прислушиваясь, в один мягкий прыжок достигла окна и, выбив телом затянутую слюдой раму, канула в ночь.

— Ф-фу! — Конан утер пот со лба. — Чем дальше, тем веселее. Альбиорикс, ты жив?

— Отчасти, — прохрипел бывший капитан, а ныне король Бритунии, выбираясь из-под кровати. — Что это было?

— Я объясню, — слышался чей-то вкрадчивый голос. Конан обернулся и увидел, как в дверях появились несколько фигур в серых плащах. Возглавлял процессию советник Вегель. — Хотя дело обстоит удивительно просто, могли бы догадаться сами... Месьор капитан, позволь тебя поблагодарить за отлично устроенный заговор. Король убит, заговорщики арестованы... Тебя, Альбиорикс, колесуют завтра же. При большом стечении публики. А король?.. Мне придется побыть регентом до времени, пока дворянское собрание не изберет нового монарха. Династия ведь пресекалась. Такое прискорбное событие... Одного не понимаю, отчего вы не уехали из столицы? Вас столько раз предупреждали!



— Ах ты, мерзавец,— пораженно выговорил Конан.— Неужели ты все подстроил?

— Не мерзавец, а политик,— Вегель скривил тонкие губы в улыбке.— Вы сделали всю работу за меня. И чем вы огорчили прелестную Ани? Она, когда огорчается, становится опасной.

— Ани? — выдохнул Альбиорикс.— Пантера-оборотень? Эта шлюшка, охмутившая Эльдарана — оборотень? Кстати, куда она исчезла?

— Ани отправилась к своему другу, жаловаться на ваше непревзойденное вероломство,— советник кивнул в сторону разбитого окна.— А характер у него прескверный.

— А кто у нее друг? — насторожился Конан.

— Тот, кого вы называете Бешеным Вожаком. Вы проиграли, месьоры. Надеюсь, вы примете проигрыш с честью. Отдайте оружие моим людям и идите вслед за нами.

— Кошмар какой,— сдавленно произнес Альбиорикс.

— Ну и переделка! — воскликнул варвар и выругался.

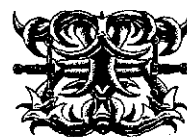
— Влипли как мухи в мед...— безнадежно сказал Эмерт.

— А я тут вообще не при чем,— пискнул из-за спины Конана Гуннар.— Это они, подлые, втянули меня в государственную измену!



ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой Конан и его друзья узнают
Бешеного Вожака в лицо



Ву, милости прошу,— советник Вегель пропустил варвара, совершенно поникшего Альбиорикса и Гуннара (который был ужасно напуган, бледен и все пытался доказать не слушающему его советнику, что стражник Гуннар ни в чем не виноват) вперед, по лестнице, спускавшейся в обширный зал с куполообразным потолком.— Месьор Конан, проходи первым. Вот то самое место, которые вы столь долго и безуспешно пытались найти. Источник великой власти. Родник божественной мощи.

— Слишком много красивых, а значит, бессмысленных слов,— брезгливо поморщился киммериец, рассматривая статую волка и слегка колыхавшиеся Врата, расположенные в дальней стороне капища.— Чьей власти? Чьей мощи, ответь мне, советник? Тебе обещали корону Бритунии? Замечательно, но ты никогда не будешь настоящим королем. Тобой будут управлять. Бешеный Вожак, эта сумасшедшая Ани-пантера... Да



любой оборотень, зная, что истинная власть находится в руках его господина, будет вправе плюнуть тебе в морду! Ты окажешься марионеткой, куклой, безвольной потешкой в руках Бешеного. Зачем ты нас сюда привел?

— Скоро все выяснится,— советник Вегель вышел к статуе, сопровождаемый неотступными телохранителями в серых плащах.

Конан мельком подумал, что месьор советник очень непредусмотрителен — он оставил пленникам относительную свободу, не связал и не заковал их.

На Гуннара в серьезной драке рассчитывать не приходится, но если придется вступить в бой вместе с Эмертом и Альбиориксом... Тогда есть надежда. Одна возможность из тысячи. Уже неплохо. Частенько у Конана бывало гораздо меньше шансов выжить.

— Позвольте представить вас... Нет, не представить,— Вегель усмехнулся.— Вы и так давно знакомы, благородные месьоры. Прошу. Это — месьор Веллан. Это — наследник трона Пограничного королевства Эртель, сын Теодобада. А вот этот господин с мешком на голове — волшебник Тотлант из Стигии.

Конан, задохнувшись от ярости, увидел своих старых друзей. Два волка, прикованные на цепь. В намордниках. Тотланта привязали веревкой к железному кольцу. Вот, оказывается, куда они пропали! Серые плащи, подчиненные месьору советнику, не дремлют! Хорошо хоть оборотни и стигиец живы... Пока что живы.



— Вы приехали в Пайрогию с ясными намерениями,— скучным, лишенным всяких эмоций голосом пояснял Вегель.— Тот, кого вы называете Бешеным Вожаком, прекрасно знал о вашей, не менее бешеной, компании и вынужден был обезопасить себя и меня. Поэтому и месьоров посланников, и волшебника пришлось... задержать. Вы очень долго вставляли Вожаку палки в колеса. Вспомните поединок у Черного храма, который закончился вмешательством третьей силы. Это бесчестная игра.

— Ах, значит, бесчестная? — усмехнулся Конан, монументально скрестив руки на груди.— Когда свихнувшиеся оборотни нападают на человека — это честно? А когда гномы, союзники людей, нападают на оборотней — это порочит честь человеческого рода? Советник, тебе не кажется, что идет война на уничтожение, и вести ее можно любыми способами?

— Нет никакой войны,— послышался голос сверху, с лестницы.— Есть лишь противостояние мира Истинного и мира Человеческого. Мира природы и мира существ, главной целью которых является разрушение. Мы убиваем, лишь обороняясь или добывая пищу, мы не вырубаем и не выжигаем леса, мы не охотимся ни на кого ради жажды убийства и глупого интереса. Мы защищаем зеленые чащобы и спокойную жизнь всякого живого существа, кроме человека — врага любой другой жизни. Вы, люди, создаете зло. Зло, уничтожающее мир. Что выбрать — мир, вселенную, насыщенную радостью, или ее маленькую



частицу, называемую человечеством? Чирей на лице вселенной проще выдавить и дать ему зарубцеваться. Конан, скажи, что произойдет, когда вы убьете всех животных и изведете по корень леса? Когда осушите все болота и истребите рыбу в океане? Верно, начнете поедать самих себя. И вот когда останется один-единственный человек, сожравший на обед своего последнего ребенка, как полагаешь, что он скажет самому себе и богам? Он скажет: «Великие боги, вы даровали мне этот мир, а я его... Я его освежевал, содрал шкуру и съел». Стоит ли жить ради того, чтобы твой потомок однажды произнес эти слова?

По широкой лестнице, что вела в капище Фреки, спускался Джареф. Теперь он был облачен не в зеленоватую форму капитана королевской службы, а в длинную мантию темно-серой шерсти.

На груди, на простом ремешке, виднелся амулет — выкованная из серебра окалившаяся волчья голова. Сразу за Джарефом шествовала Ани, бывшая любовница короля Эльдарана. Пантера-оборотень.

— Ты?! — опешил Конан.

— Я, — кивнул Бешеный. — Джареф, сын Одзульфа. Тот, кого ты и предавшие кровь Карающей Длани изменники именуют Бешеным Вожаком. Конан, как ты доверчив... Я морочил тебе голову в Пограничье, обманул в Брийте — помнишь историю с наемным убийцей Альбом? К сожалению, довести дело до конца помешал ма-



гический шторм, пришедший из Гипербореи. Я обвел тебя вокруг пальца здесь, в Пайрогии! Я открыл тебе всю правду, не сказав главного. Я умолчал единственно о том, что я — это я. Только Эмерт чувствовал, что Джареф — совсем не тот, за кого вынужден себя выдавать. Я не просто оборотень, я оборотень из обратной. Моя сущность тысячелика. И я отнюдь не взбесившийся получеловек-полуволок. Я лишь Защитник. Я обязан оборонять мир, который вы уничтожаете.

— Сколько раз ты произнес слово «я»? — фыркнул Конан. — Ты ведь веришь в своих древних богов? Во Фреки, например? (Варвар кивком указал на огромную статую окалившегося зверя). Но любые боги учат: никогда не причиняй зла. Воевать со злом за справедливость ты можешь, но разве можно самому причинять зло? Помнишь Пограничье? Отчего твои ублюдки убивали человеческих детей и женщин?

— Оттого, что те самые дети собирали в лесу яйца глухарей и куропаток, убивая тем самым еще не родившихся безобидных существ! — повысил голос Джареф. — Оттого, что ваши дети вырастают и жгут леса, чтобы освободить место под пашни. Оттого, что ваши женщины точно также, как и мужчины, берут в руки арбалет и бьют навзлет едва родившихся поросят в стае кабанов. Оттого, что ваша порода назначена Творцом Вселенной к убийству мира, созданного Им самим. Я не хочу, чтобы этот мир исчез. Согласен?



— Неправда! — воскликнул Конан, ударив себя кулаком по бедру. — Тогда почему твои сородичи, нынешний король Эрхард, Эртедь, Веллан и многие другие поняли, что лучше жить в мире с людьми и научить нас существовать в союзе с лесом, зверем и всем живым? Так жить, чтобы мы не уничтожали самих себя, а лишь использовали блага, которые мы можем друг другу подарить? Мы с тобой много разговаривали, Джареф, ты знаешь, я много странствовал. Много убивал. Но я никогда не убивал ради того, чтобы насладиться убийством. Я лишь оборонялся и добывал себе пищу. Ты это прекрасно знаешь. Как знаешь и то, что Конан Канах не станет врать врагу в лицо!

— И ты, и я правы, — согласился Джареф. — Правда бывает разной. У тебя — своя. И меня своя. Но любая правда выиграет, если на ее стороне сила. Сейчас сила на моей стороне. Я выпущу Фреки. Лет через сто-двести в обитаемом мире уже никто не услышит о человеке и его злодеяниях пред ликом живого мира. Вселенная снова перейдет в руки к ее исконным хозяевам. Ты хочешь спросить, что будет с оборотнями, которые наполовину люди, а наполовину звери? Оборотни со временем потеряют способность принимать обличье людей...

— Разве это справедливо? — Конан никак не ожидал, что замухрышка Гуннар подаст голос. Однако же потертый страж Пайрогии вдруг выступил вперед и смело взглянул на Бешеного. — Ты говорил о Творце Вселенной. Том самом боге



богов, который создал твоего Фреки и нашего Митру. Разве Он мог ошибиться, создав человека? Значит, так было нужно! Значит, человек имеет равные права с тобой, медведем из чащоб Пограничья или тигром из джунглей Дарфара! Пусть мы не всегда уважаем права медведей, тигров или волков, но рано или поздно научимся это делать. Мы — младшие дети Творца. Старшие всегда прощают младшим! Прости нас и перетерпи наше детство. Однажды мы повзрослеем...

— А когда повзрослеете — перевешаете всех оборотней, — хмыкнул Джареф. — Чтобы не мешали вам быть взрослыми. Творец провел неудачный опыт. И, чтобы уничтожить его последствия, создал нас. Оборотней.

Голубоглазый волк, сидящий на привязи у стены, протявквал что-то злобное, но на эту краткую речь никто не обратил внимания. Джареф дал знак своим, но Конан, оттолкнув Гуннара, снова вышел вперед.

— Я знаю, ты не оставишь нас в живых... — начал киммериец, но тут же получил жестокую отповедь от Джарефа:

— То есть как — не оставляю? Оставляю, конечно же! И прикажу вас не трогать! Я хотел, чтобы вы оказались здесь и сами увидели, насколько тяжелым будет возмездие. Потом — катитесь на все четыре стороны. Все, кроме Альбиорикса, которому придется отвечать за убийство короля. Трон придется отдать месьору Вегелю. Полагаю, советник не станет возражать?



Альбиорикс, новоиспеченный (и, кстати, вполне законный, если учитывать почти добровольное отречение Эльдарана) король Бритунии злобно нахмурился, а Бешеный продолжал, обращаясь к Конану:

— Вы, борцы за свою человеческую справедливость, увидите, как мы уничтожаем ваш мир. Вы почувствуете себя затравленными зверьми. Ваши города будут гореть точно также, как пылали наши леса. Смерть для вас лишь лучший и самый быстрый способ освободиться. Я хочу, чтобы ты, Конан, понял, каково быть тем, на кого охотятся... Сейчас вы будете просто стоять и смотреть. Грядущим утром вас вывезут из Пайрогии, оставят в лесу, а дальше... Пусть вам помогут ваши боги! Тогда будем охотиться мы, а не вы!

— Он же сумасшедший, — тихонько прошептал Эмерт, а Гуннар лишь покивал и заметил:

— Конечно, сумасшедший. Но сумасшедший с большими возможностями...

* * *

«Думай, думай! — говорил себе Конан, — из любого, самого безнадежного положения можно найти выход! Что делать? Выхватить Рангильдор, рвануться к Джарефу и прикончить его? Не выйдет, меня тотчас убьют, нашьпигуют арбалетными стрелами, едва я двинусь с места! Потянуть время, заговорить поганому волчаре зубы? Нет, тоже не получится. Бешеный не пропустит час Де-



вяти Звезда и не забудет о нем. Но все равно стоит попробовать»

— Если уж ты настолько откровенен, — сказал варвар Джарефу, — то мог бы объяснить, что означают слова пророчества твоего предшественника о Книге, Мече и Страннике.

— Ровным счетом ничего сложного, — пожав плечами ответил Бешеный. — Врата открываются, если собраны воедино Клинок Склоса, Книга Бытия и существо, обладающее даром звериного волшебства. То есть — я. Если бы ты, Конан, оказался проворнее, сообразительнее, и не доверился сердечному другу Джарефу, которого чересчур легкомысленно посвящал во все свои планы, то тебе наверняка удалось бы собрать и свой магический треугольник. Меч, понятно, Рангильдор. Странник — стигийский маг, как я полагаю. Ну, и Книга, которую тебе мог отдать бедняга Кейлаш. После разговора со старейшиной я был вынужден немедленно покинуть трактир, за время полуколокола организовать убийство Кейлаша и сообщить советнику Вегелю о том, что необходимая нам вещь находится в доме старого кезанкийца. Заставили вы меня побегать... Но люди советника прибыли вовремя, и Книга оказалась у нас.

— А почему дочь Кейлаша сказала, будто в доме нет никакой книги? — с неожиданной заинтересованностью осведомился Гуннар.

— Потому что вы — самоуверенные болваны! — воскликнул Бешеный. — Если беретесь за опасные игры, сначала надо узнать, с чем придется



иметь дело. Книга Веренелельда ничуть не похожа на стопку пергаментных листов. Эта книга особенная: Вегель, покажи им...

Советник щелкнул пальцами, к нему подбежал один из телохранителей, сжимавший в руках уже знакомый Конану сверток черной материи. Поставил непонятную вещьцу на пол и отбросил ткань.

— Я так и знал... — прошептал Гуннар, заслужив удивленный взгляд Конана. Что, интересно, мог знать о волшебной Книге глуповатый мальчишка?

При всем желании варвар не мог назвать Веренелельда книгой. Явленный взору предмет куда более походил на дорожную безделушку, призванную украшать дом какого-нибудь эксцентричного богача.

Шар размером с два кулака закреплен на круглой золотой башенке. Внутри хрустальной сферы клубится туманный сгусток и вспыхивают розовые искры. На башенке укреплены девять ярких каплевидных рубинов. В общем, вещьца красивая и явно очень дорогая.

— Странно, — озадачился Конан. — И где же тут... надписи?

— Руны пока не видны, — усмехнулся Бешеный, — Веренелельд не только книга. Это еще и талисман, позволяющий видеть истинную сущность любого предмета или существа. Если бы мы нашли его раньше, то Веренелельд мгновенно открыл бы настоящий облик Вожака... И серьезно осложнил бы жизнь капитану Джарефу. Впрочем,



эти подробности неинтересны. Видите девять рубинов на башенке? А сейчас наступает ночь девяти звезд... Выводы вы сделаете сами — или помочь?

— Понял! — воскликнул Конан. — Девять звезд, встав в замкнутый круг сегодня ночью, девятикратно умножат Силу, исторгаемую небесами! Правильно? Я слышал, будто многие волшебные предметы используют не мощь заклинаний, а лишь Силу природы. А небо и звезды очень могущественны... Рубины на башне должны Силу собрать и направить на Врата, чтобы их запечатать? Верно?

— Соображаешь, — не без уважения кивнул Бешеный. — В молодости тебе стоило бы поучиться магии, глядишь и вышел бы толк... Твои рассуждения почти правильны. До определенной степени. Но поскольку тебе не придется использовать ни Веренелельда, ни меч, рассказывать в чем ты ошибся будет просто неинтересно... И долго. Вегель?

Советник подобострастно подался вперед.

— Готовьте обряд... Время подходит.

Бешеный подошел к Вратам и ласково погладил ладонью изгибавшиеся доски.

Существо, обитавшее по ту сторону, как будто почувствовало прикосновение своего верховного жреца, и в капище послышался отдаленный вой.

У Конана и остальных пробежали мурашки по коже, и только собравшиеся в подземелье оборотни из стаи Бешеного остались спокойны.



«Принимай же решение! — подтолкнул себя к действию киммериец, — иначе будет поздно!»

* * *

Пока варвар решался, наблюдая за охранниками советника и вооруженными оборотнями, помощники Бешеного начали действовать.

По мнению Конана, тут не обошлось без магии — высокий купол святилища Фреки внезапно поблек, становясь полупрозрачным, а затем словно бы исчез. Теперь казалось, будто статуя гигантского волка стоит на дне огромной ямы, под звездным небом...

Зрелище красивое, но зловещее. Судя по едва заметным наверху кронам деревьев, капище находилось где-то под обширным дворцовым парком.

— Здорово! — Гуннар подтолкнул киммерийца локтем. Незадачливый стражник стоял рядом, задрал голову. — Видишь как самые яркие восемь звезд постепенно выстраиваются в одну цепь?

— Заткнись немедленно, выродок, — шикнул Конан, выискивая взглядом самого слабого по виду охранника. Напасть, отобрать меч, а дальше... Как Митра и Кром рассудят! — Эмерт, ты меня слышишь?

Боссонец стоял ни жив ни мертв, глядя на прикованных Веллана с Эртелем.

— Они... — одними губами прошептал Эмерт на ухо Конану, — они на самом деле не прикованы! Веллан послал мне волчью мысль... Ты же знаешь, когда оборотень в находится в обличье



волка, он может обмениваться мыслями с другими сородичами... Они что-то задумали!

— Вот как? — прикрыв рот ладонью пробормотал варвар и посмотрел на двух притворно-унылых волков, сидевших у стены. Только синие глаза сверкают задорно.

Эмерт все хмурился, пытаясь распознать, что хотят сообщить ему друзья, и наконец прохрипел:

— Не понимаю... Кажется, начинает Тотлант, мы его обязаны поддержать. Они окончательно спятили! Мы вшестером ничего не сможем поделаться против трех десятков оборотней и охранников Вегеля...

— Почему вшестером? — удивился Конан, — а Гуннар как же?

— Эта размазня не в счет... — шепнул Эмерт, и получил от слышавшего тихую беседу стражника укоризненный взгляд. — Все равно ничего не выйдет, только сложимся впустую. Но уж лучше умереть в бою.

«Так, на нашей стороне двое превратившихся оборотней, три опытных бойца — я, Эмерт и Альбиорикс, и еще волшебник... — подумал Конан, — Ну, и Гуннар, который будет прикрывать мне спину, пока не сложится в первое же мгновение боя. Кто-нибудь обязательно выживет. Главное — убить Бешеного и его проклятую пантеру. Девочка исключительно опасна! Эх, старина Тотлант, не подведи!»

Пока варвар соображал, Бещеный положил на алтарь огромную книгу в черном переплете,



чем вызвал нездоровый интерес Гуннара, порывавшегося подойти поближе и рассмотреть знаменитый волшебный трактат.

Излишне любопытного стражника отогнали оборотни из Стаи Джарефа, пригрозив ему обнаженными клинками. Гуннар, впрочем не обиделся и снова уставился на небо: самые яркие звезды уже сходились в линию...

Гуннар нетерпеливо поморщился, как будто ожидал, когда же начнется обещанное Бешеным действо и Фреки, древний зверобог, выйдет на свободу.

А в следующий миг в капище началось сущее светопреставление.

Тотлант, на которого никто не обращал внимания, потихоньку сбросил с рук фальшивую петлю, стянул с лица невероятно опротивевший мешок и, пробормотав: «Теперь рыба точно не будет входить в число моих любимых кушаний», прибег к своему излюбленному фокусу — высоко над головами оторопевших приспешников Бешеного с громким хлопком взорвался огненный шар, рассыпавшийся на сотни обжигающих искр, удивительным образом не задевших Конана и остальных пленников.

И тотчас прямо из каменных плит, коими облицовывались стены капища, с воплями и воем полезли жуткие существа, как две капли воды похожие на вурдалаков: горящие синим пламенем выпученные буркалы, окровавленные клыки, когти длиной с ладонь и мерзкая, свалаявшаяся безобразными колтунами шкура...



Конан, тотчас уяснивший, что спектакль начался, обзавелся оружием, убив ударом кулака в кадык одного из телохранителей советника Вегеля, и, поддерживаемый Альбиориксом и Эмертом, начал прорываться к Вожаку.

Эртель и бритуниец, сохраняя волчье обличье, отжали пантеру-оборотня от изумленного Джарефа, но девочка оказалась чересчур шустрой.

Ани оттолкнулась от стены, сделала в воздухе кульбит, достойный лучшей акробатки из рыночного балагана, и еще в полете начала превращаться в черную дикую кошку...

Тотлант, пользуясь суматохой, продолжал создавать кошмарные иллюзии — вурдалаков сменили упыри, затем появились крылатые вампиры, гули, мантикоры и гигантские пауки.

— Они не настоящие! — вопил Джареф, вокруг которого образовалось плотное кольцо из вооруженных оборотней. — Это призраки, морок! Убейте людей! Убейте Конана и проклятого волшебника!

Врагов оказалось слишком много. Это Конан понял моментально.

Не выстоять! Пробриться сквозь строй охранников Джарефа невозможно — слишком умелые бойцы. А тут еще пантера!

Кошка быстро оттеснила людей и Веллана с Эртелем к стене, но убивать пока не собиралась. Наверное, желала растянуть удовольствие. Вскоре Конана и его друзей, сбившихся в ошестинившуюся мечам (и клыками) плотную кучку окружили оборотни, а варвар лишь с грустным удов-



летворением глянул на простертого возле алтаря советника Вегеля — в короткой драке ему досталось черенком меча по голове.

«Надеюсь, я все-таки проломил череп этому негодяю», — мельком подумал киммериец.

Пышущий праведным гневом Джареф выступил вперед.

— Я действительно хотел вас отпустить! — задыхаясь от злости, рявкнул Бешеный. — Но теперь... Теперь вы сами подписали свой приговор! Вы все умрете на алтаре Фреки!

— Ошибаешься, любезный... Никто сегодня не умрет. Если сам того не захочет.

Конан только рот раскрыл.

Недотепа Гуннар, глуповатый и боязливый стражник из гарнизона Пайрогии смело вышел навстречу Бешеному Вожаку и встал, развязно уперев руки в бока.

Джареф и тот удивился.

— Что ты там пищишь, оборванец? — хрипло спросил Вожак. — Повтори!

— Месьор Джареф, тебе будет лучше обернуться, — хитро улыбнулся Гуннар. Бешеный, машинально глянул через плечо, да так и застыл, раскрыв рот.

На широкой лестнице, ведущей в подземный коридор стояли люди.

Много. На каждой ступеньке не менее чем по десятку...

Кольчуги, закрывающие лица до подбородка, начищенные шлемы, у каждого в руке заряженный арбалет или обнаженный меч.



— Мне жаль, Джареф, но ты проиграл, — протянул Гуннар. — Будешь сопротивляться — умрешь немедленно. И пантера твоя не поможет — девочка на прицеле у моих друзей. Равно как и все остальные.

— А... А кто у нас друзья? — нарушил паузу ошалевший от такого поворота событий Конан.

Гуннар повернулся к варвару и развел руками, сказав:

— Вертрауэн, дорогой мой киммериец. Вертрауэн, слышал о таком? Тайная служба королевства Немедия. А именно — Пятый Департамент личной канцелярии его величества государя Нимеда.

— Чего? — выдавил Конан. — Чего-чего?

— Я позволю себе представиться настоящим именем, — ухмыльнулся Гуннар. — Кеаран, граф Майль. Командир особого военного отряда Вертрауэна и помощник его светлости Мораддина, графа Эрде.

— Чей ты помощник? — Конан почувствовал, как начала кружиться голова. Еще не хватало в такой ответственный момент впервые в жизни грохнуться в обморок... — Еще раз имя назови!

Гуннар, будто наслаждаясь изумлением варвара, внятно и медленно произнес:

— Я служу месьору Морадину, графу Эрде. Начальнику тайной службы Немедийского Трона Дракона.

— Это сон, не иначе... — убежденно сказал Конан, и неожиданно сам для себя безудержно расхохотался.



Немедиец повернулся к Эмерту.

— Ты и сейчас полагаешь, что размазня Гуннар не в счет?



ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,
в которой Врата сначала открываются,
а потом запечатываются навеки



Клянусь, я отдам человеку, который мне объяснит, что здесь происходит, все золото, какое у меня есть, и еще у Эртеля в долг попрошу, чтобы приплатить,— мысли неслись в голове Конана со стремительностью падающего на добычу коршуна.— Бешеный Вожак, волшебная ночь, Книга Бытия, оборотни, дворцовый переворот... Потом оказывается, что Гуннар вовсе и не Гуннар, а немедийский граф, а служит он моему старинному другу, который не больше, не меньше, как глава немедийской тайной службы! С ума сойти! Получается, что меня и посланцев Эрхарда водили за нос почти целую седмицу, обманывали, врали в глаза и дурили все, кто только мог! Нас просто использовали! Бешеный — в своих интересах, Гуннар — в своих. Я уж не буду вспоминать про Альбиорикса, чтобы не огорчаться лишний раз. Кошмар!»

Свита Бешеного Вожака тем временем пребывала в сомнениях. Оборотни смотрели на Джаре-



фа, ожидая, какое он примет решение. Похоже, Бешеный со всей ясностью понял: налицо безоговорочное поражение.

Пройдоха Гуннар привел в капище не меньше пяти десятков «друзей» (о которых он так простодушно заливал Конану минувшим днем и, между прочим, вытребовал у киммерийца недурную сумму в золоте, якобы на оплату «наемникам»). Выход перекрыт, если кто-нибудь двинется с места — не избежать арбалетной стрелы.

Конечно, можно посопротивляться для вида и героически пасть, защищая своего бога и дело, за которое Бешеный начал войну с человеческим миром, но ведь смерть Вожака будет означать окончательный и позорный провал всех замыслов. И это после стольких усилий!

— М-да... — Джареф кашлянул и перевел взор на Гуннара. — Не ожидал. Клянусь именем Фреки, финал этой истории мог быть каким угодно, но только не таким. Позволь узнать, почтенный граф — или мне называть тебя «ваша светлость»? — каким образом в дело вмешалась тайная служба Немедии? Я слышал о Вертрауэне. Многие утверждают, что немедийский Пятый Департамент — лучшая секретная служба стран Заката. Я знаю, вы меня убьете, но перед смертью я хотел бы удовлетворить свое любопытство.

— Мы лишь служим Драконьему Трону и нашему королю, — Гуннар заложил руки за спину и прошелся вправо-влево. Его речь вовсе не была пафосной. Он будто бы излагал общеизвестные истины. — Граф Мораддин начал следить за собы-



тиями на Полуночи материка, как только в Пограничном королевстве началась смута.

— Подумаешь, смута в Пограничье! — фыркнул Конан. — Да таких смут там случается по десятку в год!

— Помолчи. Потом выскажешь свое мнение, — отмахнулся Гуннар и продолжил: — Это была не простая война за обесценившийся трон и чисто номинальный титул короля Пограничья, это было восстание оборотней. Поэтому Вертрауэн и заинтересовался. Мы отлично знали о пророчестве Изначального Вожака. И потом, надо вспомнить о двух предыдущих бунтах Бешеной Стаи. Первый случился двести лет назад и поверг все полуночные пределы, от Соленых озер до Граскальского хребта, в чудовищный хаос. Сожжены сотни замков и деревень, сумасшедшие оборотни вырезали людей тысячами... Только вмешательство аквилонской и немедийской армий помогло усмирить бунт. Тогдашний король Немедии надолго запомнил этот беспокойный год, а аквилонец, внук того самого Сигиберта Завоевателя, король Сигиберт Второй, вообще предлагал извести племя оборотней под корень. Следующее восстание случилось через сто лет, когда появился новый Бешеный Вожак. По счастью, Стая не смогла нанести Пограничью, Бритунии и полуночной Немедии большого урона — Бешеный погиб во время невероятной силы снежной бури... Хотя как знать, может быть, тогда Вожаку помогли умереть? Неважно. Третьего пришествия Бешеного мы ждали. И как только с Полуночи посту-



пили известия о начале мятежа оборотней, граф Мораддин принял меры.

— Постой! — воскликнул Конан. — Это тот самый Мораддин?

— Какой еще «тот самый»? — не понял варвара Гуннар. — Его светлость, конечно, не коренной немедиец, он родился в Туране...

— Вот неправда! — со знанием дела заявил киммериец. — Он родился в Бритунии. Мораддин просто долго жил в Туране.

Гуннар поднял руку, приказывая Конану замолчать, сказав при этом:

— Мы не будем обсуждать историю жизни его светлости графа Эрде. Сейчас это ни к чему. Потом, в трактире, за кружечкой эля. Давайте лучше утолим любознательность досточтимого месьора Джарефа...

Но у месьора Джарефа были свои соображения на этот счет. Похоже, он просто хотел потянуть время разговором с немедийским графом, прежде так умело изображавшим туповатого стражника. Бешеный постоянно поглядывал наверх, ожидая, когда придет его час, и вот прозрачный купол святилища вдруг начал наливаясь тревожным бело-голубым светом, восемь звезд встали в ровную линию, протянувшуюся от закатного горизонта до грани восхода, обитаемая людьми Сфера замкнула цепь и...

И тут случилось нечто невообразимое.

Видимо, предводитель Стаи владел способностью разговаривать со своими приближенными при помощи мысли, иначе ничем другим не объ-



яснишь невероятную согласованность действий так и не сложивших оружие оборотней.

Первым делом в действие кровавого спектакля вступила малышка Ани, которая и в облике пантеры сохраняла демоническую привлекательность. Угольно-черная гибкая кошка, наверняка сознавая, что неминуемо погибнет, рванулась в атаку на людей Гуннара — она в два мягких и долгих прыжка достигла лестницы, на которой стояли немедийцы, бросилась в самую их гущу и начала убивать. Долго противостоять прекрасно обученным воинам тайной службы Ани не могла, но внесла сумятицу в их ряды, а среди всех прочих вызвала легкую панику. Даже Гуннар слегка опешил и растерялся. Он-то полагал, что победа завоевана.

Сбившиеся в плотный строй оборотни, за спины которых и ускользнул Джареф, начали медленно отступать к алтарю Фреки, без особого труда сдерживая Конана и его приятелей, довольно быстро уяснивших, что Бешеный Вожак собирается закончить свою миссию любой ценой. Конан зарубил двоих, но вскоре он и Альбиорикс натолкнулись на такую ожесточенную оборону, что быстро пробиться к Джарефу, уже начавшему читать Книгу Бытия, было просто невозможно.

— Меч! — взревел Джареф, прибавив к этому простому слову несколько коротких звучных фраз на древнем наречии Карающей Длани. Конан, сообразив, что сейчас произойдет, прыгнул к валяющемуся без чувств советнику Вегелю, пытаясь



перехватить магическое оружие, но клинок Ске-лоса, лежавший рядом с месьором советником, взмыл в воздух, попутно попытавшись рубануть наотмашь варвара. Конан, отлично зная, что с мечами Скелоса, которые действуют сами по себе (и действуют весьма умело, надо сказать), отшатнулся, споткнулся о тело Вегеля и упал. Клинок поднялся к звездным небесам, а затем нырнул вниз и оказался в руке Джарефа.

— Где Рангильдор? — варвар, едва поднявшись, суматошно оглядывал капище. Он точно помнил, что люди Вегеля принесли Рангильдор сюда, завернули в холстину и положили где-то в углу. Тут же к Конану подбежал бледный Тотлант. Волшебник нес позабытую всеми Книгу Веренелельда — рубины на золотой башенке пылали ало-оранжевым огнем, а сквозь камень проступали ясные силуэты рун.

— Вот Книга! — выдохнул Тотлант. — Где клинок? Давай сюда! Что значит — «отобрали»? Да я тебя в жабу превращу, недоносок киммерийский!

Конан, в особо сложные и ответственные моменты соображавший исключительно быстро, глянул на башенку и машинально прочитал проступивший на рубинах рунный рисунок. Ему были видны только четыре символа — «Алгиз», «Хагалаз», «Райда», «Соули», то есть «Божественная сила», «Запрет», «Дорога», «Победа». Последняя руна, впрочем, могла означать и свет солнца.

Теперь стало понятно, какая это книга. Каждая руна — это отдельная история, длинная и за-



путанная. Но в то же время руны — это символы. Символы и магические знаки.

— Дайте меч, ублюдки! — надрывался Конан, пытаясь переорать шум драки, ибо черная пантера все еще продолжала сопротивляться немедийцам и постепенно отступала к Вратам, почти неуязвимая для клинков и арбалетных стрел, от которых уворачивалась с невероятной колдовской ловкостью.

Джареф читал Книгу, возложив на ее страницы меч Скелоса. Тотлант с безумным ужасом в глазах наблюдал за Вратами. Из четырех засовов уже рухнули три. Конан ругался, на чем свет стоит, употребляя все знакомые ему языки и наречия, и остановился только когда его схватил за плечо взмокший Гуннар и всучил длинный тяжелый сверток.

— Почему мне приходится выполнять вашу работу? — скороговоркой выпалил немедиец. — Забирай Меч, Тотланта и Башню! Действуйте! Сделайте хоть что-нибудь! Оно сейчас вылезет!

— Как поступать? — рывкнул Конан. — Руны я смогу прочесть, а что делать с мечом и Тотлантом?

Волшебник в это время отобрал у Конана Рангильдор, сбросил с него грубую ткань и рассматривал попеременно то Книгу, то клинок.

— Есть! — взвизгнул от восторга Тотлант, обнаружив на основании башенки углубление, в точности копирующее силуэтом наверху рукояти Рангильдора. Маг быстро вставил яблоко меча в фигурную нишу, Рангильдор, и без того по-



лыхавший бесчисленными синими искрами, превратился в полосу спящего белого света, а рубины слились в одно пылающее кольцо. Конану показалось, будто к мечу приделали еще одну громоздкую рукоять.

И в этот момент Врата Серой Дороги отворились.

Фреки, древнее порождение звериного мира, стоял на пороге мира человеческого.

Ничего особенного — волк как волк. Только масти черной и размером с быка. Он выглянул из сияющей звездами полутьмы, повел лобастой башкой и, увидев Бешеного, оскалился в настоящей, почти человеческой улыбке.

Бой прекратился. Все — оборотни и люди — почувствовали, как из Врат истекает могучая божественная сила.

Веллан с Эртелем, так и не сбросившие звериное обличье, легли на брюхо и тяжело задышали. Испугались. Конан и то начал оценивающе поглядывать на лестницу, ведущую в подземелья замка, подумывая об отступлении. С демонами сражался, бывало. Но драться с богом? Ну уж нет. Ищите другого героя!

— Тотлант, давай! — Гуннар схватил волшебника за шиворот и потряс. — Загони его обратно в черную бездну, и я сделаю тебя герцогом!

— Не получается, — стигиец едва не плакал. — Не работает! Ну, руны, понятно, заклинание. Странник, соединив Меч и Книгу, обязан его прочесть. Я прочитал руны четыре раза. И ничего!



— Дай сюда! — Конан вырвал из рук волшебника магические предметы и всмотрелся в рисунок древних символов. — Откуда, по-твоему, надо начинать читать?

Фреки, осмотревшись, сделал первый шаг вперед. Тяжелая когтистая лапа коснулась пола святилища, и камни пошли трещинами.

В глазах Джарефа сияло истинное счастье. Он достиг своего!

— «Орикс», руна начала всех начал, — пискнул Тотлант. — Дай еще раз попробовать! Может, заклинание нужно прочесть три, семь или девять раз?

Но Конан, действуя более по наитию, чем согласуясь с разумом, начал произносить имена рун, выстроившихся в девятизначную цепочку. Если быть знатоком рунической магии, да и просто читать начертания символов, то цепь могла означать заклинание, состоявшее из девяти слов: «Начни дорогу, закрой ворота чужим богам, обрети победу жизни». Но это для знатоков вроде Тотланта. Конан же просто назвал имена рун.

Фреки попятился.

Джареф оглянулся и побледнел. Над Рангильдором и соединенной с ним башенкой возник ярко-розовый ореол и кольцо света начало медленно распространяться по святилищу.

Конан зажмурился, иначе можно было ослепнуть. Рукоять меча нагрелась, но киммериец понял, что если ее выпустить, заклятье не подействует. Оборотни из свиты Джарефа отступили за алтарь, под защиту своего божества.



Фреки недаром был богом.

Боги умеют проигрывать, в отличие от людей или оборотней. У них ведь в запасе вечность, а вечная жизнь подразумевает прежде всего терпение.

Громадный черный волчище медленно, со своеобразным достоинством убрал лапу, ступившую за землю не принадлежащего ему мира и, отстранившись от розовой волны, глянул на Конана. Киммерийцу, продолжавшему жмуриться, будто бы сказали: «Раскрой глаза и посмотри!»

Конан послушался.

Фреки смотрел на варвара в упор. Умные, чуть отливающие зеленью глаза древнего существа, обладавшего непредставимым людям могуществом.

В них не было ни злости, ни ненависти. Лишь тоска. И боль. Фреки боялся, но боялся не за себя — чего бояться богу?

«Будь таким, какими являемся мы,— возник в голове Конана голос черного волка.— Соедини в себе лучшие качества зверя и человека, отбросив худшее. Это единственное, что я могу тебе предложить. Ты победил, а потому вправе взять виру за свою победу».

«Виру? — точно также, мыслью, ответил Конан зверобогу.— Какую? Ты чужак, мне от тебя ничего не нужно».

«Мне нужно...— ответил Фреки.— Отпусти моих сородичей, сражавшихся за меня. Нет, не в широкий обитаемый мир. Ко мне. К звездам. А я сам заплачу за них выкуп».



«Пускай катятся куда хотят! — Варвар кивнул, не отпуская в то же время цепкого взгляда черного волка.— Забирай их себе».

«Благодарю,— Фреки вывалил из пасти длинный розовый язык, будто улыбаясь.— Вот тебе мой выкуп. Именем сотворенного мира, леса, зверя и неба я дарую тебе право трижды до конца жизни принять обличье волка. Только трижды. Теперь, Конан Канах, и ты отчасти оборотень... Прощай».

— Ах, ты!..— выкрикнул вслух киммериец, задохнувшись от гнева, но вдруг почувствовал небольшое, мимолетное изменение в своем теле. Оно будто бы обрело новую, уникальную и удивительную способность — силу, которая будет дремать до времени, пока сам Конан не призовет ее на помощь.— Вот собака!

Фреки развернулся и медленно пошел по звездному пути прочь. Услышав его безмолвный приказ, за Врата ступили Джареф, черная пантера и все те, кто сопровождал Бешеного Вожака.

Краем глаза варвар заметил, как Веллан встал на все четыре лапы, встряхнулся и с совершенно безумным взглядом направился к зияющей ране в ткани обитаемого мира. Он тоже захотел пойти к звездам.

— Ку-уда? — киммериец схватил Веллана за шиворот, встряхнул и дал легкого пинка по ребрам.— Даже не думай! Здесь твой дом!

Оборотень обиженно твякнул, но все же уселся у левой ноги Конана, обвинившись пушистым хвостом.



Врата начали закрываться — створки обтягивало исторгнутым Рангильдором розовым огнем, заскрипели петли... И вдруг варвар увидел Джарефа — Бешеный возвращался. Бегом. Ступая по черной звездной пустоте.

— Книга! — надрывно кричал Джареф. — Книга! Отдайте мне ее!

Тяжелые створки сошлись прямоком перед Бешеным. С той стороны долетел только сдавленный вопль:

— Книга принадлежит мне!

— Запечатывай, — шепнул Тотлант и подтолкнул варвара вперед.

Конан медленно обошел статую волка с человеческой рукой, коснулся ладонью громоздких деревянных створок, взялся за гарду Рангильдора и изо всех сил вогнал лезвие меча в дверь, ведущую в чужой мир.

— Я правильно сделал? — киммериец оглянулся на неотступно сопровождавшего его волшебника. Тотлант лишь кивнул.

Ворота начали изменяться — дерево потемнело, стало плотным и глянцевым.

Потрогав створки, Конан понял: Врата Серой Дороги превратились в камень. Теперь их ничто не сокрушит. Фреки не вернется.

Обернувшись на странный шорох, варвар и Тотлант стали свидетелями удивительного зрелища: статуя зверобогa начала обращаться в пыль. Рассыпались острые уши, опала невесомым пеплом поднятая человеческая рука, массивная голова стала облаком медленно оседающей мелкой



крошки... Спустя несколько мгновений Фреки являл собой лишь бесформенное нагромождение песка и пыли.

— За-ме-ча-тель-но, — громко, по слогам произнес Гуннар, выбежав к постаменту, на котором недавно красовался зверобог. — Идеально чистая работа! Так, теперь разберемся с прочими делами...

— Разбирайтесь. — Тотлант отстранил немедийца и подошел к алтарю. — Уважаемый граф, ты не будешь возражать, если награду, причитающуюся нам за столь... — тут Тотлант смешно сморщился и передразнил Гуннара: — За столь чистую работу мы заберем сами? Лично я беру вот это!

Стигиец снял с алтаря Книгу Бытия и меч Склоса. Книга немедленно канула под балахон волшебника, а меч остался в руке.

— Забирай, — легко согласился Гуннар. — Всем остальным награда будет определена после. Месьюры, позвольте, а где же король? Альбиорикс! Ты куда пропал?

Бывший капитан гвардии, сжимая ладонью рану на боку, полученную во время боя с оборотнями, хмуро посмотрел на немедийца.

— Счастлив приветствовать ваше королевское величество! — широко улыбнулся Гуннар. — Выражаю тебе искреннее почтение от государя Нимеда и хочу надеяться, что Бритуния всегда будет верным союзником нашего королевства. Преданность союзническим обязательствам, как я полагаю, Немедия сегодня доказала...



— А мне кажется,— тяжело проронил Альбиорикс,— что это было вмешательство в дела чужого государства. Но исключительно своевременное...

Пока Альбиорикс и граф Майль, скрывавшийся под именем Гуннара, обменивались любезностями, Конан устался на Эртеля с Велланом, смирно сидевших у его ног.

— Превращайтесь обратно, дурни,— варвар потрепал обоих волков по загривкам.— Дело сделано.



ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой Конан пытается установить истину, но разочаровывается в оной...



Невзрачный трактир «Эфес», что стоит на улице Меча, нынешним днем превратился в место паломничества самых высоких особ.

Во-первых, на примыкавшем к «Эфесу» постоялом дворе обосновались полсотни вояк, в действительности являвшихся особым воинским отрядом немедийской гвардии, по слухам, откомандированным в Пайрогию, дабы помочь местным властям справиться со взбесившимися оборотнями. Возглавлял таковой отряд исключительно богатый, щедрый и добросердечный месьор Кеаран, граф Майль — разодетый в пух и прах вельможа, по мнению трактирщика, слегка походящий лицом на частенько забегавшего в «Эфес» рыжего стражника Гуннара. Впрочем, это наверняка было лишь случайное сходство и ничего более.

Во-вторых, «Эфес» облагородил своим посещением герцог Конан Канах, коему новый король изволил даровать земли на границе Бритунии и



Пограничья. Звание герцога этому высокому темноволосому человеку средних лет шло, как корове — седло, но воля короля есть воля короля. С его величеством Альбиориксом, сменившим на троне беднягу Эльдарана (как говорили, старого короля зарезали бешеные оборотни, и в слухах все-таки была доля истины...), не особо поспоришь. Крут молодой государь.

В-третьих, к концу дня, когда вышеупомянутые граф и герцог уже успели приложиться к сосудам, из коих люди вдохновенные черпают красноречие, в «Эфес» явился сам король Альбиорикс с небольшим отрядом телохранителей, а трактирщик, неслыханно обрадованный высочайшим визитом, немедленно отослал мальчишку в лавку красильщика и заказал новую вывеску.

Теперь заведение, на которое снизошла монаршая милость, должно было именоваться «Королевский эфес».

А разговор тем временем шел напряженный. Конан (герцог Конан...) восседал вкупе с компанией трех беловолосых молодых парней и смуглого месьора в балахоне волшебника за самым дальним столом, пил, будто распоследний наемник, был угрюм, а иногда порывался вскочить и ухватить за грудки шустрого графа Майля. Герцога Конана общими усилиями усаживали обратно, подливали еще пива, и уговаривали не волноваться.

— Ну ты и скотина! — орал Конан на рыжеволосого немедийского графа. — Неужели сразу не могли сказать, что дело так серьезно закруче-



но? А Мораддин... Этому мерзавцу я лично все скажу, когда увижу!

— Граф Мораддин, — посмеиваясь, отвечал человек, похожий на стражника Гуннара, — специально предупредил меня, чтобы я ни в коем случае не открывал Конану из Киммерии — ах, извиняюсь, вашей герцогской светлости! — всей подоплеки. Мол, когда ты ничего не знаешь, ты действуешь по наитию, инстинкту, и у тебя все получается. Мораддин говорил, что это неоднократно проверено им самим. А позволь спросить, как же ты познакомился с месьором Мораддином?

— Путешествовали вместе двенадцать лет назад, — хмуро признался Конан. — С Мораддином и с одной девочкой по имени... Не помню. Кажется, Ринга? Она еще была не человеком, а вампиром. Причем кровь пила в любом смысле — в прямом и в переносном.

— Ясно, — загадочно покивал граф Майль. — Ну что, объяснить тебе, в чем состояла интрига? Или сам догадаешься? Мораддин спланировал дело досконально, его теперь называют в Бельверусе самым лучшим начальником тайной службы после знаменитого герцога Лаварона, умершего четыре года назад.

— Рассказывай, — безнадежно вздохнул Конан, вертевший в руках жалованную грамоту, полученную от Альбиорикса, в которой ясно указывалось, что наемник Конан Канах ныне является бритунийским герцогом с правом «сидеть в присутствии короля».



— Теперь я понимаю, отчего Мораддин сделал ставку именно на тебя, — начал немедиец. — Вы старые друзья — это раз. Он знал о твоих способностях — это два. Ты как раз направлялся из Зингары, где тебя хотели убить, на Полночь — это три. Мораддин приказал всем ищейкам Вертрауэна тебя немедленно отыскать и незаметно вовлечь в дело.

— В дело я вовлекся сам, — отмахнулся Конан. — Когда нанялся охранником в караван, а потом по случайности купил Рангильдор. Меч, созданный специально для противостояния бешеным оборотням.

— Как думаешь, кто порекомендовал караванщику нанять именно тебя? — невинно спросил граф Майль. — Может, ты всерьез полагаешь, будто магические клинки рассыпью валяются в лавках захолустных торговцев? Рангильдор много лет хранился в сокровищнице Бельверуса. Когда настало время третьего пришествия Бешеного, мы подсунули меч некоему киммерийскому наемнику. Если бы ты не пошел в лавку оружейника, Вертрауэн нашел бы способ подарить тебе этот клинок...

После этих слов Конан и полез в драку. Навероятно, немислимо! Неужели всю жизнь киммерийца будут обманывать и использовать в своих целях? Мораддин тоже хорош! Старый друг, называется! Поймать да морду набить за такие гнусные шуточки!

Эртель, Эмерт и Веллан дружно схватили Конана за руки и усадили обратно на скамью. Вар-



вар лишь тяжело дышал, с ненавистью глядя на графа Майля. Тот преспокойно сказал:

— Чем ты недоволен? Теперь ты герцог, богатый человек. Нашел свое пристанище, получил замечательных друзей, — немедиец указал на оборотней и Тотланта. — Я тебя не понимаю!

— Дальше рассказывай, — проворчал варвар. — И в Пайрогии все тоже было подстроено?

— Не совсем, — покачал головой поддельный Гуннар. — Тайная служба Немедии очень долго не знала, кто таков Бешеный Вожак. Едва мы получили сообщение от своих лазутчиков в Пограничье, что в Бритунию едет посольство, в составе которого племянник знаменитого Эрхарда, волшебник из Стигии и печально известный Конан Канах, то сразу поняли — вы едете в Бритунию неспроста. Размышления наши складывались в одну цепочку: Бешеный не сумел достичь своей цели силой, затаился и начал действовать хитростью. Мы отчасти знали о его планах. Капище, Фреки... Шпионы Вертрауэна, которых при дворе Эдъдарана предостаточно, известили и меня, и графа Мораддина о том, что главное действо по вызволению зверобого будет происходить в Пайрогии. Хвала богам, советник Вегель был гордецом, причем болтливым гордецом. С помощью нанятых магов мы определили, что новая любовница короля — оборотень. Тогда все встало на свои места. Персонажи пророчества в наличии, Вегель за огромные деньги купил меч Склоса и Веренелельда, каковой затем оказался у Кейлаша, Книга Бытия находилась у Бешено-



го... Нам оставалось лишь собрать свои магические артефакты и использовать их по назначению. Ночью мой военный отряд быстро очистил дворец от приспешников Вегеля и оборотней и пришел к нам на помощь в самый важный момент. Все просто... Но я никак не мог ожидать, что Странником окажешься именно ты, Конан! Ведь ты не маг! Я до последнего момента подозревал, что Странник — это Тотлант.

— Магия — штука хитрая, — вмешался в беседу волшебник, — равно как и пророчества. Каждое слово предсказания можно понимать как в буквальном смысле, так и переносном. Разве Конана нельзя назвать странником? Можно! Разве он не сознательно противостоял бешеным оборотням, а значит, обретал силу, способную уничтожить Вожака? В этой истории осталось еще немало загадок!

— Что было дальше? — требовательно спросил Конан у немедийского графа.

— Дальше? Дальше я использовал посольство Эрхарда в качестве наживки, — ответил Майль. — Рассчитать день вашего прибытия в столицу было не так уж и сложно, я под видом Гуннара записался в стражу... А потом аккуратно направлял вас в нужную сторону.

— Убью! — взревел киммериец, перегнулся через стол и схватил графа за ворот. — Ах ты, паскуда! Так подставить! Да ты понимаешь, что наша жизнь висела на волоске?

— Нашел, чем удивить, — скривился собеседник Конана. — Ты всегда так живешь. Если бы



Веллан, Эртель или кто другой из вашей компании собирались быть простыми землепашцами или охотниками, то и сидели бы себе в теплом уютном доме с грудастой женой и выводком детишек. Так?

Оборотни согласно покивали. Тотлант лишь загадочно улыбнулся.

Когда Конан отпустил воротник Майля, граф отдышался и снова начал говорить:

— Остальное мало интересно. Вы охотились за Бешеным, советник Вегель охотился за вами, подсылая убийц и упырей, Вертрауэн присматривал за всей этой свистопляской... Наконец, нам стало ясно, что Вожака раскроется лишь в Ночь Девяти Звезд. Джареф тем временем разыгрывал из себя невинного страдальца и всеми силами отводил от себя подозрения — отсюда и дурацкие «обыски» в его доме, и пожар... А я, изыскивая способ поймать Бешеного, размышлял следующим образом. Где будет проводиться обряд? Верно, в капище! Куда нужно отправить особый отряд Вертрауэна, приехавший в город под видом наемников? Правильно, туда же. Там все и встретились. И я лишь благодарю Митру за то, что никто из наших не погиб, да и мы не запятнали себя кровью. Только проклятая пантера... Мерзавка ранила почти десяток моих лучших бойцов! Жаль, что ты ее отпустил, Конан. Девочке стоило воздать по заслугам.

— Никогда не воевал с женщинами. — Варвар поморщился. — Оборотничество — ее природа. А то, что Ани охмурил Бешеный — не ее преступ-



ление, а ее беда. Видывал я таких женщин... Человеческих, разумеется. С характером, сильной волей и невероятной привлекательностью. Они идут на убийства или грабежи не ради денег или славы, а ради любви. Может быть, она на самом деле любила Джарефа и была готова ради него пожертвовать всем?

— Возможно,— согласился граф, но тут помощника хитроумного Мораддина перебил Веллан.

— Конан, скажи мне, пожалуйста,— осторожно и даже боязливо начал оборотень.— О чем вы говорили с Фреки? Безмолвно? Я тогда был в волчьей шкуре и чувствовал, что вы обмениваетесь мыслями. Но суть беседы распознать не мог.

Эмерт и Эртель, как сторона заинтересованная, подались вперед. Им тоже было любопытно. Лишь один Тотлант помалкивал, сверкая агатовыми выпуклыми глазами и барабанил пальцами по изрезанной ножом столешнице.

— В общем, ребята, такие дела...— изрек Конан и подозрительно воззрился на Майля. Граф лишь пожал плечами и сделал вид, будто собирается уйти. Конан поймал его за рукав и усадил на место. В конце концов, Майль — глаза и уши всемогущего Мораддина, имел право знать, чем закончилась история с Бешеным Вожаком.

— Мне даровали право,— медленно, будто нехотя, сказал киммериец,— три раза за оставшуюся жизнь стать волком. Это выкуп за жизнь Бешеного и его Стаи. Понимаете? Право на время превратиться в оборотня. В такого же, как ты, Веллан.



— Не разбазаривай дар Фреки.— Эртель, наследник короля Пограничья, стал неожиданно серьезен.— Для человека это бесценный подарок. Тебе отдали каплю нашей крови. Невероятно... В истории моего народа ничего подобного никогда не случилось!

— Мне бы такой талант,— заметил Майль.— Это невероятно помогало бы в работе.

— Дар божества? Полученный в качестве выкупа? Да, Конан, ты действительно один из самых интересных людей, которых я когда-либо встречал,— вздохнул стигийский волшебник.

— Не завидую,— буркнул Эмерт.

А Веллан расхохотался.

— Вот теперь ты на самом деле наш родич! — подвывал голубоглазый оборотень, хватаясь за живот.— Не только брат по мечу, но и по крови! И пусть остальные люди тебе завидуют! Добро пожаловать в Семью!

— В Стаю,— поправил его Эртель. Наследник встал с торжественным видом и протянул руку Конану: — Воля древнего бога нерушима. Конан, теперь и ты будешь бежать в Стае Вожака.

— А кто у нас нынче Вожак? — Конан понял, что с новым даром придется смириться.

— Эрхард, король Пограничья.

— Согласен,— не раздумывая, сказал варвар, и пожал руку Эртеля.— Одна беда — не знаю, что делать с этим нежданным подарочком Альбиорикса?

Конан поднял со стола жалованную грамоту на герцогский титул.



Оборотни, Тотлант и граф Майль дружно пожалы плечами.

— Да гори оно синим пламенем! — решил Конан. — Мне предсказана королевская корона, а отнюдь не герцогская! Все, побыл денек герцогом и хватит!

Киммериец поднес пергамент к пламени свечи, аккуратно запалил свиток, и когда тот догорел, стряхнул пепел с пальцев.

— Вот как ты разбрасываешься королевскими милостями, — усмехнулись за спиной Конана. — Нехорошо-о...

Позади стоял Альбиорикс. Без свиты.

Трактирщика, подобострастно посматривающего на короля Бритунии снизу вверх, можно было не считать.

— Вегеля только что повесили, — сказал король. — За измену и содействие оборотням. Впрочем, это неважно. Вы, как я вижу, празднуете? Будет ли позволено королю поднять бокал за победу?

— Хм-м, позволяем, — милостиво кивнул граф Майль, и каждый понял, кто нынче в Бритунии настоящий правитель.



ЭПИЛОГ,

в котором Конан прощается с оборотнями и уезжает в Аквилонию



пустя четыре седмицы, миновавших от событий в Пайрогии, столица королевства Пограничного гудела, будто растревоженный улей. Слухи ходили самые что ни на есть преувеличительные.

Рассказывали, что наследник нынешнего короля нашел Бешеного Вожака, вызвал его на поединок и собственноручно зарубил на главной площади Пайрогии при большом стечении народа, за что и был одарен новым бритунийским королем титулом герцога.

— Нет, — говорили другие, попивая пиво в «Короне и посохе», — неправда это все! Герцогом стал Веллан, сын Арта. Да ты же, почтенный, его помнишь! Молодой такой, с синими глазами. Частенько в наш трактир заходит. Его еще прошлым летом ловила стража короля Дамалла за жульничество и неуплату долгов. А Бешеного, верные люди рассказывают, удавили в петле на шибенице. И перед смертью Вожак изошел чер-



ным дымом да выкрикнул проклятие, мол, быть Пограничью пусту...

— Да что ты, куманек, знаешь?! — возмущался другой. — Вожака из Пайрогии в серебряной клетке привезли. Чтоб не сбежал, паршивец, ибо всякому известно — бешеный оборотень серебра боится, в отличие от оборотня обыкновенного.

— И что же? — ахали собравшиеся в трактире обыватели.

— А то, досточтимые месьюры! Теперь наш добрый король Эрхард будет его прилюдно показывать за деньги, прямиком в клетке.

— А каков он из себя-то, Бешеный? — тотчас следовал вопрос.

— Как и положено, — важно отвечал купчишка, больше других осведомленный в последних новостях. — Клыки, пена у рта, зенки алым пламенем горят, уши острые и волосатые. Страсть, в общем.

— А когда в человека превращается, каков?

— Так он в человеческом облике упомянутую страхолюдину из себя и являет! Когда зверюгой оборачивается, и вовсе чудище непотребное — огонь из пасти...

— И дым из-под хвоста... Вонючий-превонючий, — зевнув, промолвил один из слушателей. Насмешник был высок, черноволос, по зимнему времени одет в теплый соболий полушубок, распахнутый на груди, да в полосатые штаны, какие носят нордхеймцы. Толпа загудела неодобрительно, а высоченный громила еще раз скучно зевнул, поднялся и вышел из трактира, впустив



в теплую обеденную залу клубы морозного воздуха.

...Направился Конан в сторону черневшей на холме каменной коробки — теперь в этом невзрачном, наполненном тараканами, сквозняками и запахом кислой капусты строении находилась резиденция его величества короля Пограничья Эрхарда Первого, каковой к данному титулу мог присовокупить и звание Вожака Стаи. Обычного вожака, не бешеного. Мало того, что Эрхард теперь повелевал королевством, он был еще и вождем народа оборотней, что населяет небольшое и донельзя запущенное полуночное государство.

«Не такое уж и запущенное, — поправил себя киммериец, шествуя по утоптанному снегу к обветшавшему квадратному замку. — Вон стража на улицах появилась. Хоть за порядком следить начали. Разбойников потихоньку выводят. Похоже, у Эрхарда крепкая рука. Пройдет лет пять, — и здесь не услышат ни о баронской вольнице в Землях Кланов, ни о грабителях с большой дороги. Пограничью несказанно повезло с королем. Мздоимствовать Эрхард не будет, оборотни и люди для него равны, а за государственным порядком старый десятник уж всяко проследит».

Конан был непогрешимо прав. Если раньше королевский титул в Пограничье хоть и уважался, но ничего не значил, а король был не правителем страны, а скорее ее символом, то за минувшие две с половиной луны обстоятельства резко переменялись. Эрхард, едва усевшись на престол, создал личную королевскую гвардию — две сот-



ни оборотней из числа самых верных сородичей, да две сотни людей. Последние набирались из обширных семей кметов и хуторян. В гвардию брали только средних сыновей, чтобы родитель мог передать надел земли старшему, воспитать младшего, а уж о среднем государь позаботится... Открылись несколько новых приказов — военный, торговый, управы пограничной и городской стражи...

Король медленно, но верно брал власть в свои руки, не желая безразлично наблюдать анархию в пределах своей страны.

«Если Эрхард удержит корону... — Конан уже подходил к воротам, украшенным новеньким, совсем недавно вышедшим из мастерской красильщика Грота, что живет на Длинной улице, гербом Пограничья: двучастный щит-домблон, в верхней половине на красном поле светится золотом королевская корона; в нижней, закрашенной белым — зеленеют три дубовых листа, которые держит в зубах волчья голова. Красиво. — ...И если старика никто не подсидит, к старости переберусь жить сюда. Хорошая ведь страна. Горы, снег... Куплю дом, женюсь. Только не на девице-оборотне, хотя мне сейчас уже без разницы. Веллан с Эртелем всю дорогу зубы скалили из-за подарочка Фреки. Удружил тоже, ничего не скажешь!..»

— Отпирай калитку! — заорал Конан, стукнув кулаком в подгнившее дерево ворот замка. — Конан Канах из Киммерии к королю Эрхарду, по важному государственному делу!



— Знаем мы ваши государственные дела, — сварливо ответили сверху. Из надвратной бойницы высунулась бородастая физиономия стражника. — Снова пиво жрать да девок из портомойни по углам тискать? Уж насмотрелись на королевского племянничка, сыты по горло. Вот ключ, сам калитку отопрешь.

На очищенную от снега (о чудо!) мостовую сверху свалился тяжелый и ржавый ключ. Конан пожал плечами, буркнув что-то наподобие: «Эх, захудалое королевство... Вот в Зингаре!..», провернул бороздку в скважине калитки, встроенной в ворота, и вошел. Из караулки донеслось:

— Ключ на гвоздик повесь!

Киммериец фыркнул и отправился по знакомой дорожке через внутренний двор к покоям короля, попутно отвесив пинка развалившейся на дороге невероятно жирной свинье, откормленной королевскими кухарями. Свинья обиженно хрюкнула, но уходить не желала.

Сбор был назначен в самом удобном и обширном помещении замка — в тронной зале. Название громкое. Конан, раньше бывавший и при дворе старика Фердруга в Кордаве, и во дворцах кофийского да туранского монархов, представлял себе тронный зал как некое исключительно торжественное помещение. Колонны, мраморные статуи богов и героев, золото, пышные одежды придворных. А на возвышении стоит либо целиком отлитое из золота (это в Хорешмише, у Страбонуса) кресло, либо аккуратное сиденье, изукрашенное, однако, бесчисленным количеством



самоцветом (в Хауране, у Тарамис, где Конан служил в гвардии пять лет назад).

В Пограничье обстановка простецкая — квадратная зала, увешанная потертыми коврами с вышивкой, на гранитной плите громоздится обшарпанное кресло, какое постеснялся бы предложить гостям самый бедный зингарский барон, огромный очаг, жаровни по углам... И больше ничего, если не считать титанических размеров стола, отодвинутого в угол.

Вверх по лестнице, направо в коридор, и вот тебе тронная зала.

— Привет,— коротко сказал Конан, мельком глянув на двух унылых стражников, торчавших у входа. Эти молодые парни совершенно не понимали, для чего охранять короля, которого и так все любят. Но дворцовый распорядок строг. У входа в залу обязательно должна быть стража.— Опять пьете без меня?

— Заходи,— махнул рукой худощавый седоволосый мужчина в обычном светло-бежевом костюме из мягкой кожи.— Садись, где хочешь.

Устроились, разумеется, не за столом. Эрхард, первым поприветствовавший Конана, приказал расстелить возле очага пушистые медвежьи шкуры, здесь же расставить кувшины с пивом и вином, и блюда с простой, но вкусной пищей — жареное мясо, теплые хлебные караваи.

Цепкий взгляд варвара ухватил даже тарелку с зеленью — специально для королевского стола ее выращивал один аквилонец, поселившийся в Пограничье и содержавший для этой цели затя-



нутое слюдой строение с умным наименованием «оранжерея». Вот они, веяния просвещенного аквилонского духа в захолустном и отдаленном королевстве!

Присутствовали все, кто был приглашен. Загадочный Тотлант, облаченный в новую, черную как смоль хламиду с золотым шитьем, попивал вино и листал лежащую рядом Книгу Бытия.

Иногда над головой волшебника появлялись из пустоты малюсенькие, с ладонь, желтые дракончики, делали несколько кульбитов в воздухе и снова исчезали. Надо полагать, Тотлант очень увлекся занимательным чтением.

По левую руку от Эрхарда устроились Веллан с Эртелем. Эти фигляры играли в кости на шелбаны и, судя по покрасневшему лбу наследника трона, Эртель проигрывал, а Веллан жульничал. Рядом полулежал, оперевшись на локоть, донельзя серьезный Эмерт, пристально рассматривавший доставшийся Тотланту меч Склоса. Конан взглянул на оружие тоскливо по вполне понятной причине — Рангильдор он оставил в капище Фреки, а новый меч, который был куплен в Пайрогии, никуда не годился. Коротковат и вдобавок из плохой стали. Но ничего лучшего в столице Бритунии не нашлось.

Последний приглашенный был очень невысокого роста, всего-то Конану по грудь, невероятно бородат и столь же невероятно широкоплеч. Фрам, сын Дарта, по прозвищу Мрачный, самый настоящий гном из Граскаальских гор. После знакомства с Мораддином Конан относился к гномам с



исключительным уважением и был очень рад увидеть чернобородого Фрама, который, собственно, и спас шкуры всех здесь присутствующих во время сражения с Бешеным у Черного храма.

— Новости из Бритунии, — сказал Эрхард, когда Конан непринужденно развалился на шкурах возле огня. К варвару тотчас подошла принадлежащая королю пушистая охотничья лайка в надежде, что новоприбывший одарит ее жирным куском. Разочаровавшись, собака улеглась возле варвара, грея ему спину. — Доставили с последним купеческим караваном.

— Альбиорикса свергли? — поинтересовался Конан. — Или Бешеный воскрес?

— Смешнее, — фыркнул Эрхард. — В Бритунии появился новый бог. Знаешь, как его зовут? Раваал! Пристроили беднягу?

— Пристроили, — Конан улыбнулся и налил себе пива. — Отдал Раваала какому-то мальчишке, а где один верующий, там и тысяча. Если снова окажемся в Бритунии, всегда можно будет надеяться на помощь Бога с Черным Лицом. Все-таки Раваал кое-чем нам обязан.

— Интересно, сколько богов тебе уже обязаны? — хохотнул Веллан. — Можешь хоть посчитать?

Конан принял насмешку за чистую монету и начал загибать пальцы:

— Начнем с Крома. Хотя бы потому, что я Крому не надоедаю. Потом Сет. Потому что я до сих пор его не трогаю. С Иштар мы лично знакомы по шадизарским временам...



— Врешь! — изумился Веллан. Оборотень среди всех богов искренне почитал только Иштар.

— Не нравится — не слушай, а врать не мешай, — задумчиво сказал Конан. — Иштар, между прочим, не только богиня, но и очень красивая женщина. Только характер у нее строгий. Вспомним дальше. Дэркету мы не считаем — совсем полоумная девочка, только об одном думает...

— Это о чем же? — заинтересованно спросил Фрам, плохо знакомый с пантеоном человеческих богов.

— О телесных уладах, — сладенько подсказал Эртель. — Конан в таких делах большой дока. А дальше?

— С Эрликом мы никогда не встречались, с Ариманом — было дело, храм его грабили. Дагот? Это скорее не бог, а демон с некоторыми божественными способностями...

— Хватит, хватит! — замахал руками Эрхард. — Сейчас ты соврешь, будто пил вино лично с Белом!

— Пил, — без всякого смущения заявил Конан. — На его же деньги и на его же свадьбе.

— Что-о? — хором спросили все присутствующие, не исключая Фрама. Это было откровенное вранье.

— Не верите — не надо! — искреннее обиделся Конан, потому что говорил истинную правду. Когда же это было-то, пусть Митра одарит памятью?.. Лет двадцать назад? Двадцать два? Старый добрый Шадизар... — Ладно. Давайте лучше пиво пить.



— Пиво подождет,— серьезно сказал Эрхард, не по-стариковски быстро встал, заложив руки за спину, прошелся вокруг обширного ложа из медвежьих шкур, пожевал губами, думая. Остальные наблюдали за королем молча — нельзя перебивать мысли монарха и Вожака.— Вот что, Конан. Сколько тебе лет?

— Ну...— озадачился варвар неожиданным вопросом.— Тридцать шесть... Кажется. Весной должно быть тридцать семь. А что?

— А то, дражайший мой киммериец,— серьезно сказал Эрхард,— мы, оборотни, живем немного дольше человека. Вот Веллану, который выглядит на двадцать, думает как пятнадцатилетний, а ведет себя как младенец, уже сорок два. Оборотни взрослеют позже... Но ты уже давно повзрослел. Не думаешь где-нибудь обосноваться? Надолго? Если не навсегда? Выстроить свой дом, найти хорошую добрую женщину, которая станет заботиться о твоих детях? Послужить хорошему делу?

— Все, что ты говоришь, очень здорово,— не менее вдумчиво ответил киммериец.— Ответить честно? Не знаю. Не могу долго сидеть на одном месте. Эрхард, если ты сейчас предложишь ...

— Предложу,— перебил король.— Веллана сегодня же лишаем звания капитана гвардии, передаем звание тебе, а этого разгильдяя ставим твоим помощником. На такой важной должности мне нужен человек... ну, или оборотень, солидный, много повидавший и опытный, а не это хихикающее трепло.



— Да он меня старше на пять лет! — прыснул в кулак Конан, но внезапно нахмурился.— В общем, Эрхард, мое слово будет таким. Дай мне год на раздумья. Я давно не верю в глупые предсказания, обещающие мне трон и корону. Сколько раз они произносились, сколько раз я был всего в одном шаге от королевского титула!.. Я мог стать королем Пограничья или Бритунии, но... Это не мое. Короны этих стран мне не принадлежали. Чужое я брать не буду.

— Год на размышление? — поднял бровь Эрхард.— А дальше? Потом ты про нас просто забудешь.

— Такое не забывается! — с жаром воскликнул Конан.— В кои-то веки я получил настоящих и искренних друзей!

— И родственников,— ернически шепнул Эртель. Тотлант таинственно улыбнулся.

— Да, и родственников! — Конан жажнул кулаком по медвежьей шкуре, на которой лежал.— Нечего смеяться! Если во мне теперь есть капля вашей крови, то я буду отстаивать ее честь!

— Успокойся,— тихо, но веско сказал король, отлично осведомленный о даре Фреки, полученном киммерийцем.— Ты обещаешь, что через год, если не случится ничего, что приведет тебя к твоей мечте, ты дашь нам знать о своем решении?

Конан встал на ноги и протянул руку Эрхарду.

— Слово Конана из Канахов. Доселе никто не мог пожаловаться, что я нарушал свои обещания.



Если за год я не выйду на путь, ведущий меня к... Мечте, я вернусь в Пограничье. Навсегда.

— Договорились,— согласился Эрхард, а вездущий Тотлант ребром ладони разбил сжатые руки короля и варвара, показывая этим жестом, что стигиец стал первейшим свидетелем данной клятвы.

— Обещанного три года ждут,— усмехнулся волшебник, и сам того не подозревая, стал пророком.— Завтра наступит 1286 год по аквилонскому счету. Я, как свидетель договора, говорю: один год на исполнение договор и два года отсрочки. Поверьте стигийскому колдуну, магия может видеть будущее, и помогать мне заглянуть сквозь завесу времени... Подождем три года.

— Киммерийцы,— проворковал Веллан,— известны своим тугодумством. Теперь понятно, отчего Конану придется думать не год, а три. Он будет соображать, долго и здумчиво. Конан, не обижайся. Я верю волшебнику. И верю в то, что мы еще много раз встретимся.

— И я, конечно, тоже верю,— смущенно произнес Конан.— Наверное, после завтрашнего праздника Середины Зимы я уеду. Уж извините. Хочется навестить Аквилонию. И зима там помягче, чем в Пограничье...

— Я с тобой,— первый раз за весь вечер подал голос Эмерт.— Хочу навестить родственников в Боссонии. Возьмешь в компанию?

— Конечно,— обрадовался киммериец.— Один оборотень настоящий, один оборотень на три раза... Споемся!



— Не споемся, а спьемся,— поправил Конан, обычно не расположенный к шуткам Тотлант и вздохнул: — Я даже не верю, что эта безумная история наконец-то кончилась и все мы остались живы. Никогда не мог предположить, что вяжусь в столь жуткую авантюру. Переехав из Стигии в Пограничье я рассчитывал на спокойную размеренную жизнь, занятия волшебством ради собственного удовольствия... А тут пришлось несколько седмиц бегать, высунув язык, за взбесившимися оборотнями, подвергать себя тысячам опасностей, ночевать не в теплом, удобном доме а в палатке на снегу. Теперь вернусь в свой дом, в брошенную деревню Ло-Салим и заживу спокойно...

— Размечтался! — дружным хором заверещали Эртель с Велланом.— Опять жить отшельником? Это же скучно! Переселяйся в Вольфгард!

— Нет уж, благодарю,— поморщился волшебник.— За минувшее время вы и ваши безобразные выходки надоели мне хуже мороза и постоянного чувства голода! И не просите, возвращаюсь в Ло-Салим!

— Но Книгу Бытия ты оставишь здесь,— непререкаемым тоном сказал Эрхард.— Книга принадлежит нашему народу, а я, как Вождь Карающей Длани, могу лишь тебе ее одолжить. Пользоваться. На время. Вывозить Книгу из Вольфгарда я запрещаю.

— Это жестоко,— расстроился Тотлант и придвинул Книгу поближе, словно боялся что фолиант у него немедленно отберут.— Этот магичес-



кий трактат надо изучать годами, а я не вынесу в обществе Веллана и двух дней!

— Кобра стигийская,— обиделся Веллан.— Чем я тебе не угодил?

— Перевертыш! — не остался в долгу Тотлант, назвав бритунийца легкомысленным словечком, которое придумали люди, чтобы дразнить оборотней.— Языком метешь, что твое помело!

— Ну-ну, не ссорьтесь,— остановил намечающуюся свару Конан.— Лучше объясните, чем так примечательна Книга Бытия и почему из-за нее столько шума?

У Тотланта загорелись глаза.

— Удивительнейший трактат! — воскликнул стигиец.— Раньше я даже предположить не мог, что подобные сочинения существуют. По сравнению с этим сочинением, знаменитые Книги Скелоса — лишь сборники глупых баек и давно отживших свое заклятий!

— А подробнее? — заинтересовался варвар.

— Трактат еще можно назвать «Книгой Начал»,— увлеченно продолжил волшебник.— Здесь описаны сотворение нашего мира и его первые дни, тут можно найти самые первые заклятия, еще не запятнанные злом, пришедшим на землю значительно позже... Книга пропитана первозданной магией — звериной, человеческой, божественной. Она позволяет управлять природой, творить, возвращать всему, что было извращено злом и болью, первозданный облик. В ней — сама природа, и теперь я понимаю, отчего Книга Бытия принадлежит оборотням. Ваш народ ближе



всего стоит к первозданному, чистому миру, а мы, люди уже начали забывать, что это такое... Книга Бытия — это сокровище, ради которого любой маг не пожалеет собственной жизни! Хотите покажу что-нибудь интересное?

Киммериец кивнул, однако на всякий случай отодвинулся подальше.

Тотлант был волшебником малоопытным и молодым, отчего мог натворить больших бед, сам того не желая. Как, например во время путешествия в Бритунию, когда стигиец выпустил на свободу магический шторм, едва не погубивший всю компанию...

Тотлант всмотрелся в ровные строки рун, тихо прочел избранное заклинание и стрельнул извлеченной из пальца молнией в жареного рябчика, лежащего на блюде.

— Митра Пресветлый, сохрани и убереги! — Оборотни шарахнулись прочь, Конан схватившись за кинжал вскочил и приготовился к обороне, и даже спокойный, как валун, Фрам беспокойно покосился на свой топор-лабрис, возлежавший на оружейной стойке.— Ты что натворил, идиот?!

Несколько поджаристых безголовых птичьих тушек зашевелились, поднялись на обрубленные лапки и начали бегом носиться по залу, к вящему изумлению охотничьих собак Эрхарда.

— Так, что-то не получилось,— сдвинул брови Тотлант,— они обязаны были ожить, снова покрыться перьями и улететь на свободу... Сейчас попробую еще раз.



— Хватит,— Конан быстро подошел к волшебнику и, нагнувшись, захлопнул Книгу Бытия.— Потом будешь свои опыты ставить. Уже без моего участия.

Тушки рябчиков выстроились в цепочку и ровным строем побежали прочь из тронной залы. Спустя несколько мгновений со двора послышался перепуганный женский визг.

— Боги, воображаю какие слухи поползут теперь по городу...— почесал в затылке Эрхард.— Тотлант, может тебе не стоит больше читать эту книгу? Давай лучше займемся более приятным делом. Понимаешь о чем я?

— Ах да, конечно! — волшебник повернулся к королю и подмигнул. Старый оборотень заставил Конана сесть на место и снова прошелся по залу, остановившись рядом с гномом.

— Видишь ли, Конан...— Эрхард стрельнул глазами в сторону Фрама, и бородач удовлетворенно прикрыл веки.— Мы хотим тебе сделать подарок. От герцогского титула в Бритунии ты отказался, с нами жить не хочешь, Рангильдор оставил в капище Фреки... Я не хочу обижать тебя обычной наградой наемника — золотом. Прими гораздо лучший подарок, какой поможет тебе добыть и золото, и славу. Фрам?

Гном встал, поднял лежащий у ног длинный сверток, подошел к Конану и с невероятно почтительным поклоном, на какой способны только подгорные рудознатцы, вручил киммерийцу удивительно легкую, но в то же время изящную (это было видно даже сквозь ткань) вещь.



— Пусть Рангильдор остается в том месте, которое ему было предназначено богами,— сказал гном.— Возьми то, что тебе дарят друзья, и владей вечно.

Конан, предвкушая нечто чудесное, развернул ткань. Клинок.

Ножны простые, без изысков — кожа, серебряные накладки с чернением в виде охранных рун. Перевязь тоже не графская и не герцогская, зато удобная, как раз под рост Конана. Оставалось лишь вытянуть меч из ножен.

Лезвие покинуло свое обиталище с почти неразличимым шипением, и взгляду киммерийца предстало Сокровище.

Клинок был длиннее обычного полуторного меча, удобно лежащая в ладонях рукоять, яблоко мерцало недорогоими, но исключительно добротно ограненными синими аметистами...

А сталь! Варвар несколько раз взмахнул мечом, проверяя насколько хорош баланс, и в это же самое время предусмотрительный Тотлант подбросил в воздух пучок шерсти, выдранный из медвежьей шкуры. Молнией блеснуло отполированное железо, второй, третий удар, и вот вниз сыплются лишь коротенькие обрывки бурых волосков.

— Да вы понимаете...— выдавил Конан.— Вы с ума сошли! Такое оружие стоит безумных денег...

— Нет. Оно не «стоит»,— улыбнулся в бороду Фрам.— Подобные мечи бесценны. Сталь выплавлена на Изначальном подгорном огне. Украшали



меч лучшие мастера, какие только существуют у народа гномов. Меч очень старый, гномы делали его много лет назад для самого великого короля Аквилонии, Сигиберта Завоевателя. Сигиберт так и не взял его в руки... Прими и владей.

— У всякого оружия есть имя,— Конан восхищенно осматривал подарок.— Как его зовут?

— Мечам положено давать женские имена,— сказал Фрам.— Но мы пренебрегли традицией. После отковки клинок наименовали... Впрочем, его имя ты сам узнаешь. Со временем. И поблагодари заодно Тотланта.

— Не понял? — Конан повернулся к волшебнику.— Тотлант, а ты здесь при чем?

— Внес свою малую лепту,— стигиец откинулся на спину и положил руки за голову.— Эрхард и Фрам попросили меня сделать тебе подарок. Что может подарить волшебник? Особенно такой, как я? Магию Равновесия! На клинке стоят несколько заклятий. Они не принадлежат к Свету или Тьме, но всегда будут бороться с тем, что не приносит блага этому миру. Прими же и владей.

Конан вернул меч в ножны, вздохнул и тихо сказал:

— Спасибо.

* * *

Спустя два дня из Вольфгарда на Брийтский тракт, ведущий в сторону Заката, вышли два всадника.



По особому приказу короля Пограничья в течение трех лиг путников, направлявшихся в сторону границы Аквилонии, сопровождали двадцать семь огромных матерых волчищ. Лошади, впрочем, зверей не боялись, зная, что рядом с ними идут не хищные животные, а разумные существа — оборотни.

Далеко позади остался гостеприимный Брийт, клыки Граскаала превратились в черную полосу, отмечающую границу между землей и небом. Конан и Эмерт выбрали по заснеженному тракту Немедийского хребта на высокое плоскогорье и спустились на четыре лиги вниз.

Их глазам предстал каменный столб с глубоко выбитой надписью:

«Здесь всякий путник вступает в пределы великого и славного королевства Аквилонского, что находится под рукой короля Сигиберта. До Танасула дорога займет двести шестьдесят лиг, до Галпарана — двести лиг, до Тарантии — триста восемьдесят лиг. Да будет ровным ваш путь и чисты стремления!»

— Куда поедет? — спросил Конан у оборотня, прикрывшего лицо от ветра длинным отрезом шерстяной ткани.— И вообще, почему на столбе помянуто имя Сигиберта? Сколько лет назад он помер-то?

— Около трех столетий,— отозвался Эмерт.— И это был самый великий государь Аквилонии. По сравнению с нынешним королем, Нумедидесом, Сигиберт — скала рядом с невзрачным обломком. Вперед?



— Тогда едем в Галпаран,— скомандовал Конан.— Сейчас Тарантия нам ни к чему.

Всадники шли под уклон, а за спиной киммерийца поблескивала синими аметистами рукоять клинка, имени которого Конан пока не знал...

1998-2000,
Окленд, Новая Зеландия





Владыка Турана, сильнейшего государства хайборийского мира, прищурившись, глядел на низко склонившуюся перед ним фигуру.
— Ты изменился, Радхар.

...Подобных людей тысячи на улицах Аграпура — небогатые торговцы, купцы средней руки, преуспевающие ремесленники, землевладельцы с окраин империи, где крохотные пяталки плодородной земли, отвоеванные у пустыни, считаются, чуть ли не королевскими угодьями. Но Радхар не был ни купцом, ни ремесленником, ни даже землевладельцем. Скромная одежда ничего не значила. Если бы приказ Ездигерда был иным, то Аграпур еще долго вспоминал шумный и блестящий приезд то ли вендийского принца, то ли хитайского мандарина.

Владыка Турана был высок и могуч. Литые мускулы перекачивались под тонким шелком расшитого золотом халата. Мощная, как ствол дуба,



шея и широкая грудь говорили о страшной силе. Ездигерд сознавал свою силу и гордился ею, гордился по праву.

Тем не менее, он знал, что невысокий худощавый человек, склонившийся сейчас перед ним, обладал силой еще большей, хотя внешне это никак не проявлялось. Ездигерд — надменный, жестокий, вспыльчивый монарх, обычно не терпевший, чтобы кто-то был в чем-то выше его, относился к Радхару почти дружески, чему сам иногда удивлялся.

Радхару было около сорока пяти лет, и он служил еще Илдизу — отцу нынешнего владыки Турана. Об этом человеке давным-давно слагались бы легенды, однако род его занятий подразумевал строжайшую тайну. Шпионаж, убийства, заговоры, и это далеко не полный список того, чем занимался Радхар. Во многом именно благодаря ему, Туранская армия вела успешные войны на все четыре стороны света.

Была и еще одна причина, по которой Радхар до сих пор не лишился головы — известно ведь, что особо ценные люди рано или поздно становятся слишком неудобными для монархов, несмотря на свои чрезвычайно редкие неудачи. Он, безусловно, был предан правящему дому Турана, и Илдиз, а в последствии и Ездигерд, это знали. Такая преданность могла объясняться поистине сказочными вознаграждениями, но, вероятно, она имела более глубокую и тайную причину, которая была известна Илдизу, но Ездигерду старый король не успел о ней рассказать.



Ездигерд отошел от окна, через которое наблюдал яростные атаки морских волн на подножие непоколебимо стоящего черного утеса, на вершине которого гордо бросал вызов небу высокими шпилями королевский дворец. Радхар при приближении повелителя склонился еще ниже. Король дружески положил руку ему на плечо.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал?

Скорее, это был не вопрос, а утверждение. Радхар всегда все знал...

Шпион выпрямился и вздохнул:

— Догадываюсь, мой повелитель. Мунгане?

— Да, порази их Эрлик! Но почему ты вздыхаешь?

— Всякий раз, когда я слышу о них, у меня становится тяжело на душе. В самом сердце Турана, недалеко от столицы, ваши поданные смеются над законами своего повелителя!

— Ну, Радхар, ты выдаешь желаемое за действительное, мунгане не являются ничьими поданными, хотя и живут на моих землях. Это сброд со всех сторон света: беглые рабы, бродяги, бандиты и воры. Лет пятьдесят назад они появились на южном берегу Вилайета, а сейчас расплодись, как мухи. Ни один караван не может считать себя в безопасности, проходя по южному берегу моря, так же как ни один корабль, если он плывет без эскорта: пираты Вилайета — мерзавцы из той же породы, что и мунгане, и часто выступают с ними заодно. Торговля на главных караванных путях Империи почти прекратилась. Казна терпит убытки. Хоарезм в осаде, а



это главный порт на южном берегу. До недавнего времени меня эти бандиты не беспокоили, — продолжал Ездигерд, подводя Радхара к низкому столику, на котором безмолвные, скользящие, как тени, обнаженные рабыни приготовили легкий, но изысканный ужин. Радхар подметил, что сегодня это были белокожие золотоволосые уроженки Запада, и был тронут: Ездигерда, зная о вкусах гостя, постарался доставить ему удовольствие. Между тем, монарх продолжал: — Несмотря на их многочисленность, грызня между шайками давала возможность купцам дышать свободно. Но не так давно у них появился вождь, сумевший объединить их под своим началом и договориться с пиратами, словом, создать целую армию из отпетых злодеев. А это уже война — настоящая война. Мириться дальше с этим не возможно. Ты знаешь, о ком я говорю?

Радхар кивнул.

— Конан.

— Да падет проклятье на его голову! — Ездигерд побагровел, огромные кулаки сжали со страшной силой серебряный кубок, сминая металл, как глину. — Не могу слышать этого имени! Но приходится. Ты его знаешь?

— Я с ним достаточно хорошо знаком, хотя мы и не встречались. И сомневаюсь, чтобы он слышал обо мне. Таких людей, как этот киммериец, нужно постоянно держать на виду.

— Отчего это? Грязный разбойник...

— Этот грязный разбойник — великий герой, — мягко перебил короля Радхар. — Только неза-



урядный человек смог бы подчинить себе диких мунган. А они не те люди, которые охотно сажают себе на шею всякого проходимца. Вам известно, мой повелитель, что Конан одно время служил вашему отцу и проявил чудеса храбрости, дойдя от простого наемника до сотника королевской гвардии.

— А что еще? — проявляя явный интерес, спросил Ездигерд.

— Многое, очень многое. Варвар молод, кровь еще бурлит, его бросает по всему миру от Киммерии до Кхитая и от Асгарда до Стигии. Натура же его такова, что о паломничествах говорить не приходится. Сотни поединков, стычек, схваток, сражений! И всюду он побеждает. Можно сказать, что ему просто везет, но и это немало. Быть везучим, значит быть любимцем богов.

Ездигерд устался на Радхара далеко не восхищенным взглядом. Тот мгновенно понял, что несколько перестарался, и поспешил исправиться:

— Тем не менее, он — наш враг, и должен погибнуть.

Глаза Ездигерда смягчились.

— У тебя уже есть план?

— Сегодня ночью я долго думал над этим. Конан хитер и осторожен, у него поистине варварское чутье на предательство и опасность. Сколько ни старались его заманить в ловушку, дело кончалось провалом. Последний раз это пытался сделать Джихангир Ага, наместник Хоарезма, человек, не лишенный фантазии. Он был близок к



успеху... Но и ему боги не улыбнулись — вмешались какие-то магические силы, и Конан вновь ускользнул.

— Ты знаешь эту историю?

— В общих чертах. Я говорил с Газнови, которого ты, мой повелитель, после смерти Джихангира бросил в одну из темниц Аграпура.

— А как ты туда попал? — Пораженный, Ездигерд откинулся на мягкий валик лежанки и изумленно посмотрел на Радхара.

— Это было не очень сложно. У меня есть кое-какой опыт в подобных делах.

— Сегодня же казнь начальника тюрьмы, — не задумываясь, пообещал Ездигерд.

— Как будет угодно вашему величеству.

— Но мы отвлеклись. Продолжай.

— Думаю, что я достаточно хорошо понимаю характер Конана. Он по-своему честен и уважает людей, подобных себе, даже если они его враги. А если он встретит друга, похожего на себя?

— Так-так, — Ездигерд медленно кивнул. — Кажется, я понимаю.

— План мой прост, но для его исполнения нужно время. И еще нужны люди, на которых я мог бы положиться, как на себя самого.

— Таких нет, — с чувством уверенности произнес Ездигерд.

— Найдутся, — с той же уверенностью ответил Радхар. Галаза его блестела. Он уже полностью был захвачен своим планом, вступил в игру, которая целиком овладела его мыслями. — Из них я организую славную шайку! Твои солдаты со-



бьются с ног, преследуя меня, а мое имя купцы будут поминать с тем же страхом, что и имя Конана.

* * *

— Конан!

— Арапша!

— Киммерийский пес!

— Гирканская свинья!

В лучах заходящего солнца навстречу друг другу сверкнули две молнии, скрестились и с лязгом разошлись, чтобы в следующий миг, описав стремительную дугу, скреститься снова.

Люди, стоящие друг против друга, несмотря на свою ярость и гнев, были слишком искусны в игре клинков, и первая схватка окончилась бескровно. Неизвестно, как завершилась бы вторая, не помешай продолжению поединка невысокий худощавый человек, ужом проскользнувший между дерущимися. Смертельные удары с двух сторон обрушились на него одновременно.

У толпившихся вокруг разбойников, опешивших от неожиданности, при виде этого вырвался громкий крик.

Казалось, безумец, вклинившийся между двумя схватившимися не на жизнь, а на смерть врагами, сейчас будет разрублен на куски. Но невысокий человек каким-то непостижимым образом успел подставить под удары свою саблю. Три клинка сплелись, будто змеи в одном клубке, и не успели зрители перевести дух, как сабля гирканца вырванная из его руки, взвилась вверх и,



описав широкую дугу, воткнулась в мягкую, podatливую землю.

Арапша потеряв равновесие, сделал два неверных шага, запнулся и сел, растерянно моргая.

Его могучего противника, киммерийца Конана, тоже повело вбок, но варвар устоял на ногах и не выпустил из рук оружия. Через миг острие клинка его сабли вновь поднялось, целясь в лицо незваному миротворцу. Синие глаза Конана потемнели от гнева. Крик ужаса сменился воплями восторга. Мунгане немного ценили в своей жизни, да и сама жизнь в их глазах мало чего стоила, но истинное мастерство всегда в почете. Сейчас отчаянные рубаки, родившиеся на коне и с саблей в руке, увидели такое, чего раньше им видеть не доводилось, и бурно приветствовали человека, подарившего им прекраснейшее, по их понятиям, зрелище.

Радхар с размаху воткнул саблю в землю и поднял руку. Клинок в руке Конан дрогнул, но не опустился. Радхар ждал.

Крики разбойников стихли, все затаили дыхание. Киммериец, хмуря брови, медленно опустил свой клинок.

— Не стоило тебе вмешиваться, — медленно, с видимым спокойствием, произнес киммериец. — Или ты не знаешь обычая? Там, где сошлись в поединке двое, третьему делать нечего!

— Я знаю этот мудрый обычай, принятый во всем мире у честных людей, — так же спокойно ответил Радхар, по прозвищу Серый — знаменитый на всю степь грабитель, предводитель не-



большой, но необычайно дерзкой шайки разбойников, вот уже несколько лун не дававшей покоя ни купцам, ни жителям окрестных поселений, ни королевским войскам, которые гонялись за ним по всей степи и ненавидели Радхара не меньше самого Конана. За тем, по крайней мере, гоняться было не надо. Туранцы знали, в каких местах обитает армия мунган, и туда не совались, так как силенок у наместника Хоарезма не хватало. Ждали, пока Конан появится сам, и защищались, как могли. А у Серого было мало людей, но жалоб на него поступало слишком много. Приказ наместника был короток и ясен! Несколько отборных отрядов только тем и занимались, что гонялись за Радхаром по заболоченным лесам, и по песчаным барханам, высунув языки, но шайка оставалась неуловимой.

До сих пор Серый действовал на свой страх и риск, не ища связи с мунганами, пока неожиданно не столкнулся с их отрядом на границе степи и болот на южном берегу Вилайета, недалеко от устья Запорожки.

Недоверие, с которым мунгане отнеслись к незнакомому отряду, быстро рассеялось, едва только узнали, кто находится перед ними. С их точки зрения, Радхар был героем — не таким, конечно, как Конан, но весьма и весьма уважаемым человеком.

А Конан был недалеко — полдня пути через джунгли. «Вы, добрые люди, вообще, куда едете? Задумали дело?» «Да нет, собственно говоря, просто один настырный сотник со своими шакала-



ми на пятки наступает, вот мы и подались к лесу.» «Поехали тогда с нами! Конан будет рад с тобой встретиться, Серый.» «Ну, а почему бы и нет? Но этот сотник.» «Ах, сотник! Ну, это ерунда, сейчас мы с ним разберемся!»

И с сотником разобрались. Ничто так не сближает, как славная драка, тем более, если она победоносна. К Конану направлялся уже единый отряд, в котором вперемышку ехали и мунганы, и люди Радхара.

Конан встретил степную знаменитость по-дружески. Хотя к любопытству поначалу примешивалась изрядная доля настороженности, что было обычно для киммерийца, но Радхар держался просто, спокойно, без хвастовства, обычного среди удачливых вожakov. К Конану он отнесся с искренним восхищением, хотя и держался с ним на равных.

Но Радхар был не настолько глуп, чтобы не понимать, что в одном месте двух равных вождей быть не может. Обычно это чревато неприятностями для одного из них. Поэтому он очень тонко, очень осторожно и очень естественно несколько раз, оглядывая пестрое воинство Конана, ронял фразы, вроде: «Да, большую силу ты собрал, Конан! Как это тебе удалось? Я-то своих людей еле в узде держу...». «Это еще не все войско», — довольно ухмылялся северянин.

Все шло великолепно, пока киммериец нос к носу не столкнулся с Арапшей, которого отлично знал еще по службе у Илдиза. С тех времен у них оставался невыясненным один спорный воп-



рос, разрешить который они только что и попытались. Стычка была спланирована Радхаром заранее, так же как и его собственный эффектный выход, отработанный сотни раз за последний месяц. Тщательно продуманы были и слова, которые Радхар собирался сейчас сказать. Вопрос Конана он предвидел, и его ответ последовал незамедлительно:

— Конечно, я знаю этот обычай, — повторил Радхар. — И прошу прощения, что невольно нарушил его.

— Невольно? — переспросил Конан. Лицо киммерийца было хмурым, происходящее ему явно не нравилось.

А на место несостоявшегося поединка уже сбегались разбойники со всего лагеря. Не прошло и пяти минут, как Радхар, Арапша и Конан оказались окруженными плотным кольцом пестро одетых и разнообразно вооруженных людей, которые неистово галдели. Лица вокруг, не были ни агрессивными, ни злобными. На большинстве из них читалось лишь любопытство. Подобные схватки здесь не были редкостью, хотя насмерть бились не часто, как ни странно для столь необузданного общества, обычно удовлетворялись первой кровью, после чего победитель и побежденный вместе с многочисленными друзьями отправлялись пить хмельную, выдержанную брагу.

Радхару все это было отлично известно. Сглядывая туранского правителя рассчитывал на поединок с Конаном именно до первой крови. Схватка была ему нужна, чтобы укрепить свое



положение среди мунган, и, кроме того, Радхара одолевало могучее желание, азарт, который опытный и хладнокровный шпион пытался подавить, но без особого успеха. Так охотник на тигров, который выходил победителем тысячу раз и привык относиться к этим страшным зверям как к безобидным овцам, выходит один на один с самым крупным, самым сильным тигром, и внезапно испытывает давно забытое возбуждение.

Но сначала нужно было объясниться с киммерийцем.

— Ты прав, Конан,— со вздохом согласился Радхар.— Конечно, я необдуманно бросился между вами, но я не мог поступить иначе. Арапша — мой человек, и я отвечаю за него так же, как и ты отвечаешь за любого из своих людей.

— Мне не нужна нянька! — крикнул Арапша. Туранец уже подобрал свою саблю и стоял рядом с Радхаром с искаженным от ненависти лицом.— Отойди в сторону, Серый, дай нам закончить этот спор.

— Заткнись,— негромко, но внятно произнес Радхар.

Арапша замолчал, но по его лицу было видно, чего это ему стоило. Грудь туранца бурно вздымалась и опускалась от едва сдерживаемых чувств. «Не переиграл бы»,— с легким беспокойством подумал Радхар и вновь обратился к Конану.

— Разве ты не согласен со мной? Если заставит нужда, то ты будешь за любого из своих людей драться, не щадя себя, верно?



— Верно,— кивнул киммериец,— но мне и в голову не придет разнимать их, если это не угрожает общему делу. Тут Арапша прав — он уже вышел из того возраста, когда ему нужна нянька.

— Арапша горд,— тихо ответил Радхар,— не останови я его, он бы дрался с тобой и неминуемо погиб!

— Может быть, но такова, значит, судьба, уготованная ему вашим Эрликом! — Конан начал злиться всерьез.— Отойди, дружище Радхар, не лезь не в свое дело!

— Арапша, сними куртку! — приказал Радхар, обращаясь к бывшему гвардейцу. Арапша в замешательстве отступил на шаг.

— Но, Серый...

— Сними куртку! — В голосе Радхара, обычно мягком и спокойном, зазвенела сталь. Арапша закусил губу и, не пытаясь больше спорить, левой рукой принялся распускать шнуровку короткой кожаной куртки без рукавов. В правой руке он по-прежнему сжимал саблю.

— Оставь ты свою железку! — рявкнул Радхар, теряя терпение.— Шевелись!

Арапша со злостью вогнал клинок в землю, как незадолго до этого поступил сам Радхар, и двумя руками рванул полы куртки.

Мунгане взволнованно загудели, Конан насунил брови и покачал головой. Чуть ли не через весь живот, почти до паха тянулся багровый шрам, едва зарубцевавшийся. Тонкая струйка крови медленно сбегала вниз, и полотняный пояс



его широких шелковых штанов уже изрядно намок. Арапша, бледный как саван, стоял закусив губу и смотрел куда-то поверх голов Радхара и Конана.

«Отлично,— удовлетворенно подумал Радхар,— он играет лучше любого мима в Аграпуре. Недаром я столько времени его натаскивал.»

Шрам на животе Радхар сделал Арапше сам. С точностью, которой позавидовал бы любой лекарь, одним взмахом кривого серповидного ножа снизу вверх, так чтобы не повредить брюшину. Разрез получился болезненный, но неглубокий. Он еще долго колдовал, чтобы придать шраму более ужасный вид, и только после этого наложил швы. Арапша во время операции стонал, но вел себя достаточно сносно, и Радхар остался им доволен. Выждав два дня, он выехал в направлении лагеря Конана. Обреченная сотня лучников Хоарезма, якобы предупрежденная некими доброхотами о маршруте Серого, почти настигла его. Радхар знал, где он встретит отряд мунган, и знал, что они не оставят его в беде. Знал он и о том, что ждет хоарезмийцев. Что ж, такова их судьба, как любит повторять киммериец.

А Конан в это время уже вкладывал саблю в ножны.

— Что ж, придется подождать,— почти равнодушно бросил он.— Пока рана не заживет.

Разбойники загладели, явно одобряя слова своего вожака. Губы Арапши искривились, словно он собирался сказать что-то оскорбительное, но взгляд Радхара остановил его.



— Хорошо,— только и сказал он, набросив на плечи куртку.

— Как это его угораздило? — спросил Конан, кивнув на Арапшу.

— Юэвши,— коротко ответил Радхар.

— Да ну? — удивился Конан.— Рыбаки — народ безобидный, их ничто, кроме рыбы, не интересует. Сказать по чести, кажется, что думать о чем-то другом у них просто мозгов не хватает. Что Арапша с ними не поделил?

— Женщину,— так же коротко бросил в ответ Радхар.— Послушай, Конан, если ты раздосадован тем, что Арапша не может драться с тобой, то я...

Серый замолчал, видя что киммериец его совсем не слушает. Северянин сложился пополам в приступе хохота. Смеялись и стоявшие поблизости мунгане, слышавшие его слова.

— О, Кром! — Конан вытер слезы, выступившие от смеха.— Хотел бы я посмотреть, как Арапша забавляется с одной из этих... этих...

Не найдя подходящего слова, Конан махнул рукой и снова захохотал.

Радхар нахмурился и осмотрел гогочущую толпу, толком не зная, что ему делать. Во всяком случае, мечте о поединке с Конаном пока суждено оставаться только мечтой.

Первая кровь должна стать и последней! Сейчас надо думать и думать очень быстро, что он сказал не так.

Шпион не дожил бы до своих лет, если бы не умел мгновенно соображать. Он вспомнил, как



выглядят женщины юэтши и понял, что так развеселило варвара.

Радхар вынужденно усмехнулся и развел руками:

— Последнее время мы сильно скучали по женщинам. Арапше воздержание давалось тяжелее, чем остальным, ну, а когда он совсем взбесился, то ему было уже все равно на кого бросаться — на юэтши или кобылу.

— Клянусь своим клинком, Арапша, я тебя зауважал! — воскликнул Конан. — Но по мне, так лучше кобыла!

Новый взрыв хохота был ответом на грубую шутку северянина. Радхар с беспокойством искал глазами Арапшу, опасаясь, что озлившийся на насмешки туранец выдаст его неосторожным движением, но Арапша уже скрылся в стане.

Конан хлопнул шпиона по спине.

— Пойдем, дружище Радхар! От смеха в горле пересохло, словно я неделю скакал по пустыне. Ну, надо же, юэтши! В вонючих шкурах, пропахших рыбой, грязь слоями отваливается, а все равно кожи не видно... Клянусь Четырьмя Стихиями, даже Деркэто не соблазнила бы меня, если бы я вдруг узнал, что она с юэтши в родстве!

Слова были произнесены, и порой одно неосторожное слово может круто изменить судьбу многих людей и целого королевства.

* * *

Радхар получил-таки, чего хотел: сошелся с Конаном один на один и дрался с ним какое-то



время. Никакого удовлетворения он от этого поединка не получил, ибо был наполовину пьян, несмотря на специально заговоренный против пьянства перстень, который он не забыл повернуть камнем вниз после первой же чаши, как полагалось. Слабым утешением служило сознание того, что без этого талисмана он бы уже валялся без памяти, как многие из воинства Конана и, без сомнения, все или почти все его люди, для которых магических перстней не предусматривалось.

Но для себя Радхар понял, что киммериец, на котором почти не сказалось невероятное количество выпитого, не тот противник, с кем можно биться с пьяных глаз. Царапина на левом плече и распоротая штанина Радхара говорили об этом яснее ясного.

Не утешало даже то, что ярко-красная туника северянина приобрела три новые дырки, которые не сделали ее красивее. Что толку — ни один удар шпиона даже не оцарапал варвару кожу.

Но мунгане были в восторге от поединка. От их воплей звенело в ушах, тут и там, воодушевленные примером своих вождей, отчаянные головы выхватывали сабли и сходились в лихой рубке. Иные просто начинали бороться, а кое-кто решил попробовать свои силы в кулачном бою. Кто-то пустился в пляс под дикое уханье и пронзительные крики.

От дальних костров слышались заунывные, тянущие душу, завывания.



Разбойники гуляли. Трудно представить себе более живописное и вместе с тем более грозное зрелище.

Лагерь Конана располагался на окраине леса недалеко от берега моря, и иногда можно было расслышать отдаленный шум прибоя. Ночные джунгли были полны звуков: крики птиц, болтовня обезьян, грозный рык вышедшего на охоту хищника, хохот гиен и тоскливый вой шакалов создавали свою неповторимую, вечную, как сама жизнь, музыку, которая грубо заглушалась нестройным пением и пьяным хохотом сотен людей.

Звери, выходившие на свои тропы, огибали лагерь стороной — шум раздражал их, но не пугал. Лес был их царством — диким, таинственным, где все подчинялось извечным законам природы. Двуногие считают себя выше этих законов. Они исчезнут, а лес, море и степь останутся. И через миллионы лет птицы будут порхать с ветки на ветку и петь свои песни, а пожиратели падали все также будут тащиться за грозным хищником в надежде на наживу. Где тогда будет человек?

Толпа, веселящаяся в лагере, и не думала вслушиваться в ночную жизнь леса. Кто еще держался на ногах, шумели за себя и за своих спящих товарищей.

Непроглядная темень тропической ночи бесильно отступала перед светом многочисленных костров. В их отблесках мелькали самые пестрые одеяния в мире: разноцветные головные платки,



золоченые шлемы, позаимствованные у туранских гвардейцев, широкополые аквилонские шляпы, причудливые головные уборы из перьев, обычные для пиктов и жителей черных королевств далекого юга, но чудно и дико выглядящие над их хайборийскими физиономиями. Куртки, халаты, длиннополые кафтаны, блестящие кольчуги, рубахи и туники самых ярких расцветок, короткие узкие штаны запада, широченные восточные шаровары и набедренные повязки.

Но было одно, что объединяло эту разношерстную толпу — оружие. Обычное, излюбленное оружие мунган — кривая сабля, но нередко можно было увидеть прямые мечи, обычные для закатных стран, и боевые секиры самых разнообразных форм. В дополнение к этому каждый разбойник в соответствии со своим вкусом имел нож, реже кинжал, обычный или метательный, стилет, тесак, топор — всего и не перечесть. И редко какой солдат регулярной армии владел с таким искусством своим оружием, как мунгане своим излюбленным, порой весьма экзотическим. Что до сабли или меча, то ими учились владеть еще с младенческих лет. Мунганские стрелки из лука смеялись над знаменитыми хоарезмскими лучниками и называли их недоучками.

Да, эта армия была сильна, но было у нее и слабое место: отсутствие дисциплины и неумение сражаться в строю. В чистом поле мунгане не выдерживали навязанного правильного боя и обращались в бегство, даже если силы сторон были равны. Понятно, что степные волки пред-



почитали дерзкие лихие налеты и нападения из засад.

Так было, пока не пришел Конан.

Радхар изо всех сил пытался поддерживать разговор с киммерийцем, хотя давалось это нелегко. Мысли шпиона, обычно четкие, острые, как лезвие его сабли, сейчас лениво ворочались у него в голове, возникая без всякой связи, и исчезая прежде, чем он успевал их додумать.

А Конан, был очень рад, что встретил человека, способного пить с ним наравне и говорил, говорил... Много спрашивал, и Радхар каждый раз с мучительным усилием взвешивал свой ответ, прежде чем открыть рот. К счастью для шпиона, Конан не всегда внимательно его слушал.

Киммериец скинул с себя тунику, попорченную клинком Радхара, и сидел напротив своего собеседника, обнаженный по пояс, огромный, подобно легендарным великанам. Тело его, несмотря на чудовищную величину мышц, тем не менее не производило впечатление бесформенной туши, как это часто бывает у крупных людей. Наоборот, каждый мускул был словно высечен резцом искуснейшего мастера, а в совокупности они являли собой великолепный тип могучего тела, изящного, несмотря на свои размеры.

Впечатление неповоротливости, впрочем, сразу исчезало, стоило только варвару начать двигаться. Пластика движений у киммерийца была такова, что ей могли позавидовать лучшие танцовщицы Агранура, а скорости и реакции — сам



Радхар, лучший клинок Турана. Он и завидовал. И восхищался. И жалел, что ему придется убить киммерийца.

План Радхара сработал безотказно. Серый предусмотрел все. Его репутация позволила ему с триумфом въехать в лагерь Конана.

Эпизод с Арапшей еще более укрепил позицию. Поединок с варваром поднял его авторитет почти вровень с авторитетом самого Конана. Сегодняшняя разгульная ночь давала ему возможность послать гонца к отборным трем тысячам туранских всадников, скрывавшимся неподалеку от лагеря, тихо прикончить Конана и начать резню перепившихся мунган, лишенных своего вожака.

Его людям был дан приказ воздерживаться и не позволять себе лишнего...

Единственное, чего не мог учесть Радхар, так это размеров разгула.

«Ничего,— думал он, чувствуя, что свинцовая голова предательски клонится на грудь, а глаза безудержно слипаются.— Не удалось сегодня, получится завтра. Завтра,— засыпая, думал шпион.— Завтра... ни капли. Ни глотка.»

Назавтра гулянье продолжилось.

Был день смены дозорных. Часть разбойников, позволивших себе с утра лишь по две кружки браги сели на коней и исчезли в лесу. А к обеду вернулись те, которых они сменили и, страдая от жажды, потребовали свою долю хмельного. Первую чашу поднимали за возвращение, вторую за знакомство... и так пошло поехало...



Остаток дня Радхар еще как-то держался, а когда стемнело, он, случайно оторвав затуманенный взгляд от костра, увидел на небе две луны и подумал, что перстень-талисман, не стоит потраченных на него денег. Это была последняя его мысль, после чего в памяти наступил полный провал.

Наутро Конану вздумалось допытывать у Радхара, какие у него планы на будущее. Планы? У Радхара было придумано множество планов, один другого лучше, специально для этого разговора. Но сейчас он бессмысленно смотрел на киммерийца непонимающими глазами и никак не мог взять в толк, чего от него добиваются. Наконец он разжал губы:

— Дайте... воды!

Конан с сожалением посмотрел на знаменитого вожака неуловимой бандитской шайки и, с легким презрением поведя могучими плечами, подтолкнул к Серому кувшин.

Только сделав несколько огромных глотков, Радхар уразумел, что в кувшине была совсем не вода.

Он стремительно бросился к выходу из шатра. Конан со вздохом разочарованно поглядел ему вслед и допил то, что еще оставалось в кувшине, достал листок пергамента с планом какого-то строения, и стал внимательно его изучать.

Тем временем гульба в стане мунган продолжалась. Разбойники, едва успев протереть глаза, начинали тревожно озиаться — неужели вчера все выпили? К огромному облегчению многих, тут



же выяснилось, что и сегодня будет, чем смочить глотку.

«Прекрасно,— думал Радхар, наблюдая картину просыпающегося лагеря.— Сегодня ночью их можно будет брать голыми руками, даже если они выхлебают в половину меньше вчерашнего. О, боги! Если бы Ездигерд знал, сколько раз он мог покончить с ними одним ударом, то давным-давно последний разбойник был бы посажен на кол в Хварезме. Остаются еще дозорные, но и тут не должно быть сбоя. Карабат свое дело знает.»

Карабатом звали командира отряда туранской конницы; который уже третьи сутки кормил со своими людьми москитов в болотах в семи-восьми лигах от лагеря Конана.

Радхар улыбнулся, с тайной гордостью подумав о том, как точно удалось ему определить местонахождение разбойничьего стана. Никакого колдовства, чистая работа мысли! Нужно совсем немного времени, чтобы добраться до Карбата, и еще меньше, чтобы туранцы очутились здесь и окружили лагерь. Значит, с восходом луны можно послать гонца, а на рассвете Ездигерд избавится наконец, от головной боли, которую ему доставляет Конан со своими бандитами.

Побродив по лагерю и переговорив со своими людьми, Радхар вернулся в шатер киммерийца. Одного взгляда, брошенного на план, над которым склонился варвар, шпиону хватило, чтобы понять, что задумал северянин. Конан остроглянул на Серого, машинально прикрывая чертеж



рукой, но после короткого раздумья, протянул ему пергамент.

— Взгляни, друг Радхар. Что на это скажешь?

С деланным безразличием Радхар взял протянутый ему листок.

— Сильная крепость, хотя и небольшая, — равнодушно бросил он. — Собираешься штурмовать?

Равнодушный тон дался Радхару нелегко. Перед ним лежал подробнейший план форта Дугари, но суть была не в плане и не в форте, как таковом. Недавно, в большой тайне, в эту отдаленную от столичной суеты крепость на границе со степью привезли огромную сумму денег, большую часть в золотых новеньких монетах с профилем Ездигерда. Деньги предназначались в для выплаты жалованья солдатам. Обычно в таких случаях казну везли прямо в Хоарезм в сопровождении целой армии. Но на этот раз почему-то сделали крюк, да еще какой, и к тому же задержали ценный груз в пограничном форте, отослав обратно в Аграпур значительную часть конвоя.

И Конан успел об этом узнать!.. Когда? Тут Радхару пришло в голову, что все его тщательно разработанные планы, которыми он так гордился, весь его многодневный труд над картами, на которых он вычерчивал паутину линий, чтобы с достоверностью определить, где появится киммериец, все это было впустую. Несложно было догадаться, что Конан узнает о золоте в форте и стянет свою армию поближе к нему. Почему-то Радхару такое решение и в голову не пришло.



Шпион понял, что только по чистой случайности его встреча с киммерийцем состоялась. Это был такой удар по профессиональной гордости, что ему захотелось напиться.

— Да, — кивнул Конан. — Это форт Дугари.

— А! — с тоской произнес Радхар, но мозг его продолжал работать, лихорадочно соображая, как дальше себя вести. И тут его осенило! — Так, значит... — медленно произнес он, небрежно отбрасывая пергамент. — Значит, ты узнал?..

Прищуренные глаза Серого вонзились в варвара, как два илбарских кинжала, на скулах заходили желваки.

— Узнал — что? — усмехнулся Конан.

— Послушай, Конан, форт Дугари чуть ли не единственное место во всей округе, где туранцы могут нас не бояться. Там происходит обмен пленных, платят выкупы и свозятся налоги со всех приморских земель. Форт нужен всем! Найди мне вескую причину, чтобы брать его штурмом.

— Мне кажется, что ты ее знаешь, — с усмешкой бросил северянин.

— Знаю. Как и ты. — Радхар растянул губы в загадочной ухмылке.

Взгляд синих глаз киммерийца оставался насмешливым, карие глаза туранца смотрели зловеще, но на его лице ясно читалось разочарование.

— Брось, друг! — он хлопнул Серого по плечу. — Там всем хватит.

— Откуда ты узнал? — по-прежнему хмурясь, спросил Радхар.



— У меня надежные сведения,— уклончиво ответил киммериец и засмеялся.— Забавно, если выяснится, что и ты пользовался тем же источником, что и я.

«Сомневаюсь,— подумал шпион. Ему это было известно от самого Ездигерда»

Вслух же добавил:

— Я планировал напасть на форт на следующий день после нашей встречи. Но не получилось, как видишь. Возможно, золота в форте уже нет.

— Оно там,— успокоил его северянин, сверкнув белозубой улыбкой.— И будет там еще три дня. Успеем.

Радхар мигнул раз, потом другой. Все это сильно пахло колдовством, если только киммерийцу не выдал тайну главный казначей королевства. Ну, и полетят же головы, когда Ездигерт об этом узнает.

— А как ты со своей сотней собирался брать штурмом Дугари? — спросил Конан.— Ты храбрец, я знаю и люди твои — хорошие бойцы, но ведь вы не сумасшедшие, верно? На что ты рассчитывал?

— Вот на это! — Радхар похлопал себя по лбу.— Прежде всего, на свою голову, друг. А кроме того, со мной сейчас не все люди. У меня еще около трех сотен в разных местах, но я решил проникнуть в форт, имея всего пятьдесят человек. План, который придумал я, не требовал присутствия большой силы... сейчас я, конечно, пошлю гонцов, пусть остальные подтягиваются. Если бу-



дем брать форт штурмом, то каждая сабля пригодится.

— Да, конечно,— кивнул Конан.— Но погоди! Расскажи мне о своем плане. Если можно обойтись меньшими силами, то зачем зря класть головы?

Радхар глубоко вздохнул. Он выиграл: гонца можно посылать в открытую, не боясь дозоров, пора Карбату затягивать петлю на горле проклятых разбойников.

Все дело упростилось до смешного. А что касается Конана, то величайшему шпиону Империи ничего не стоило за несколько мгновений придумать вполне правдоподобный ответ.

— Подземный ход,— коротко бросил Серый и залпом осушил кубок, стоявший на столе. Язык и небо, почти потерявшие чувствительность, тем не менее не подвели: в кувшине находилось прекрасное аквилонское вино. Шпион изумленно уставился на дно сосуда.

— Слезы Деркэто! — воскликнул он, не в силах сдержаться.— Конан, это вино надо смаковать, а не пить как воду!

— Да, вино неплохое,— согласился киммериец.— Но давай ближе к подземному ходу.

Радхар взял пергамент, и несколькими уверенными штрихами обозначил то, чего на самом деле не было и в помине. Окрестности Дугари он знал, как свою бороду, поэтому, недолго думая, выбрал направление, с его точки зрения, наименее подозрительное. У него не было причины считать, что киммериец знает местность хуже,



поэтому он не колебался и поместил начало подземного хода туда, где сама природа позаботилась о его потаенности.

— Здесь скалы, настоящий каменный лабиринт. Вход в подземелье — просто трещина в гранитной стене, к тому же скрытая давним обвалом. Кто не знает — никогда не найдет. Туннель узкий, лошадей не провести, так что придется лиги полторы идти пешком. А вот, где находится выход, этого даже я не скажу. Знаю только, что за стеной форта, но где именно...

Серый развел руками.

— Это ничего, вылезем, а там разберемся, — бодро ответил Конан. Синие глаза северянина горели азартом. — Клянусь Кромом, приятель, сама судьба свела нас с тобой!

Радхар мрачно улыбнулся. «Как любят варвары все списывать на судьбу, — подумал он. — Если бы не приказ Ездигерда и не мой тщательно разработанный план, то мы бы с тобой никогда не встретились, киммериец. Во всяком случае, не при таких обстоятельствах. Нет, друг Конан, на этот раз судьба здесь не причем.»

Вскоре Радхар покинул шатер северянина. Конан же еще долго сидел, задумавшись над куском пергамента, а потом с легким сердцем лег спать.

* * *

Он проснулся внезапно, как от толчка, мгновенно овладевая мыслями и чувствами. Способ-



ность спать по-звериному чутко не раз выручала его. Здесь кто-то рядом был.

Ладонь киммерийца сжала рукоять сабли, с которой он не расставался даже в постели. Чуть приоткрыв глаза, Конан быстро осмотрелся вокруг. В шатре явно не хватало света, несмотря на то, что в жаровне еще тлели угли.

Варвар, видевший в темноте как кошка, смог различить в почти абсолютном мраке лишь неясную тень от центрального столба, поддерживающего свод шатра. Собственно говоря, в палатке больше ничего и не было: ели и спали на полу, на дорогих коврах, с которыми пришлось расстаться какому-то вендийскому купцу. Походный сундучок, в котором хранилась войсковая казна и личные вещи Конана, стоял в изголовье.

Конан никак не мог понять, что же его разбудило. Стояла ночь, лагерь спал.

Утомленные пьянством разбойники сегодня рано утомонились, понимая, что нужно набраться сил перед грядущими событиями. Издалека донесся крик дозорного, потом приглушенный расстоянием смех.

Все было спокойно, но Конан привык доверять своим чувствам. Поэтому он лежал, не шевелясь, с виду крепко спящий, в действительности же в любой миг готовый к действию.

Вдруг он насторожился. Легкое движение, как полет паутинки, и такое же бесшумное. Чья-то невесомая тень скользнула к выходу из шатра. Через мгновение Конан был на ногах. Клинок коротко свистнул во тьме. Конан, повинуясь нео-



жиданному порыву, в последний момент решил не наносить смертельного удара. Ночному гостю, кем бы тот ни был, сказочно повезло — на таком расстоянии киммериец никогда не промахивался. Одновременно варвар пихнул ногой на еще рдевшие угли лежавший рядом пук хвороста, сразу же вспыхнувшего с веселым треском.

— Кром! — изумленно выдохнул киммериец, увидев того, кто незваным проник в его палатку.

Прищурившись от неожиданного света, на расстоянии вытянутой руки от него, замерла женщина, облаченная в свободный черный плащ с капюшоном.

Увидев ее, Конан даже не подумал о том, кто она и как смогла проникнуть в сюда, минуя стражу на входе, как прошла через лагерь. Он даже не задался вопросом о том, что эта красавица, делает здесь.

Обычно Конан не терял так легко голову при виде стройной женской фигуры и прекрасного лица, но сейчас он был просто повержен неземной красотой своей гостьи. Женщина медленно опустила руку. Складки плаща дрогнули, открывая взору варвара то, что было скрыто под тонкой тканью — на короткий, но вполне достаточный миг, для того, чтобы кровь бросилась ему в лицо, а сердце часто-часто забилось. Под плащом больше не было ничего, и восхитительная белизна ее тела чуть не свела киммерийца его с ума.

— Кажется, я тебя напугала? — произнесла она приятным бархатным голосом.



Конан не обратил на слова внимания. Женщина и не ждала ответа, смотрела на варвара лукаво с нескрываемым любопытством. Губы ее тронула легкая усмешка, ясно говорящая: «И что ты теперь будешь делать?». Отстранено, будто и не он вовсе, а кто-то чужой и очень далекий, Конан понимал, что его заманивают. Но сейчас это не имело значения. Иногда рассудок вынужден уступить место чувствам, переполняющим человеческую душу. Порой бывало такое и с Конаном, но никогда еще желание обладать женщиной не было таким сильным. И варвар, отбросив саблю, прыгнул.

Женщина легко, даже слишком легко, ускользнула от тигриного прыжка могучего северянина, чья ловкость и стремительность не уступали его силе. Серебром зазвенел ее тихий смех.

— Ах ты... зверь! Хорошо! Но сначала поймай меня!

Словно порывом ветра отогнуло полог шатра, и чаровница выскользнула в серебристую ночь. Конан бросился следом.

Часовые у входа, спали. Этого просто не могло быть! Но Конан ничего не замечал, и тревога по поводу столь вопиющего нарушения дисциплины, которую он насаждал среди гордых и независимых мунган, не коснулась его сердца. Не видя ничего, кроме призрачно скользившей впереди фигуры в развивающемся черном плаще, он бросился в погоню.

Киммериец будто обезумел. Догнать, догнать — больше он думать не мог ни о чем. Стреми-



тельный бег несколько не охладил его пыла, даже наоборот, еще больше разжег огонь в крови. Очень скоро беглянка исчезла в зарослях.

Перед черной стеной джунглей Конан ни на миг не остановился, врезался в нее, как разъяренный тур, с треском ломая ветки и сучья, зацепился за предательский корень и упал. Рядом раздался серебряный смех. Варвар мгновенно вскочил, рыча, словно раненый зверь. Пальцы вцепились в мягкую ткань плаща.

— Ага! — ликующе крикнул он, но с непостижимой грацией женщина выскользнула из одежды и снова побежала, легко, вроде бы и не слишком быстро, словно дразня, остолбеневшего от вида заблестевшего в лунном свете обнаженного тела женщины.

Впрочем, замешательство его длилось недолго. Отбросив бесполезный плащ, он ринулся за ускользающей добычей.

Джунгли, залитые мертвенным светом полной луны, тихий шелест ласкаемых легким ночным бризом листьев, нестройный хор ночных птиц, отдаленный рокот прибоя, дурманивший аромат тропических цветов и запах водорослей, такой густой, что у непривычного человека начинала кружиться голова.

Страсть. Звериные инстинкты. Необузданные желания.

Одежда Конану не мешала. Времени одеваться, после внезапного пробуждения у него просто не было. В одной набедренной повязке, босой, он не чувствовал ни ран от острых шипов, ни уку-



сов moskitov, которыми кишели приморские болота. Казалось, женщину эти мелочи и вовсе не беспокоили. Ее негромкий смех по-прежнему манил за собой. Она была близко, очень близко, но Конану никак не удавалось ее схватить. Это была уже не погоня, а сумасшедший бег, не разбирая дороги, напролом, сквозь колючий кустарник, через лужи с протухшей водой, по поваленным трухлявым стволам лесных исполинов. Женщина скользила впереди, почти не касаясь стопами земли, кружила между деревьев, будто танцуя. Ее серебристый смех доводил Конана до безумия. Огромный варвар, покрытый грязью и кровью, с всклокоченной гривой развевающихся по ветру волос, он напоминал безумного демона, вырвавшегося из преисподней. Киммериец дышал тяжело, пот заливал ему глаза, а девушка совсем не выглядела уставшей.

Он настиг ее на маленькой полянке, где рос мягкий, ласкающий кожу мох. Крохотный пятнышко, окруженный как часовыми, высокими деревьями. Стволы, лишённые у земли ветвей, были настолько светлыми, что в призрачном лунном свете казались отлитыми из серебра.

Конан поднял гибкое стройное тело на руки.

Тонкие трепетные, словно крылья руки незнакомки охватили его могучую шею, и жаркие губы впились в пересохший от бега рот варвара. Казалось, этому поцелую не будет конца. Не успевший отдышаться, Конан едва не задохнулся, но выдержал, не прервал эту сладостную пытку. С каждым мгновением горячие губы беглянки



вливали в его кровь новые силы страсти. Нежные руки девушки гладили и ласкали его шею, плечи и спину. Упругая грудь с шелковистой прозрачной кожей, касалась его исцарапанной, и покрытой грязью высоко вздымающейся груди. Огонь любви не превратил его мускулы в тесто. Сильные руки, легко ломавшие шею быку, страстно стиснули тонкое, казавшееся таким невесомым и хрупким тело. Бережно поддерживая девушку, Конан осторожно опустился на колени, целуя ее плечи и грудь...

— Зверь, мой необузданный, страстный зверь! Чего же ты еще ждешь?

Но варвар еще не совсем потерял рассудок. Что-то смутно его беспокоило, удерживая на грани, за которой его ожидало неземное блаженство, не испытанное ни одним смертным. Сквозь птичьи трели, и шорох ветра в листве Конан смутно уловил далекий конский топот, лошадиный храп и лязг оружия. Варвар чутко насторожился, прислушиваясь к тревожному гулу.

— Иди же ко мне! Ты это заслужил! — шептали горячие губы женщины.

Конан вдруг начал озиаться вокруг с совершенно безумным видом и краем глаза заметил неясное движение вдалеке, там, где край леса почти сливался с берегом моря и увиденное заставило его содрогнуться. Мгновением позже он стоял уже на ногах.

Женщина приподнялась, удивленно и гневно глядя на него полыхнувшими недобрым огнем глазами.



— Что с тобой? — нахмурившись, спросила она.

Кипящий яростью киммериец резко обернулся, но вдруг глаз его вновь уловил какое-то движение у горизонта. Конан застыл, напряженно всматриваясь в темноту. Сознание медленно прояснялось. Дурман, навеянный женскими чарами, неохотно отступал, и варвар постепенно стал приходить в себя. Прошло еще несколько долгих мгновений, прежде чем он, наконец, понял, что приковало его внимание.

С холма, единственного на много лиг вокруг, местность просматривалась далеко. Это было идеальное место для наблюдений, и пост тут, конечно был, вернее должен был быть, потому что дозорные как сквозь землю провалились. Но с этим он разберется чуть позже. Сейчас же его больше занимали неверные лунные блики, вспыхивающие на западе. Конан знал, что там шла старая дорога. Расстояние было слишком велико, чтобы уловить детали, и лунный свет не заменит солнечный, но опытный воин не мог ошибиться.

— Туранцы, — глухо произнес киммериец и медленно повернулся к женщине.

Выражение лица варвара заставило бы разбежаться целую армию. Ярость и боль плескались в его темно-синих глазах, сейчас казавшихся черными. Конан преобразился. От безумца охваченного страстью, не осталось следа.

Женщина, однако, даже не дрогнула. Вскочив с земли с легкостью и грацией дикой кошки, она приблизилась к варвару с искаженным от гнева лицом.



— Ты посмел оттолкнуть меня? — Резко вскинув голову, она бросила ему в лицо: — Не ставляй меня разочаровываться, киммериец! Пожалеешь!

Конан невольно отшатнулся, когда столкнулся с ее хищным взглядом. Снова необоримое желание обрушилось на него, и он грубо схватил ее за плечи. Она, закусив губы, смотрела ему прямо в глаза.

— Ну? — Голос ее прозвучал повелительно, но в нем слышалось и предостережение, и обещание.

— Там враги,— едва выдохнул варвар.

— Я не имею к ним отношения, если эта глупая мысль вдруг тебя посетила. И ты их можешь не опасаться, пока находишься рядом со мной.

— Мои люди...

Она медленно покачала головой.

— Ты со мной. Сейчас. Здесь.

Слова давили, как гранитные плиты, сминая, подчиняя себе его волю. Конан чувствовал, что задыхается.

— Чары,— прохрипел он.— Кто ты, ведьма?!

— Я? — Она рассмеялась.— Я — ведьма? О, нет! Слишком низко ты меня оценил! Взгляни внимательней, глупец! Я — бессмертная любовь, необузданная страсть, я — стихия! Я — океан желаний! Твоих желаний, киммериец. Ты все еще не узнал меня, чье имя ты недавно помянул, поклявшись четырем стихиями!

Конан попятился. Он, который не дрогнул бы и перед сотней вооруженных до зубов бойцов, ни



перед самыми страшными и коварными магами хайборийского мира, был повержен силой оскорбленной женщины. Но он еще пытался бороться. А время шло. Убегающие мгновения жгли его душу расплавленным свинцом. Кто из людей мог коснуться богини?!

— Прости, великая Деркэто,— выдавил из себя Конан.— Но...— Он судорожно сглотнул, подавляя стон.— Отпусти меня.

Она отступила на шаг, хищно улыбнулась. Невесть откуда взявшийся плащ, на этот раз белый, окутал мягкими складками ее плечи.

— Разве я держу тебя? Если хочешь, иди. Решай, киммериец, но только быстрее.

Презрение, прозвучавшее в ее голосе, вдруг всколыхнуло в душе Конана волну гордости. Он тоже отступил, поднял голову и с вызовом взглянул на нее.

— Я решил.

— Но решишься ли?

Уже повернувшись, он с горечью бросил через плечо:

— Прощай и прости. Я не могу иначе... — И тут же пожалел о вырвавшихся словах.

Бегом вниз по склону, все быстрее и быстрее к мерцающим огням сонного лагеря.

* * *

— Что с часовыми? — негромко спросил Радхар.

— Карим и Сахен свое дело знают,— тихо ответил из тьмы Арапша.



— Будем надеяться,— пробормотал про себя шпион.

Он немного нервничал. И без Арапши отлично знал, что посланные им люди справятся с убийством дозорных без особого труда. Карима и Сахена он знал давно и не раз имел возможность любоваться их виртуозной работой.

Радхар с тревогой смотрел на холм. На десятки лиг окрест — единственная возвышенность, с которой все побережье видно как на ладони. А в такую лунной ночью видно особенно далеко. Могут ведь и заметить то, что видеть совсем не нужно.

Хотя Карабату дан четкий приказ, но всего не предугадаешь. Блеснет в лунном свете начищенный шлем или серебряный эфес, лошадь всхрапнет не вовремя — и все пропало! Он не мог рисковать. Поэтому Радхар, с первых мгновений своих пребывания в лагере мунган стал ненавидеть этот холм.

Радхар и его люди рассыпались в зарослях, прячась в их густой тени. В лагере почти не осталось растительности, что повырубили, что повытоптали, но тут и там пробивались кусты и небольшие деревца, где лазутчики и ожидали сигнала.

К моменту снятия дозора на холме, Карабат должен был окружить лагерь мунган, оставив открытым лишь выход к морю. О дальних постах туранцы позаботятся сами, в этом им помощь окажут маги, способные точно определить местонахождение человека за лигу. Всех магов Радхар



лично проверял — так, мелочь, конечно, но благодаря кое-каким колдовским амулетам, вряд ли они ошибутся. К тому же расположение постов мунган Радхар отлично знал о чем, конечно же, уведомил Карабата.

Ближние посты уже были уничтожены людьми Радхара. Кроме дозора на холме, сотри его Эрлик с земного лика!

Дождавшись условленного знака, Радхар, Арапша и еще трое должны проникнуть в шатер Конана и покончить с киммерийцем. После этого в лагере начинается резня. Шум и суматоха послужат сигналом к атаке Карабата, который к этому времени обязан перекрыть все дороги.

Радхар до боли в глазах всматривался в нечеткие очертания холма, нервно покусывая тонкие губы. Времени почти не осталось.

— Знаешь, что это за холм? — спросил он у Арапши. Гирканец безразлично пожал плечами.

— У юэтиши есть легенда, будто на вершине этого холма иногда являлась та, которую мы называем Деркэто.

— Неужели сама богиня любви?! Я бы не пожалел одного глаза, чтобы оставшимся взглянуть на нее!

Радхар посматривая, то на холм, то на небо, тихонько рассмеялся:

— Глазами сыт не будешь... тем более, что у тебя останется всего один. Разве ты не знаешь, что смертным запрещено зреть лик божества?

— А тело? — грязно ухмыльнулся Арапша.

Радхар покачал головой:



— Можешь потерять голову вместе с глазом... и душу. Юэтши наделяют свою богиню иными качествами, чем мы — Деркэто. У нас она богиня любви, а у них мать всего сущего, понимаешь? Другими словами, хозяйка человеческих судеб. Юэтши считают себя ее детьми. Рассказывают, что она может появляться в лунные ночи, такие, как сегодня, то в образе прекрасной девы, то в виде беременной женщины. А если увидишь горбатую старуху с окровавленным топором, считай, приятель, тебе крупно не повезло.

— А что, действительно, видели?

— Не знаю. Юэтши очень древний народ. Они жили на берегах Вилайета еще в те времена, когда наши предки только начали Великое переселение с востока. Сейчас племя их вымирает. Древние легенды путаются с преданиями, уже позаимствованными от нас. Не думаю, что их Деркэто прежде звалась этим именем. Но камни и горы на их головы! — Радхар выпрямился и сжал кулаки. — Больше ждать невозможно. Неужели не удалось?

— Но и тревоги никто не поднял, — успокаивающе заметил Арапша.

— Что-то не так, — сквозь зубы процедил Радхар. — А Карабат уже близко! Хватит и одного мунганина, чтобы поднять в лагере переполох. Предупреди людей, мы идем к киммерийцу!

* * *

Часовые мунгане умерли безболезненно, во сне. Они были усыплены перед тем, как Конан



и ночная гостья поднялись на холм, а сейчас просто попались на пути метавшейся в гнев богини. Так же мгновенно были убиты Карим и Сахен. Разум разъяренной женщины был занят планами мести отвергнутому ее благосклонность варвару. Последнее, что они увидели, было летящее прямо в лицо лезвие огромного топора, казавшееся черным в мертвенном свете луны.

Сгорбленная, одетая в лохмотья старая ведьма даже не взглянула на свалившиеся мешком у ее ног тела. Не глядя, протянула руку, и рукоять секиры послушно легла на ее ладонь. Так же мгновенно она могла убить киммерийца. Но Конан заслужил другую участь.

— Ты потеряешь свою силу, неблагодарный варвар. Кхе-кхе, — рассмеялась ведьма дребезжающим старческим голосом. — И удача покинет тебя!.. Лишь истончится серп луны, как мое проклятье исполнится!

* * *

Часовые, стоявшие на страже у входа в шатер Конана, честно исполняли свой долг: лениво переругивались, опираясь на копья. Мысль о том, чтобы подремать хотя бы по очереди даже не приходила им в голову. Оба знали, что их ждет в случае нарушения. Впрочем, обижаться было не на кого. Мунгане сами решили оказывать вождю уважение, поставили отдельный шатер и дали телохранителей. Заснувшего на своем посту, подняли бы на копья так же быстро, насколько быстр был на руку палач в Аграпуре. Эти двое



и не подозревали, что проспали почти полночи, заснув, словно лошади, стоя. Не ведали, что человека, за жизнь которого они отвечали, все это время не было в шатре. Не знал этого и Радхар со своими головорезами, иначе унганское войско не потеряло бы двух своих лучших бойцов.

Две короткие отравленные стрелы, погрузили их в сон, куда более глубокий, чем тот, в котором они пребывали. Сильные руки подхватили обмякшие тела, не дав им упасть на землю, чтобы звон доспехов не достиг ушей киммерийца.

Каждое движение было многократно отточено, каждый человек знал, что ему делать. Радхар рванул полог, в длинном прыжке пролетев половину шатра, мягко приземлился на руки, и мгновенно развернулся, стоя на одном колене, с обнаженной саблей в руке.

Вторым ворвался Арапша, ему предназначался удар киммерийца, если варвар успеет проснуться и вскочить со своей лежанки. Схватившись с гирканцем, Конан уже не смог бы избежать смертоносного выпада Радхара. Еще трое готовы были прийти им на помощь в любое мгновение. Но в шатре не было никого.

Прошло не так уж мало времени, прежде чем Радхар вновь обрел дар речи.

— Прочь отсюда! — прорычал он, опрометью бросаясь вон из палатки.

Арапша задержался, чтобы вытащить стрелы из трупов, и бегом догнал остальных.

— Где же он? — выдохнул гирканец, не успев перевести дух. — Где этот шакал.



Радхар до крови закусил губу. Его изощренный ум с бешеной быстротой просчитывал возможные варианты. Самым благоразумным казалось сейчас приказать Карабату убраться со своими тысячами прочь от лагеря. К тому времени, когда обнаружат тела двух убитых мунган, его конница уйдет уже далеко.

— Что будем делать, господин? — голос Арапши срывался.

Ответить Радхар не успел. От дальних костров донесся, слегка приглушенный расстоянием, громоподобный рев, полный нечеловеческой ярости.

— Тревога!

И это предупреждение накатывающимся океанским прибоем прокатилось над спящим станом.

— А вот и киммериец, — спокойно произнес Радхар.

Только побелевшее лицо выдавало ту бурю чувств, которая клокотала в его душе. Но Радхар не дождался до своих лет, если бы не умел даже ошибки обращать себе на пользу. Болван Карабат чем-то выдал себя раньше времени. Сейчас будет бой с сомнительным исходом. Что ж, прекрасно. В неразберихе все может случиться. Если же нет, то еще остается форт Дугари. Несмотря ни на что, Конан от него не откажется.

Убить киммерийца — вот главная его задача. Собирище мунган без варвара немногого стоит. Достаточно удара в спину в пылу боя, одной случайно пущенной стрелы. Все остальное значения



не имеет, пусть даже здесь умрут все гвардейцы Карабата.

— Арапша, передай всем — забыть о том, кому мы служим. Драться так, будто вы родились мунганами. Конана, если представится случай, убить. Но действовать только наверняка. Если будет хоть доля сомнения, киммерийца не трогать. В общей свалке у нас шансов мало, а доверие варвара нам еще пригодиться. Пошли!

Разбойники блеснули такой выучкой, что самый придирчивый сотник туранской армии гордился бы такими солдатами. Еще совсем недавно спящие воины, в мгновении ока, без суматохи оказались на ногах с оружием наготове, сбились в десятки и сотни.

Лошади нетерпеливо рыли землю копытами, но садится в седла никто не спешил, понимая, что в темноте у конницы преимуществ немного.

Карабат об этом, наверное, не подумал. Гвардейцы подошли слишком близко к лагерю, когда там подняли тревогу. Рассчитывая, что мунгане не успеют подготовиться к отпору, лучший тысячник Ездигерда скомандовал атаку.

Туранцы еще не успели выбраться из зарослей, когда мунгане их молча атаковали. Они были повсюду: прятались в кустах, сыпались на головы с веток деревьев, били в лицо и в спину...

У туранцев оставался единственный путь — уже не к победе, а к спасению — вперед на широкое пространство лагеря, где есть место построить конницу, и можно встретить врага лицом к лицу.



Но, продравшись через колючие заросли, потерявшие командиров, туранцы встретили перед собой многочисленные крепко сбитые ряды. Впереди, на рослом вороном жеребце, во весь опор прямо на них неслись обнаженный гигант, размахивая кривой зуагирской саблей.

В свете равнодушной луны и догорающих костров вспыхнула яростная битва. Лязг оружия, ржание лошадей, крики и стоны заставили в испуге умолкнуть голоса лесных зверей и птиц.

Растерянные туранцы подались назад, обратно к влажным зарослям, где их также ждала смерть. Но недаром солдаты Ездигерда завоевали почти полмира. Их стойкость, отменная выучка и железная дисциплина вошли в поговорку у народов хайборийского мира. К тому же, отряд Карабата имел почти трехкратный перевес в численности. Сквозь джунгли прорывались опоздавшие к началу схватки гвардейцы и сходу врубались в ряды мунган. Имеющие отличные доспехи, в тесной схватке они имели явное преимущество перед легковооруженными разбойниками.

Радхар держался недалеко от северянина и так усердно размахивал саблей, что вскоре враги стали его избегать, уступая дорогу без боя. Он упорно прорывался к варвару, и был близок к своей цели, когда над полем прохрипел турий рог и их атаковали свежие сотни туранцев. Битва вспыхнула с новой силой, и нахлынувшая волна стальной конницы развела его с киммерийцем. Серый плюнул с досады и выплеснул свою ярость на гвардейцев Ездигерда.



Вдруг он спиной почувствовал нечто, отчего страх и холод закрались под сердце шпиона. Радхар поднялся в стременах, с ужасом оглядывая поле боя, едва успевая отбивать сыпавшиеся на него удары. А когда он увидел, первым его желанием было вырваться из гущи сражения и мчаться отсюда подальше, пока не загонит коня. Но вокруг была невообразимая толчея, где люди вдохновенно резали и рубили друг друга, и о бегстве можно было забыть. Серый сжался в седле, прикрывшись саблей словно щитом, и неотрывно глядел лишь в одну сторону. Там, словно невидимый жнец войны, сквозь ревущую и стонущую толпу, шла сгорбленная фигура, закутанная в черный плащ, с огромным окровавленным топором в руках. Чудовищный топор мерно поднимался и опускался, круша без разбора и мунган, и туранцев, оказавшихся на пути старухи.

За черной старухой оставалась широкая кровавая просека, быстро исчезающая во всеобщем водовороте. Ужасный призрак поравнялся с Радхаром и на мгновение замедлил шаги.

Сердце Серого оборвалось, когда его ожгло испепеляющим взглядом из-под глубоко надвинутого капюшона — в пустых безжалостных глазницах бушевал пламень самой преисподней. Затем она двинулась дальше, и шпион вздохнул с облегчением, а вот киммерийцу не повезло, он находился прямо на ее пути. Как же был удивлен Радхар, когда вместо того чтобы сразить проклятого варвара богиня обняла его за плечи и нежно поцеловала. Серый закрыл глаза, прого-



няя видение, а когда открыл, кругом кипела яростная битва. Призрак Деркэто исчез, как не было.

От зорких глаз киммерийца не ускользало ничего, он дрался наравне со всеми и успевал следить за ходом боя. Варвар уже поверг под ноги лошадей двух сотников в посеребренных доспехах и искал хищным взором туранского начальника. Пока мунгане не понесли больших потерь, но что будет, когда в битву вступят все силы туранцев? Когда он выбирал место для лагеря, наметил и пути отхода, на случай если их прижмут к морю. Правда, ни сам Конан, ни его командиры не верили, что это может случиться. Что придется принимать бой в самом лагере, ночью, да еще в окружении. Не верили, что их могут застать врасплох, уничтожив и дальние, и ближние дозоры. Не верили, но на всякий случай готовились. По пронзительному, перекрывшему грохот боя свисту, мунганская конница вдруг отхлынула, оставив между собой и туранцами пустое пространство, заваленное телами людей и животных.

Пораженный увиденным, Радхар, не сразу заметил, как на него налетел плотный туранец с копьем наперевес. Серый запоздало поднял своего жеребца на дыбы, и копьё с хрустом ударило несчастное животное в грудь. Удар был настолько силен, что оба всадника чуть не вылетели из седел. Конь Серого, словно скошенный тростник, опрокинулся на бок. Нога шпиона запуталась в стремени, и он грянулся на землю вместе с ло-



шадью. Прижатую седлом ногу жгла нестерпимая боль. И в этот миг над полем разнесся громкий с переливами свист. Разбойники изобразили отступление, пустив коней с места в галоп. Теперь Радхар думал лишь о том, как ему уцелеть от мелькающих тут и там конских копыт. Да еще этот туранец, что так ловко спешил его, кружился рядом, словно коршун над кроликом. Дважды он пытался достать Серого саблей, но тому каким-то чудом удалось отразить удары, отделавшись глубокой царапиной через весь лоб.

Ухмыляющийся туранец низко свесился с седла и пошел на третий заход. Радхар мысленно простился с жизнью, но неожиданно лошадь противника понесла его прочь с безвольно обмякшим на спине седоком. Шпион с трудом поднял голову, глаза его заливала кровь. Сверху на него не мигая смотрел холодный взгляд киммерийца. Несколько долгих мгновений они мерили друг друга взглядом, а затем Конан протянул ему руку. Сейчас Радхар бы предпочел, чтобы это была вендийская кобра, но жажда жизни заставила его вцепиться мертвой хваткой в руку варвара. Мощным движением плеча Конан вырвал его из-под лошади и швырнул на седло перед собой. Рывок отозвался дикой болью в ноге, и шпион потерял сознание. Достигнув неровного строя разбойников, северянин грубо сбросил потерявшего сознание Серого на руки подбежавшим воинам.

— Глаз с него не спускайте, головой отвечаете! — рявкнул он, поворачиваясь лицом к противнику.



Уловка мунган не совсем удалась, кое-кто из разбойников не успел отойти, завязнув в строю туранцев, многие из которых потянулись за отступающим врагом. Но главное было достигнуто — мунгане плотно сбились в один кулак, а их противник представлял собой рыхлую, беспорядочную толпу. В распоряжении разбойников было всего несколько коротких мгновений. Благодаря своей прославленной выучке, конница Ездигерда могла сомкнуть ряды за считанные удары сердца. Но своего шанса мунгане не упустили.

Воздух наполнило басовитое гудение тяжелых стрел, сотнями пронзивших предрассветный сумрак. Колышущаяся масса туранцев представляла собой отличную мишень. Лучники в яростной спешке рвали тетивы луков. Неважно куда попадает стрела — в коня или всадника, неважно, какую рану она нанесет: лишь бы вывести врага из строя, заставить его зубами скрипеть от боли, не дать сомкнуть стальные ряды.

Смертоносный шквал продолжался недолго, пока не кончились стрелы в колчанах. Но эти мгновения стали для туранцев настоящим кошмаром. Небольшие круглые щиты не могли защитить их от тучи стрел. Люди и лошади валились десятками. О тела павших спотыкались и падали на землю ошалевшие, еще не задетые стрелами кони, подминая под себя седоков.

Однако, несмотря на потери, туранцы были еще сильны, но и натуре киммерийца, которого никто не мог бы упрекнуть в трусости, была противна сама мысль об отступлении. Он огля-



дел свое пестрое воинство, прочтя в десятках лиц непоколебимую решимость, и скомандовал атаку.

Мунгане налетели на не успевших опомниться туранцев, словно стая голодных демонов, с диким воем, визгом, хохотом, в которых не было уже ничего человеческого...

* * *

Мунгане разбрелись по полю, отыскивая раненых и обирая мертвые тела. Все были заняты делом. Никто не проявлял восторгов по поводу одержанной победы: сказывалась усталость и сознание того, что разгром туранцев дался им слишком дорогою ценой — треть войска пала во время последней атаки, когда в тесноте и давке пошли в ход ножи и зубы. Туранцы дрались отчаянно, но не выдержали и бросились бежать.

Почти все они полегли, мунгане гнали их несколько лиг. Только единицам удалось скрыться в джунглях.

Посланные Конаном разъезды прочесывали лес и берег моря. Приказ киммерийца был суров и прост: ни один туранец не должен добраться до форта Дугари, прежде чем до него доберутся разбойники.

Конан молча стоял у своего шатра, который каким-то чудом уцелел во время побоища. Настоящие горы из трупов громоздились неподалеку, а здесь лежали только два тела. Стиснув зубы, северянин вошел в палатку, и вышел через некоторое время, уже не в набедренной повязке,



а полностью одетый в походный костюм. По каменному лицу, было трудно судить о том, что творилось в его душе, лишь сузившиеся темносиние глаза говорили о кипевшей в ней боли и ярости.

С утра у киммерийца все валялось из рук. Он чувствовал смертельную усталость, а тело ломило так, будто его ночь напролет топтала вся туранская конница. Кусок мяса не лез в горло, и даже аквилонское вино казалось кислым, а уж такого с ним раньше никогда не бывало. Вспоминая события минувшей ночи и сопоставляя их, Конан сделал для себя единственно верный вывод — предательство! Взмахом руки варвар подозвал к себе одного из своих помощников. Тот подошел, держась рукой за распухшую скулу.

— Приведи ко мне Радхара, я хочу поговорить с ним! Можешь привязать его за хвост лошади, если он сам не пожелает идти! — строго приказал варвар и скрылся в шатре.

Нимало удивленный таким приказом и гневным голосом вождя, помощник со всех ног бросился на другой конец лагеря.

Некоторое время спустя, Радхар, опираясь на обломок копья, вошел в палатку киммерийца.

Конан с мрачным видом сидел на сундуке, поигрывая кинжалом. При появлении шпиона он оторвался от своего занятия и взглянул ему прямо в глаза. Сердце Серого заledenело: в синих глазах северянина бушевала буря, какие только и можно представить в суровых и негостеприимных краях, откуда киммериец был родом.



— Из-за тебя погибли мои люди... Готов ли ты принять смерть, как мужчина? — спокойным голосом спросил он.

— Ты спас мне жизнь вчера, чтобы лишиться сегодня? — гордо вскинув голову, вопросом на вопрос ответил Серый. — Теперь я твой должник.

Конан вздохнул, покачал головой.

— Ты станешь отрицать свою вину? Это недостойно тайного советника владыки Турана. Слышал, Ездигерд тебя очень ценит?

Радхар не сразу нашелся с ответом, ошеломленный осведомленностью киммерийца. А когда заговорил, то слова давались ему с трудом:

— Жаль, что ты поссорился с Иллизом. Сейчас был бы уже эмиром. И давно ты меня разгадал?

— В бою, — коротко бросил Конан. — Не нужно быть большим мудрецом, чтобы сопоставить цепь событий. С первых дней ты искал со мной драки, чтобы после занять мое место, а без меня эта армия развеется в прах; ты попытался навязать мне ложный план взятия Дугари — я знаю эту местность, там нет подземного хода; а вчера ты отправил гонцов за подмогой, но вместо них пришли туранцы. Нужно ли еще продолжать?

— Достаточно! Все верно... Ты выиграл, киммериец, я искренне восхищен тобой. Жалею, что нам не суждено стать друзьями.

— Ты тоже нравился мне, Радхар. Вчера мы дрались плечом к плечу, и я спас почти друга. Сегодня пришло время ответить за свое предательство... А ведь ты мог ударить мне в спину.



Серый молча проглотил прозвучавшую в словах варвара насмешку и, поборов свою гордость, твердо сказал:

— Я твой должник, Конан. Пусть ты и спас мне жизнь лишь для того, чтобы предать лютой смерти, но прежде, чем предстать перед Эрликом, я хочу вернуть тебе долг. — И тут Радхар, повинувшись какому-то внутреннему порыву, рассказал киммерийцу о черной старухе с окровавленным топором, и древних поверьях юэтши. — Тот поцелуй — проклятие богини, которое исполнится до новолуния. Можешь не верить мне, но чем-то ты прогневал Деркэто.

К концу рассказа варвар уже нервно расхаживал по шатру. Вид его был взволнован, лицо посерело.

— Ерунда! — крикнул он, останавливаясь перед Радхаром, и пронзая шпиона колючим взглядом. — Ты лжешь, спасая свою жизнь! Как мог ты видеть то, чего не видели больше ничьи глаза!?

— Все очень просто — ведь я юэтши, — выдерживая взгляд киммерийца, невозмутимо ответил Радхар. — Иногда боги являют своим детям.

— Юэтши? Ты — юэтши?! — поразился Конан, бессильно опустившись на лежанку. — Клянусь Кромом, если бы ты не стоял перед ликом смерти, никогда бы в это не поверил!

— Ну вот, хоть что-то тебе обо мне не известно, — усмехнулся Радхар. — Доверься мне, Конан, расскажи, чем ты не угодил богине и быть может, я сумею тебе помочь. А после ты волен предать меня смерти.



Варвар пребывал в замешательстве: он не верил пустым суевериям, если бы собственными глазами не видел прекрасную богиню, не обнимал ее волнующее тело вот этими самыми руками. Предупреждение в словах Деркэто, прозвучавшее на прощание, сейчас, словно запоздалое эхо, гремело у него в голове. Мозг лихорадочно работал, и картина вырисовывалась неутешительная. «Но можно ли доверять Радхару?»

— Ты говоришь, что богиня является в образе юной девы? — растягивая слова, спросил он.

— Боги вольны принять любое обличье. Решай, Конан. У тебя в запасе всего пара дней, — пожал плечами Серый. — Что будет после этого срока, известно только богине.

Киммериец окинул шпиона угрюмым взглядом из-под насупленных бровей и вдруг решил, рассказав все без утайки, словно хотел снять с себя тяжкий груз. Когда он дошел в рассказе до места, где оттолкнул от себя Деркэто, Радхар многозначительно присвистнул.

— Дальше можешь не продолжать. Ты поступил очень глупо, — искренне посочувствовал ему Серый. — Она могла бы тут же тебя уничтожить, но видно приготовила что-то более страшное. Однако я знаю способ, как вытащить тебя из этой беды.

— И что для этого следует делать? — упавшим голосом спросил Конан.

— Украсть топор старухи, — не моргнув глазом, ответил туранец. — Чтобы вернуть себе топор богиня снимет с тебя проклятие.



— Только-то и всего! — не удержался от смеха варвар. — Ладно, ты вволю потешился надо мной, теперь настал мой черед.

Конан уже поднимался на ноги, чтоб позвать стражу, когда Серый настойчиво произнес:

— Выслушай меня до конца, северянин. Украсть топор совсем не просто. Но можно, только для этого тебе придется стать юэтши.

— Ты верно забыл, что я киммериец, — нетерпеливо отмахнулся варвар.

— Обряд приобщения к роду, мог бы сделать тебя юэтши, — нажимал Радхар.

— Да уж не ты ли совершишь этот обряд?

— Нет, не я. Но здесь недалеко есть деревенька рыбаков, где тебе сумеют помочь.

Киммериец с недоверием посмотрел на шпиона. Спасай сейчас Радхар свою шкуру, он вряд ли бы смог сочинить на ходу такую невероятную историю. Конан неожиданно поймал себя на мысли, что почему-то ему хочется верить Серому.

— Хорошо, едем к твоим рыбакам, — наконец согласился он.

— Мы отправимся туда вечером — сейчас все мужчины на промысле, а женщины попрячутся в лесу, лишь только нас заметят. Юэтши слишком мирный народ, и многие этим пользуются, причиняя зло.

Радхар понемногу становился самим собой — спокойным, расчетливым, уверенным в себе, каким он был всегда — с тех времен, когда оставил навсегда рыбацкую деревушку в поисках лучшей доли.



— Что ж, будь по-твоему. Но не пытайся обмануть меня, Радхар, иначе смерть твоя будет ужасна.

* * *

Вдвоем, стремя в стремя, они ехали берегом моря. Волны купались в закатных лучах. Чайки с недовольными криками уступали дорогу двум мрачным всадникам и долго еще кружили над пенным прибоем. Радхар неуклюже сидел в седле, раненая нога нестерпимо болела, но гордый юэтши ничем не выдавал своих чувств.

Конан и вовсе не походил на себя: плечи киммерийца осунулись, голова по-стариковски клонилась на грудь, в глазах уж не горел тот яростный огонь, с которым варвар врывался в ряды врага и поднимался на стены крепостей. Перемены были столь разительны, что, когда он проезжал лагерем, разбойники с трудом узнавали своего вожака и с удивлением смотрели вслед.

— Чем ты обязан Ездигерду? — спросил северянин. — Ведь ты даже не туранец!

— Не Ездигерду.

— А кому? Илдизу?

— Да. Волею судьбы он подобрал на меня, подыхающего с голоду в трущобах Аграпура. Покойный король любил иногда, надев простое платье, потеряться среди городских отбросов — в сопровождении переодетых телохранителей. Не знаю, какая муха его укусила, но он взял меня во дворец. С тех пор я верно служил ему, а потом — его сыну. Ну, вот мы и приехали.



Конан огляделся по сторонам. Деревня юэтши приютилась у самой кромки воды. Несколько рыбацких лачуг, собранных из жердей, камышовые крыши, грубые печи на улицах и пропитавший все насквозь запах рыбы не произвели на него впечатления. В центре селения высился большой дом, больше похожий на хлев, чем на жилое строение. На берегу лежали лодки, выдолбленные из цельных стволов. Тут же сушились сети. Ватага шумных ребятишек гоняла по улочкам деревушки одинокого барана, жалобно взывающего о помощи, но, заметив двух грозных всадников, кинулась врассыпную. Вслед за этим на улицы высыпали мужчины: невысокого роста, с косматыми челками, ниспадающими на глаза, в жалких отрепьях, какие и нищий бы постеснялся одеть, насквозь продубленные солью и черные от загара. Однако жилистые руки уверенно и твердо сжимали гарпуны и остроги, направленные на двух незнакомцев.

Киммериец едва нашел в себе силы слезть с лошади. Пройдя несколько шагов, утопая по щиколотку в сыпучем песке, он остановился перевести дух, чувствуя себя столетним стариком.

Радхар выступил вперед, широко расставив руки, обращенные открытыми ладонями к воинам, и заговорил с ними на непривычном для слуха северянина свистящем языке.

Из группы мужчин вперед выступил худой сутулый воин, с осторожным прищуром глаз. Он внимательно слушал Радхара, признав в нем своего, изредка перебивая односложными вопроса-



ми, но на Конана смотрел с недоверием и неприязнью. Серый говорил долго, киммериец устал ждать, и нетерпеливо положил руку на его плечо.

— Это Сават, он вождь племени. Юэтши согласились нам помочь, хотя и опасаются гнева богини. Тебе здорово повезло, Конан. Они говорят, что твои воины часто приезжали в деревню и покупали у них рыбу. Это был честный торг, без обмана.

— Скажи им, что я щедро заплачу, если они выполнят условия договора,— сказал варвар и потянулся к спрятанному в поясе кошельку.

— Этого не следует делать,— Радхар поспешно остановил его руку.— Тебе оказывают честь, а своим золотом ты их только обидишь.

Конан удивленно пожал плечами.

— Тогда давай, побыстрее покончим с этим. А то боюсь, когда мы доберемся до главного, у меня сил не хватит поднять этот проклятый топор.

Радхар перевел слова киммерийца Савату, и тот энергично закивал головой, приглашая двух путников, следовать за собой. Юэтши, что помоложе, разбежались по всей деревне, собирая жителей на столь необычное зрелище. Вскоре у дома в центре селения собралась толпа. Мужчины ободряюще смотрели на Конана, расступаясь перед северянином, женщины над чем-то хихикали, и прятали насмешливые глаза.

— Послушай, чему они все смеются? — нахмурился варвар.— Я, кажется, забыл спросить тебя, в чем заключается смысл обряда?



— Тебе понадобится все твое мужество,— лукаво улыбнулся Радхар.— Мне помнится, ты не слишком лестно отзывался о женщинах рыбаков.

— Какое это имеет отношение к делу? — удивленно вскинул брови варвар, замедлив шаг.

— Самое прямое,— простодушно ответил Серый, и улыбка на лице шпиона стала еще шире.— Скоро ты сам все поймешь, а пока идем, друг Конан, не стоит останавливаться на полпути. Надеюсь, к концу церемонии я смогу называть тебя своим братом.

Они уже подходили к дому, когда перед ними распахнулась дверь и на пороге появился старик, такой древний, что был похож на гнилое яблоко. Все его тело и даже лицо покрывала причудливая татуировка, на шеи и груди висело множество зловещего вида амулетов. Радхар поздоровался, низко поклонясь старику. Удивительно молодым, чистым голосом старик ответил.

— Это местный колдун,— пояснил Серый,— он приветствует нас и одобряет твое решение стать юэтши. Входи, Конан, к обряду уже все готово.

Киммериец с сомнением покосился на шпиона, затем на старика, и, тяжело вздохнув, шагнул внутрь. Вслед за ним потянулись и все жители деревушки. В центре дома горел огонь в очаге. Над пламенем, удерживаемый на медной треноге, закипал огромный котел. Дым поднимался к потолку и исчезал в специальном отверстии в крыше. Мужчины, женщины и ребятишки, рассаживались вдоль стен на тростниковых цинов-



ках, оживленно переговариваясь друг с другом. Когда все устроились, колдун повелительным жестом успокоил толпу, и, взяв киммерийца за руку, повел к огню.

— Иди с ним и делай все, что он велит, — напутствовал его Радхар.

Колдун вдруг затянул какой-то унылый мотив, и песня тут же была подхвачена всеми юэтши. Старик жестами стал объяснять, что Конан должен раздеться. Варвар повиновался и сбросил с себя тунику. Колдун удовлетворенно покачал головой и дал понять, что следует снять также сапоги и штаны, и не успокоился до тех пор, пока киммериец не остался в одной набедренной повязке. Юэтши приветствовали эти действия громкими криками. В руках у старика появился маленький деревянный ковш и, зачерпнув воды из котла, он стал поливать ею Конана. Северянин не возражал, хотя вода и показалась ему чересчур горячей. Потом старик хлопнул в ладоши, и его помощники расстелили на полу одеяло, сшитое из нескольких звериных шкур. Вслед за этим на центр комнаты вышла женщина в необъятно просторной рубашке, лукаво глядя на киммерийца, и легла на одеяло. Под смех и улюлюканье толпы женщина стала кричать и кататься на мягких шкурах. Конан с удивлением следил за этими приготовлениями и все больше мрачнел. Колдун, оживленно жестикулируя, пытался ему что-то втолковать, показывая на бьющуюся в судорогах женщину. Варвар окаменел лицом, когда узнал в ее действиях поведение ро-



женицы. И тут он, наконец, понял, что так настойчиво объяснял ему колдун, подталкивая к женщине. Конан кинул яростный взгляд на хохочущего вместе со всеми Радхара, и на негнувшихся ногах шагнул навстречу своей участи.

«Ладно, пусть это быстрее закончится, — решил он и быстро нырнул в просторную рубашку». Словно гигантский змей киммериец проскользнул сквозь этот балахон и выбрался с другой стороны. Колдун был тут же, заголосив явившимся в мир младенцем. Юэтши вторили ему, покатываясь со смеху.

— Это еще не самое страшное, Конан! — воскликнул Радхар. — Тебя ждет более суровое испытание.

Так варвар заново родился на свет от женщины-юэтши, но чтобы стать большим и сильным, младенцу нужна материнская грудь. Скрипя зубами, Конан прошел и через это, под восторженный рев народа рыбаков.

— Вот ты и стал одним из нас! — Киммериец резко обернулся на голос Радхара. — Готов ли ты к встрече с богиней?

— Да, но как мне найти ее?

— Отправляйся туда, где вы встретились в первый раз. Это совет колдуна, а он умеет общаться с богами.

* * *

Конан медленно поднимался на холм. Память о женщине неземной красоты, ласкаемой лунным светом, вновь заставила кипеть его кровь.



Его уход остался незамеченным. Сейчас мунаганам хватало дел, им было не до своего вождя. В спину уходящему киммерийцу смотрела лишь одна пара сочувствующих глаз: Радхар остался ждать его на опушке леса.

Конан остановился, в задумчивости поглаживая подбородок. Сейчас ему бросилось в глаза то, чего он раньше не замечал: холм имел правильную форму, и без сомнения был творением человеческих рук. Кто же нагромоздил здесь эту гору земли, для чего? Что скрывается в ее недрах? Кто знает ответ, юэвши? Расспросить бы их обо всем, но у него уже нет на то времени.

До вершины он добрался лишь к середине ночи, и устал так, что едва волочил заплетающиеся ноги. Первое, на что он наткнулся, были человеческие останки и пятна крови на земле.

Подойдя поближе, Конан увидел два тела, вернее, то, что от них осталось — обрывки одежды, изломанное оружие, белеющие кости. Варвар был привычен к подобным зрелищам, но невольно отвел взгляд, с содроганием подумав о чудовищной силе, которая смяла, сплющила, раздавила то, что когда-то было крепкими здоровыми мужчинами. Легкий ветерок растрепал его волосы, принес с собой далекий рокот прибоя.

Он трижды повторил слова, которым научил его Радхар, и огляделся по сторонам. Теперь, если верить юэвши, богиня должна спать мертвым сном.

Осторожно ступая, киммериец обошел всю вершину. На северном склоне его взору откры-



лась, глубокая мрачная трещина, хотя он мог поклясться, что еще прошлой ночью ее здесь не было.

«Неужели я, в самом деле, стал юэвши, глаза которых способны видеть древних богов?!» — с ужасом и восторгом подумал варвар.

Конан заглянул за край трещины и тут же отпрянул. Деркэто была там, если кошмарного вида старуху в запятнанных кровью лохмотьях можно назвать именем прекрасной богини.

Она сидела в глубине небольшой пещеры и казалась застывшей статуей. Огромный сверкающий топор лежал у нее на коленях.

Затаив дыхание, Конан ступил под своды пещеры, лицо его было мрачным, густые брови сдвинулись к переносице, на лбу пролегла глубокая морщина. Между ним и хозяйкой холма осталась некая недосказанность, а варвар всегда и во всем предпочитал идти до конца. Сердце его учащенно забилося, когда он приблизился к грозной богине.

— Я пришел, — негромко сказал киммериец, с ужасом представив себе, что вот сейчас старуха откроет глаза и с усмешкой потянется за своим топором.

Но ничего не произошло, старуха сидела как каменный истукан. Немного осмелев, Конан резким движением выхватил у нее топор и, не оглядываясь, бросился бежать.

Так он не бежал со времен своей юности. Киммериец стрелой вырвался из леса, и без сил рухнул на руки взволнованного Радхара.



— Вижу, тебе это удалось! — в голосе Серого слышалось неподдельное восхищение. — Идем же в твой шатер, расскажешь все как было.

Они вошли в палатку и плотно задернули полог. И оба не сдержали крика ужаса, когда от дальней стены отделилась тень, похожая на расстрепанную ворону.

— Я зажала тебя, киммериец! — укоризненно сказала старуха и негромко, но зло рассмеялась.

— Для тебя я — юэвши,— едва ворочая непослушным языком выдавил варвар, отступая ко входу.

— Вот как? — остановилась карга, рассматривая варвара из-под грозно сошедшихся к переносице бровей. — И кто же надоумил тебя на это? Не ты ли, мой заблудший сын?

Радхар, с трудом веря своим глазам, с повинной головой упал на колени перед старухой.

— Прости меня, великая Деркэто, Конан спас мне жизнь. Я только возвращаю ему долг.

Конан покосился на него и, подумав, тоже опустился на одно колено.

— Я хочу извиниться,— язык тяжело ворочался во рту. — Прости, я обидел тебя.

— Меня нельзя обидеть... Зато можно оскорбить. — Голос богини был холоднее снегов Асгарда. — Верни мне топор! Ты заплатишь за все, и заплатишь сполна!

Конан взглянул ей прямо в глаза — черные окна в некий загадочный, недоступный для смертных мир.



— Сними с меня проклятие, и тогда ты его получишь! — вскинув голову, с вызовом ответил он.

— Послушай меня, северянин! — обратилась к нему старуха. — Ты слишком горд. Я знаю, что смертью тебя не испугать, поэтому решила отомстить иначе. И я придумала наказание...

— И что же это было? — спросил ее Конан. Он вновь обрел хладнокровие и уверенность в себе. Непривыкший склонять голову ни перед кем, будь то боги или демоны, он открыто смотрел в лицо мерзкой старухи.

— Я забрала твою удачу и силу!

Слова богини не сопровождались ни громом, ни молнией, но, несмотря на отсутствие знамений. Конан как-то сразу поверил в то, что она сказала, и перестал улыбаться, почувствовав то стремительное падение в бездну, из которой уже не будет возврата.

— А я забрал твой топор, и если хочешь его получить обратно, то тебе придется быть поговорчивей,— гневно бросил он.

Старуха внезапно мерзко захохотала, и Конану показалось, будто земля уходит у него из-под ног.

— Что ж, ты умеешь торговаться с богами! Благодарю своего друга, теперь он в расчете с тобой. — Ведьма повернулась к Радхару и удостоила его благосклонным взглядом. Ты снова станешь самым собой, Конан из Киммерии.

И больше не сказав ни слова, она взяла топор из рук остолебневшего варвара.



Радхар низко поклонился, Конан последовал его примеру. Когда они выпрямились, Деркзто уже не было в его шатре.

* * *

Он и Радхар сидели на морском берегу, подставив лица легкому бризу.

Барвар снова чувствовал себя могучим и сильным, верящим в свою удачу. Он с наслаждением вдохнул полной грудью и взглянул шпиону прямо в глаза.

— Куда ты теперь? Вернешься к Ездигерду?

— Ты меня отпускаешь? — Радхар внимательно посмотрел на киммерийца. — Благодарить не стану, — наконец сказал он, тряхнув головой. — Нет, в Аграпур мне дорога заказана.

— Тогда пошли с нами на Дугари, — предложил Конан. — Возьмем туранское золото, там его на всех хватит.

Радхар невесело засмеялся.

— Ты мне нравишься, киммериец, но с тобой я идти не хочу. Жизнь у мунган беспокойная, а я люблю уют и тишину.

Конан фыркнул. Серый продолжал:

— На перекрестке выбирают одну из дорог. И если нельзя повернуть, то нужно шагать прямо.

— Проще говоря, идти, куда глаза глядят?

Радхар не ответил, смотрел куда-то вдаль, на расстилающуюся безбрежную гладь моря. Вдали виднелось несколько белых точек: рыбацьи суденышки юзтши вышли на свой ежедневный промысел.



— Именно, — согласился Радхар, решительно поднимаясь. — Куда глаза глядят. Прощай, Конан. — Он круто повернулся и быстро пошел берегом моря.

Конан посмотрел ему вслед, пожал плечами и зашагал в противоположную сторону.

Он точно знал свою дорогу.

Литературно-художественное издание

СОДЕРЖАНИЕ

Олаф Локнит
Роман замкнутой цепи
Предисловие к роману «Волки Севера»

5

Олаф Локнит
ВОЛКИ СЕВЕРА

17

Тим Доннел
ЛИК ЗВЕРЯ

353

Доннел Тим
Локнит Олаф

КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ

Руководитель проекта Д. Ивахнов
Составитель Н. Баулина
Художественный редактор И. Богданов
Верстка: И. Федорова
Технический редактор В. Успенский
Корректор С. Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.12.2000.
Формат 84×108¹/₂. Гарнитура «Палатино». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10 000 экз. Заказ 931.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение № 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155 — 1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.



Читайте в серии
«Перекресток миров»
новые книги

**Константина Бояндина
Сергея Герасимова
Андрея Дашкова
Александра Зорича
Дмитрия Скирюка**



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Марина и Сергей
Дяченко**

СКИТАЛЬЦЫ



Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью!

Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюрист"

завершающий блистательную
трилогию:

"Привратник"

"Шрам"

"Преемник"





Вздательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
фантастический роман

Андрея Дашкова

УМРИ ИЛИ ИСЧЕЗНИ



Вздательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
фантастический роман

Андрея Дашкова

ДВЕРИ ПАРАНОЙИ





ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дмитрий Скирюк

**ОСЕННИЙ
ЛИС**



**СУМЕРКИ
МЕЧА**

Причудливый и противоречивый мир.
Здесь Лес говорит с человеком. Здесь
Гаммельнский крысолов под звуки дудочки
заманивает детей-колдунов.
Здесь радушный граф Дракула встречает
гостей в своем замке.
Здесь все переставлено с ног на голову - или
с головы на ноги? Кто знает...
Все может случиться в мире, где под осенней
луной танцуют рыжие лисы...



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ



ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА

«СУДЬЯ»

НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!



**ФЭН-КЛУБ
«КОНАН»
В ИНТЕРНЕТЕ !**

Новинки серии
Анонсы будущих книг
Библиография «Саги о Конане»
Неизвестное об авторах
Путеводитель по Хайбории
Коллекция линков
Гостевая книга



<http://barbarian.agava.ru>



ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !



197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»



**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОСЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИВАРА 56
КОНАН И СКЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВАТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОАНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И САГА ИСТОЛИНА 63
КОНАН И САУТА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ 65					

[Celtic Knotwork]
 [Celtic Knotwork]
 [Celtic Knotwork]





ISBN 5-17-005802-0



9 785170 058020